18+

Куколка в кресле. Безумный хирург - 2

Моник Ти

Моник Ти

Куколка в кресле. Безумный хирург — 2

«Издательские решения»

Ти М.

Куколка в кресле. Безумный хирург — 2 / М. Ти — «Издательские решения»,

Вероника обращается в клинику пластической хирургии для того, чтобы увеличить грудь. Она видит объявление, в котором сказано, что девушкам в инвалидном кресле делается скидка 70%. Она не видит в этом подвоха и очень радуется. Между тем у хирурга Матвея свои замыслы. И скидку он делает не просто так. Надеется найти немощную девушку, с которой сможет сотворить всё, что он пожелает. Матвей продолжает «лечить» свою жену.Книга содержит нецензурную брань.

© Ти М.
© Издательские решения

Содержание

Куколка в кресле. Безумный хирург-2 6
Глава 93. Клизма 6
Глава 94. На работе 14
Глава 95. В попу 20
Глава 96. Уколы и массаж 27
Глава 97. Забытая 32
Глава 98. Лечение попки 39
Глава 99. Попытка сесть 48
Глава 100. Приключения по дому 54
Глава 101. Угроза 60
Глава 102. Разговор с Григорием 67
Глава 103. Насилие 74
Глава 104. Молчи 82
Глава 105. Обработка попки 91
Глава 106. Обновление ранки 99
Глава 107. В ротик 108
Глава 108. Подготовка к процедуре 116
Глава 109. Примочки для глаз 123
Глава 110. Наказание языка 128
Глава 111. Очередная чистка подмышек 139
Глава 112. Нужна тренировка 148
Конец ознакомительного фрагмента. 149

Куколка в кресле. Безумный хирург — 2

Моник Ти

© Моник Ти, 2026

ISBN 978-5-0069-9935-0 (т. 2)
ISBN 978-5-0069-9940-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Куколка в кресле. Безумный хирург-2

Глава 93. Клизма

Матвею казалось, что вот он спал совсем недолго, а будильник уже прозвенел.

— А… чёрт! Как же не хочется вставать, — пробубнил он себе под нос и не глядя нащупал свой телефон на прикроватной тумбочке. Когда он вставал и засыпал повторно, потом просыпаться вообще не хотел, мог ещё проспать четыре-пять часов. Но, увы, сегодня так не получается.

В 11 у него операция, и, по идее, в 10 он должен быть на работе. Ну, может задержаться минут на 15—20, но задерживаться ещё уже неприлично. Да и в целом он не планировал задерживаться, и так у него не слишком рано начинается смена.

От яркого экрана он сразу же прищурился и повёл пальчиком, чтобы выключить трезвон будильника. Потом перевернул телефон экраном вниз, устало вздохнул и закрыл свои глаза. Обычно в такой момент он мог нечаянно уснуть, и тогда, конечно же, есть риск проспать. Или же не проспит, но будет лежать с мыслями, что нужно вставать, нельзя больше спать, и так далее и тому подобное. Однако сегодняшнее утро отличалось от его обычных, будничных. Он закрыл глаза и даже не успел подумать о том, что ему нельзя засыпать, — услышал вой Вероники и мигом взбодрился.

— Ну вот ведь засранка! Заткнул ей рот, а она всё равно умудряется орать.

Он продолжил лежать и понимал, что вой не прекращается. Он снова и снова слышал, как она мычит, и автоматом представлял, как она дёргается, связанная на той кушетке.

Он чисто понарошку как-то пробовал засовывать себе в рот этот кляп, и с ним весьма тяжело мычать. Это действительно как-то напрягает голосовые связки. Однако Веронику это явно не останавливает, она воет и воет. Судя по тому, что она делает это практически непрерывно, означало, что её попке совсем там хреново.

— Ладно-ладно! Иду, — пробормотал он себе под нос и начал вставать. На этот раз он не захотел ни умываться, ни водички попить, сразу же прямиком направился к ней.

— Ну и чего воем? Належалась? — игриво сказал Матвей, как только открыл дверь её комнатки.

Вероника в очередной раз жалобно, громко взвыла:

— Ы… ы…

И это действительно звучало громко.

— Я же ведь говорил тебе, не надо так делать, голосовые связки испортишь, — деловито напомнил Матвей. Но Вероника снова упрямо взвыла и задёргала своей попкой. В очередной раз напомнила, что очень хочет, чтобы он остановил секс-машину.

— А ещё я говорил, что приду раньше, чем дотекут твои часы! Видишь? Я не обманул!

Он приблизился к ней и обеими руками начал поглаживать её попку.

— Что тут у нас?

Она ждала, что он отключит секс-машину, однако он не спешил это делать. Схватил её попку обеими руками с двух сторон и вдруг начал пожимать, потряхивать.

— Всё у нас тут хорошо, — язвительно протянул Матвей, а сам жадно смотрел на её дырочку. Ему даже показалось, что её анус опух ещё сильнее. «О, да! Хорошо скользит! Шикарно я тебя отодрал!» — язвительно подумал Матвей.

Неожиданно он заслюнявил указательный палец и начал поглаживать её анус по контуру. Секс-машина продолжала скользить игрушкой в её попке, и он при этом гладил её растянутый анус, восхищался припухлостями.

«О, да! Хорошо дерёт! Чётко полтора часа! То, что надо! А ты даже и не знаешь, что тебя дерут уже полтора часа, — язвительно подумал Матвей. — Теряешь счёт времени? Со мной потеряешь!» Неожиданно он шлёпнул её по попе. И, чтобы Вероника не обиделась и не посчитала это насмешкой, он возбуждённым голосом сказал:

— Ты уж извини, что я так веду себя, но твоя попка так меня заводит! Так хочется её отшлёпать!

И он снова её шлёпнул, на этот раз уже не сдерживаясь.

— Ы… ы… — взвыла Вероника и в очередной раз вздёрнулась. Она выла, потому что очень сильно и уже очень давно хочет писать. И каждый его шлепок сотрясал её внутренности, усиливая тяжесть внизу живота.

Матвей снова шлёпнул её попку теперь уже с другой стороны, но секс-машину отключать не спешил. Вероника испугалась. На мгновение подумала, что он возбудился и снова захочет её взять, но на этот раз она ошиблась. Он, конечно, хотел, однако сейчас не мог себе этого позволить, всё-таки ему нужно собираться на работу.

Он ещё немножечко полюбовался тем, как секс-машина долбит её попку и как она дёргается, воет. Потом всё-таки нажал на кнопочку выключения.

— Ну ладно, так уж и быть, отключу её, — сказал Матвей. — Я же ведь знаю, этого ты ждёшь!

И даже как после того, как он отключил, Вероника продолжила выть. Но теперь уже она хотя бы не дёргалась, и это говорило о том, что ей стало чуточку полегче. Матвей подумал, что этим воем она пытается сказать, что просит вытащить изо рта её кляп.

— А ротик пока рано освобождать, для начала поставлю тебе клизму, — деловито сказал Матвей. Он не хотел, чтобы она отвлекала его, пока он будет ставить ей клизму. Он помнил о том, что она в туалет хочет. Он ведь её полненькую уложил! Разбудил и сразу же на кушетку! И если он сейчас снимет кляп с её рта, она снова начнёт жаловаться. Будет требовать, чтобы он сначала позволил ей пописать. Только вот Матвей не собирался идти на поводу её хотелок. «Не лопнешь, потерпишь!» — язвительно подумал Матвей.

— Ы… ы… — сразу же взвыла Вероника ещё громче.

— Никаких «му!» Курс лечения у клизмы так же, как у уколов, ровно 10 дней, — деловито разъяснил Матвей. — Я пойду, отлучусь ненадолго, подготовлю клизму и вернусь.

В ответ Вероника в очередной раз протяжно взвыла. И на этот раз она действительно просила его вытащить её ротика кляп. Но Матвей проигнорировал этот стон. Когда уже почти ушёл, язвительно сказал:

— Я знаю, что ты хочешь мне сказать: «пожалуйста, не надо» и тому подобное. Клизма нужна, без клизмы никак.

«Конечно же, клизма нужна тебе, чтобы ты весь день валялась в постели и ждала моего возвращения, — язвительно подумал Матвей. — Хрен я позволю тебе гулять по дому, пока меня не будет! Лежать и только лежать! Моя пленница! Кажется, ты теперь и в самом деле превращаешься в пленницу. Так тебе и надо! Много лживыми обвинениями кидалась».

Насмехаясь над её беспомощностью, он пошёл в ванную комнату и вытащил кружку Эсмарха из тумбочки под раковиной. Налил в неё воды чисто на глаз из-под крана и сразу же направился к ней.

«Надеюсь, я не переборщил с водичкой, — ухмыльнулся он про себя. — Но если переборщил, ничего страшного, помучаешься чуть побольше! Уверен, что так быстро не сдохнешь ещё!» Вскоре он вернулся к ней и сразу же начал вытаскивать игрушку секс-машины из её попки.

— Ы… — тихо взвыла Вероника с лёгким возмущением.

— Всё, всё, уже вытаскиваю, — игриво сказал Матвей. Как только он вытянул игрушку из её попки, понял, что её анус вспух ещё сильнее.

«О, да! Моя красивая попочка! Она стала ещё мягче, — язвительно подумал Матвей. — О, да! Вечером надо будет обязательно трахнуть её, но только после ночной дрочки, конечно же». Уже сейчас он представлял, как вечером после работы снова уложит её сюда, свяжет и как следует изнасилует с помощью этой секс-машины.

«Не зря я покупал этого красавца! Может часами долбить тебя непрерывно, — ухмыляясь, подумал Матвей. — И скажу тебе по секрету, это единственная попка, которую так долго долбила моя игрушка». Он мысленно разговаривал с ней, влажными пальчиками поглаживая её анус.

— Это я тебя успокоить пытаюсь, утешаю, — игриво сказал Матвей. — Ну как, так полегче?

— Ы… — взвыла в ответ Вероника. И тут вдруг Матвей неожиданно захотел, чтобы она поговорила с ним. Он сразу же оторвался от её попки, встал спереди и схватил Веронику за подбородок. Заставил её приподнять голову и аккуратно вытянул кляп из ротика. Вылезал этот кляп тоже немножечко туго, но всё равно он справился быстро.

Его позабавило то, что он уже вытянул кляп, а Вероника всё ещё продолжала лежать с открытым ртом. Казалось, не верит, что её рот теперь снова закрывается. Но на самом деле она просто не решалась закрыть его, ей было больно… так долго её рот был насильно открыт, что теперь даже закрывать его было больно.

— Что такое? Понравилось лежать с открытым ротиком? — язвительно спросил Матвей и похлопал её по щеке.

— А-а-а… — тихо прокричала Вероника. И сразу же ей удалось вскрикнуть. С кляпом во рту она тоже пыталась кричать, но звучало это по-другому.

— Расслабься, я просто разминаю твои щёчки, — игриво сказал Матвей, как бы оправдывая свои шлепки. Сначала он похлопал её с одной стороны щеки, потом с другой. И при этом грубо держал её за волосы и заставлял поднимать голову.

Наконец, Вероника закрыла рот, а потом снова легонько его открыла, как бы разминая челюсть. И только потом смогла заговорить.

— Что ты делаешь? — пробормотала Вероника.

— Я же сказал, разминаю щёчки, — ухмыльнулся Матвей, продолжая давать ей пощёчины.

— Нет, ты меня бьёшь… — обиженно пробубнила Вероника.

— Ну, конечно! Неженка! Разве это бить называется? — сказал Матвей, а потом ещё разочек похлопал её по щеке. Но раз уж она начала жаловаться, он больше не стал этого делать и переключился к её попке.

— Сейчас поставлю клизмочку и поеду на работу, будешь отдыхать.

— А так хочу писать… можно мне сначала пописать? — жалобно пискляво спросила Вероника.

— Вот уж нет! — возмутился Матвей. — Сначала поставлю клизму, надену на тебя памперс и писай сколько угодно!

— Нет… это долго, я так хочу… — запищала Вероника.

— Долго будет, если я тебя сейчас развяжу, отнесу в туалет, а потом обратно принесу… вот уж нет! — повторил Матвей. Он только представил эти хлопоты, сразу же злиться начинал. «Так и знал, что нельзя кляп вытаскивать раньше времени! — подумал Матвей. — Выла бы себе и выла! Ворчать бы зато не смогла».

— Ты и так меня заставил терпеть целый час. Я думала, что лопну, — похныкивая, пожаловалась Вероника.

— Вот именно, целый час терпела, так что ещё пять минут потерпеть будет не проблема, — деловито рассудил Матвей. — И хватит уже этих капризов! Я на работу из-за тебя опоздаю!

— Эхе… эхе… просто мне плохо… так писать хочется… — плакала Вероника.

— Пять минут, — деловито повторил Матвей, — потом ляжешь и ссы сколько угодно.

— Сразу пописаю в памперс и буду потом в мокром лежать? Я так не хочу… дай мне сначала пописать? Ну, пожалуйста. Я обещаю, что быстро, — слезливо сказала Вероника.

— Разговор окончен, — сердито произнёс Матвей. Вероника снова захныкала, но уже поняла, что спорить бесполезно.

— И сколько мне лежать с этой клизмой? — похныкивая, спросила Вероника.

— Пока я не вернусь и не усажу тебя на горшок, разумеется, — ответил Матвей и уже в этот момент начал вставлять в её попу трубку от клизмы.

— О нет, только не это… я весь день должна с ней лежать?

— Ты же ведь знаешь, с клизмой нужно лежать 7—10 часов. Я успею вернуться с работы к тому моменту, когда тебе будет пора выкакаться, — деловито разъяснил Матвей. — А сама как ты собралась это делать? Я же сейчас тебе специальную пробку ещё вставлю после клизмы, без меня не вытащишь её.

— Нет, ну пожалуйста… — запищала Вероника.

— Опять капризы начинаются?

Уже в этот момент он вливал в её попу водичку, потом положил кружку Эсмарха на её спину, не вытаскивая трубку из попы. Начал подготавливать длинную пробку. Взял её, смазал хорошенько интимной смазкой, и только потом вытянул трубку от клизмы и быстро заменил игрушкой. Он боялся, что Вероника не сдержится и обкакается прямо на него. Это, пожалуй, его самая грязная, неприятная фантазия. Он обычно представляет такое и заранее злится. Поэтому соблюдает осторожность, чтобы у неё не было никакого шанса так поступить.

— Я не хочу лежать весь день, — жаловалась Вероника. — Я ещё даже не позавтракала.

— Не переживай, обязательно принесу тебе бутерброд перед уходом. Я же не могу уйти, не покормив тебя! — деловито сказал Матвей, а сам уже начал плавно вводить игрушку в её попу.

— А… о… о-у-у… — застонала Вероника, тяжело дыша. Теперь уже ей было не до разговоров, ведь он всё более активно толкал игрушку в её попу, ввёл уже 20 см и, конечно же, не останавливался. Он снова и снова шевелил этой игрушкой вперёд-назад, доставляя ей неприятные ощущения. «Как обычно, подрочу тебе дополнительно, и только потом вставлю! — насмешливо подумал Матвей. — Вот так вот, дорогая, получай своё лечение!»

— А-а-а… неприятно, — вздыхая, пожаловалась Вероника.

— Какать уже что ли хочется? — спросил Матвей.

— Я знаю, немножко… просто неприятно… и писать очень хочется, — вымученным голосом сказала Вероника.

— Я же сказал, поставлю клизму, надену памперс и пописаешь, — деловито сказал Матвей и продолжал совершать игрушкой поступательные движения. То вставлял глубже, то вытаскивал её, и снова вставлял.

— А… а…— покрикивая, стонала Вероника.

— Ну, как обычно, глубокий массаж не самая приятная процедура. Хотя некоторым нравится! — подметил Матвей. «Ну, мне-то уж точно нравится!» — подумал он с ехидной улыбкой и продолжил скользить игрушкой в её кишках».

— А-а-а… ты же сказал, что на этот раз без массажа… — покрикивая, напомнила Вероника.

— Ну не могу же я жёстко вставить в тебя? Так нельзя, а то будет ещё больнее, — деловито разъяснил Матвей и с ехидной улыбкой продолжил вводить в неё игрушку. — Надо не спеша, вот такими вот движениями.

И вот он опять проскользнул игрушкой вперёд-назад. Он уже вставил в неё более 40 см, а потом сантиметров 20 вытащил обратно и снова вставил. Он всегда вытягивал довольно много,

а потом вставлял ещё глубже. Делал это не быстро, но Веронике всё равно было неприятно. И чем глубже он вставлял, тем громче она покрикивала.

— А-а-а… а… клизму тоже обязательно делать? — жалобно спросила Вероника.

— Ну, конечно! Иначе как будем лечить твои шишечки, которые внутри? — сказал Матвей, а потом просунул ладонь под её животик и начал поглаживать, легонечко пожимая. — Там внутри в кишочках у тебя тоже образования. Я ведь уже рассказывал тебе. И клизма избавит тебя от них.

«И дрочка ежедневная, глубокая дрочка! — язвительно подумал Матвей и вставил в неё ещё глубже. — Да, вот так вот! Обожаю заполнять тебя игрушками, трахать переполненную». И он продолжил скользить игрушкой в её анусе, вводил всё глубже и глубже. И вот уже вставил больше 50 см, и игрушка начала застревать, не хотела проникать глубже. Матвей начал массировать её животик, чтобы облегчить вхождение, а потом продолжил толкать в неё игрушку. Вскоре она проникла ещё глубже, а Вероника перед этим почувствовала неприятную боль и крикнула:

— А… опять эти ужасные ощущения… опять ты запихиваешь в меня длинную штуку, — пожаловалась Вероника писклявым голосочком. Она запомнила ощущения во время колоноскопии. По ним понимала, когда он вставляет в неё нечто очень длинное.

— Ещё не привыкла? — спросил Матвей, а потом сразу же вытянул игрушку сантиметров на 20 и тут же начал вставлять обратно. Когда он вытянул её обратно, игрушка опять не особо пролазила, но на этот раз он применил силу и вставил грубее.

— А… а… — со стоном прокричала Вероника, ощутив уже знакомую внутреннюю боль. — К этому невозможно привыкнуть, это ужасно.

— Привыкнешь ещё! — сказал Матвей. «Я как следует раздолблю твои кишочки!» — язвительно подумал Матвей и тут же вставил игрушку ещё глубже.

— А… оу… — застонала Вероника, издавая разнообразные звуки. И, как обычно, это его заводило. Ему прямо не хотелось останавливаться, но он понимал, что надо. Ему же на работу пора, и он не может не поехать.

— Сейчас чуточку помассирую тебе и пойду.

Всё-таки он не сдержался. Хотя бы минут пять ему хотелось подрочить ей это длиннющей пробкой. Он вытащил ладонь из-под её животика, схватил игрушку за толстый конец обеими руками и начал плавно двигать вперёд-назад.

«Да! Да! Получай в попу гиганта!» — восхищался он в мыслях, жадно глядя на то, как мастурбирует ей этой длинной игрушкой. Она снова и снова скользила в её анусе, а Вероника продолжала стонать.

— А… а… так неприятно…

А ещё сам анус у неё продолжал болеть. И даже сейчас болел, перетирался, когда он двигал эту игрушку. Но сильнее всего её беспокоили ощущения внутри. Всякий раз, когда он вставлял глубже, ей было больно внутри, где-то там глубоко в кишках. А ещё она ощущала наполнение, и это пугало её, как и раньше.

«Да, милая, вот так вот, получай в попу! — язвительно думал Матвей. — Снова попалась твоя попка? О, да! Попалась! Да! Вечером обязательно трахну тебя сам после ещё одной качественной дрочки. Здорово я придумал укладывать тебя по два раза в день? Ах, как раз хорошо стонала сегодня, пока я спал. И вечером будешь так же стонешь! Вечером, пожалуй, я тебе даже покричать разрешу!»

Продолжая думать о всяком гнусном и развратном, он снова и снова шевелил игрушкой.

— А… а… может быть, хватит? — снова жалобно спросила Вероника и снова напомнила: — ты же ведь сказал, что тебе на работу надо быть. Сказал, что не будешь делать глубокий массаж, а сам делаешь…

— Только чуть-чуть, — сказал Матвей, а потом особенно сильно вытянул игрушку из её попки и сразу же начал вставлять обратно. Делал это довольно быстро, и сразу же её ощущения усилились, стали ещё более неприятными. «Вот так вот получай за жалобу!» — язвительно подумал Матвей.

— А… уже не чуть-чуть, уже долго это делаешь, — пожаловалась Вероника.

— По-хорошему я должен массировать тебя минут 15—20, а я всегда увиливаю. Но сейчас ты права, у меня времени нет, — деловито сказал Матвей, а сам ещё раз сильно вытянул игрушку и в быстром темпе начал вставлять обратно. — Ну, ничего, сегодня вечером я уделю больше времени твоей попке.

— А… а… лучше не надо! И так ещё тяжело, — с криком пожаловалась Вероника.

— Капризики, капризики! — игриво сказал Матвей, а потом в очередной раз вытянул игрушку и сразу же вставил обратно. Теперь после каждого толчка он вставлял глубоко, максимум сколько мог. Но, как обычно, он снаружи оставлял 10 см, чтобы слишком сильно не растягивать её анус. Чем ближе к ограничителю, тем толще была эта пробка.

— Ну, всё, больше не мучаю. Вечером ещё сделаем массаж, прежде чем вытаскивать, — деловито сказал Матвей, а потом в своём чемоданчике с медицинскими принадлежностями он взял резиновые бинты и начал обматывать её попку и бёдра.

— Скоро уже ляжешь отдыхать, скоро, — утешающе сказал Матвей. Обматывал её бинтом он довольно шустро, хотел уже поскорее позавтракать и поехать.

Буквально 2 минуты, и он уже обмотал её попу бинтом и язвительно подумал: «всё, дорогая, теперь будешь лежать с этой гигантеллой в попке весь день! Будешь лежать и ждать, когда я приду и снова отдеру твою задницу!» Опять он начал заводиться, стоило только подумать об этом. Мечтательно прикусил нижнюю губу и вздохнул.

«Надо дождаться вечера, нельзя сейчас возбуждаться!» — подумал Матвей. И, чтобы поскорее отвлечься, он взял памперс и приложил к её попке. Он умудрился нацепить на её попу памперс, не укладывая её и даже не снимая с кушетки. Отцепил ремни, которые стягивали её талию, а потом начал развязывать её щиколотки и руки.

— Ну всё, дорогая, уже можешь пописать! — весело сказал Матвей. — Ты же вроде очень хотела.

— Хотела и хочу! Очень-очень сильно хочу… — в слезах сказала Вероника. — А ты заставил меня так долго терпеть…

— Ну да, жалуйся уж теперь! Надо было писать вовремя!

— Ты внезапно разбудил меня и сразу же потащил… — пожаловалась Вероника.

Матвей тем временем аккуратно поднял её тельце и понёс обратно на кровать.

— Ну конечно, потащил, чтобы не терять время. Говорю же, я специально встал пораньше, чтобы обслужить твою попку.

— Не надо её обслуживать, особенно с утра пораньше, — обиженно пробубнила Вероника. И конечно же она понимала, что Матвей с этим не согласится.

— А что мне прикажешь делать? Приезжать сюда в обед что ли, отрываясь от работы?

— Не знаю, нет… может, можно только один раз делать уколы? Только вечером? — спросила Вероника.

— Пока что так нельзя, мы только начали твоё лечение. Так что очень важно соблюдать интенсивную терапию.

В этот момент он не сдержался, прикрыл рукой губки и улыбнулся. Впрочем, Вероника всё равно не смотрела, потому что она лежала на животе, а он сидел позади неё.

— Эхе… эхе… я скоро умру от твоей интенсивной терапии, — захныкала Вероника. — Было так больно… наверное, у меня там ещё сильнее опухло.

— Ничего, не сильнее, всё так же, — ответил Матвей.

«Но если припухнет посильнее, я буду не против! — язвительно подумал Матвей. — Но болеть у тебя точно будет сильнее!»

— Так больно… даже сейчас болит без всякого массажа… — плаксиво пожаловалась Вероника.

— Успокойся, теперь до вечера твоя попка может отдыхать, — деловито сказал Матвей и утешающе погладил её по головке.

— Только до вечера же могу отдыхать… а потом опять этот дурацкий массаж. Я всегда ненавидела массаж, теперь буду ненавидеть ещё сильнее! — визгнула Вероника.

— А массаж надо любить! — игриво сказал Матвей, а потом обе руки положил на её плечи и начал легонечко разминать. — Разве тебе неприятно, когда я делаю так?

— Ну, сейчас приятно, а туда очень больно…

— Ну, успокойся, всё прошло уже, отдыхаешь, — утешающе напомнил Матвей, продолжая нежно массировать её спинку. — Сижу тут, успокаиваю тебя, как маленькую!

— Ну ладно, иди уж, а то ты точно опоздаешь на работу, — сказала Вероника. У неё сложилось впечатление, что она его задерживает своими капризами и жалобами.

— Сейчас придётся поспешить.

— Давай, поспеши. Но только что-нибудь покушать принеси мне перед уходом, не забудь, пожалуйста. А ещё водички мне побольше принеси, — попросила Вероника.

— Это само собой! — обещал Матвей.

И вот, наконец, он встал и направился к выходу. Он и себе и Веронике сделал бутерброды. А ещё положил ей на поднос литровую бутылку воды и сухарики с маком. Понёс еду ещё до того, как перекусил сам. Решил, что и сам покушает, сидя рядом с ней и дополнительно её утешая. Ему это даже нравилось, помучить её, а потом утешать. Это как бы дополнительно подкрепляло его гнусный обман. А ведь Вероника доверчивая, всегда его внимательно слушает и почти никогда не спорит.

— А вот и я, дорогая, принёс тебе покушать, — сказал Матвей и положил поднос перед её лицом прямо на матрас.

— Ой, так много, — удивилась Вероника.

— Один бутербродик мой! — хихикнул Матвей, сразу же забрал его. — Чтобы ты не грустила, я решил тоже тут покушать с тобой.

Вероника сразу же приподняла голову, взглянула на него и улыбнулась. Опять проглотила его ложную любовь.

— Спасибо, мне уже веселее, — сказала Вероника и сразу же взяла один из бутербродов.

— Тебе два, чтобы ещё на обед было что покушать. И дополнительно я ещё принёс сухарики. Ну, это если бутербродом не накушаешься. А к ужину по идее я должен уже прийти. Ну, посмотрим, как там освобожусь, — объяснил Матвей.

— А во сколько ты обычно освобождаешься? — спросила Вероника.

— Ну, так как обычно, до 6-ти работаем, — ответил Матвей, а потом ухмыльнулся и добавил: — но мы с 10 начинаем! Наверное, полагается подольше работать.

— Не знаю, может быть, — согласилась Вероника. Она никогда не работала и поэтому не знает.

— Посмотрю ещё. Если получится раньше освободиться, приду к тебе раньше, — обещал Матвей. — И смотри, не грусти тут без меня! Вон у тебя есть планшет, фильмы смотри.

— Я так и сделаю, — сказала Вероника. И тут она снова посмотрела на него и улыбнулась. Сейчас он оказался заботливым и милым. Переживал, что ей будет скучно. И вот она снова не сомневалась его любви.

В скором времени Матвей доел свой бутерброд, а потом потеребил её по головке и сказал:

— Ну, я пошёл, попью водички на кухне и поеду. И смотри, не кричи! Я Григорию не разрешаю сюда заходить, поэтому не пытайся его звать.

— А почему не разрешаешь? — поинтересовалась Вероника.

— Зачем ему сюда? Ни в коем случае! — деловито сказал Матвей. — Его место там, за дверью. У него там даже мини-домик есть, если заметила.

— Ну да, я заметила, — сказала Вероника. — Он мне сам показал эту будку возле ворот.

— Между прочим, отапливаемая, настоящий маленький домик! А здесь ему не место. Не люблю, когда чужие по дому шастают, как-то неспокойно становится. Потеряешь всё что-нибудь, и невольно начинаешь думать, что стырили, — объяснил Матвей. — А так здесь только мы с тобой и хорошо. Если у меня что-то потеряется, я точно буду знать, что сам это посеял.

— Ну, так-то да, — согласилась с Вероникой. Наверное, поэтому он не любит слуг, потому что не доверяет посторонним. Но Веронику это не особо смущало. В какой-то степени надо радоваться тому, что у них нет слуг. Зато ей не приходится постоянно краснеть за то, что она в инвалидном кресле и не всё может делать самостоятельно.

— Ладно, дорогая, я пойду, и так уже слишком задержался. Мы обо всём с тобой вечером поговорим, — сказал Матвей и уже потихоньку шагал к выходу.

— Давай, пока. Хорошего тебе дня, — с некоторой досадой протянула Вероника. Он ещё не ушёл, но уже сейчас ей стало грустно. Ей не хотелось оставаться одной, да ещё прикованной к постели, это ведь хуже всего… а ещё он ведь клизму ей сделал, и она уже как раз начала ощущать эффект. Её животик урчал всё сильнее и сильнее, и уже начинал побаливать из-за невозможности покакать. Но что самое ужасное, ей ещё долго лежать с этими ощущениями. Очень-очень долго, до самого вечера. Когда Вероника так подумала, сразу же захотела разрыдаться.

Она аккуратно положила поднос с едой на прикроватную тумбочку, а потом приложилась щекой на матрас, закрыла глазки и тяжело вздохнула. Так старалась не расплакаться, но уже через пару минут её глаза наполнились слезами. Ей было грустно оттого, что она болеет и нуждается в таком мучительном лечении.

Она продолжала верить в то, что Матвей её лечит, а ей нужно терпеть этот мучительный анальный массаж, несмотря на сильную боль. Но что сильнее всего её пугало, так это то, что её анус слишком опух. Хоть Матвей и сказал, что это нормально, она всё равно не могла не расстраиваться из-за этого. Очень переживала за свою попку, однако не сомневалась в правильности лечения. Только иногда сомневалась, но потом напоминала себе о том, что Матвей хороший, известный доктор. Он же не может лечить неправильно? Она верила ему как доктору и не хотела ставить под сомнение его лечение.

Глава 94. На работе

Вероника лежала и лежала, грустила, но смотрела фильм и старалась отвлекаться. Сложнее всего было отвлекаться от ощущений в попке. Клизма сильно её беспокоила, и ей почти постоянно хотелось какать. В какой-то момент её немного тошнило, но потом это прошло. Вероника уже знала, что тошнит от клизмы, и это её не удивляло.

Как и обещала, она не кричала и не пыталась позвать Григория. Понимала, что это бесполезно. Раз ему не разрешено входить, стало быть, он не войдёт, даже если услышат её. Вот поэтому она и лежала спокойно, только похныкивала периодически и заставляла себя успокоиться.

Матвей тем временем уже доехал до клиники. Стоило ему подняться на второй этаж, и в коридоре его встретил Никита. Подбежал к нему с широко распахнутыми объятиями, задорный, словно ребёнок, но обниматься точно не собирался. Матвей уже это знает. У него просто такая манера приветствовать: только делает вид, что собирается обнять. А когда приблизится достаточно близко, чтобы реально можно было обняться, он просто опускает руки вниз, как будто бы с каким-то поклоном. Вот и сейчас Никита сделал так же и весело сказал:

— С возвращением, дружище! По тебе уже тут все соскучились.

— Зачем было скучать? Надо было работать! — ухмыльнулся Матвей.

— Работали, конечно, да только не то без тебя! Ты же у нас душа компании.

— Ну да, а ещё придирчивый босс, — добавил Матвей. — Раз уж ты здесь, давай, показывай отчёты.

— Пошли, пошли, — сказал Никита и сразу же заговорил другим голосом. Немножечко даже нашептывал и казалось, сейчас собирается сказать что-то секретное. Но Матвей опять-таки заранее знал, что Никита ничего особенного не скажет. Есть у него привычка обыденным вещам придавать особое значение. Это его некий юмор. Но Матвею уже передалось его задорное настроение. Он улыбался, хотя 2 минуты назад зашёл в клинику с серьёзным видом и даже неохотно. И вот стоило встретиться с Никитой, и он преобразился.

Никита никогда не опережал его. Всегда шёл за ним, как хвостик, намеренно отставая. Матвею всегда казалось, что таким образом он как бы признаёт его главенствующее положение, не пытается быть впереди босса. Но, возможно, сам Никита не думал о таких вещах. Отставал чисто для того, чтобы было удобнее общаться. Но, так или иначе, Матвею это нравилось.

Дверь его кабинета уже была открыта, ведь в его отсутствие там как раз-таки сидит Никита. Он просто опустил ручку и вошёл. Снял куртку и повесил на крючок при входе, а потом направился к столу. Никита опять подбежал за ним, как хвостик, и сразу же принялся убирать свои вещички со стола. Спрятал в карман какой-то маленький подсвечник, точилку и пачку жевательной резинки.

— Это, пожалуй, уберём, и вуаля! Отчёт, — весело сказал Никита, вытянув выдвижной ящик. В нём лежала чёрная папка с месячным отчётом. Никита сам вытащил его и положил на стол перед Матвеем и торжественно открыл.

— Надеюсь, этот месяц не слишком печальный? — спросил Матвей, ещё даже не взглянув.

Никита сразу же деловито потеребил подбородок.

— Ну, как сказать. Аркадий теперь берёт только лёгкую работу. Все девчонки, которые хотят аксиллярный доступ, собрались к тебе!

Матвей усмехнулся.

— Хорошо он устроился!

— Да-а! Ну, ты же ведь сам разрешил ему увиливать, так что вот, получай! Собственно, поэтому циферки чуть поменьше в твоё отсутствие.

Матвей уже листал папку и изучал отчёт.

— Да ты не переживай, никого не потеряли! Они все записаны к тебе, так что в этом месяце ожидай увеличенную прибыль, — задорно сказал Никита.

— А как дела обстоят с остальным?

— С имплантатами губ всё стабильно, каждый день забит под завязку, — сказал Никита. — С липосакцией поскромнее, но в этом месяце, кстати, неплохо. Видимо, знали, что ты в отпуске, и лишняя денежка нам не помешает!

Никита усмехнулся и продолжил рассказывать всякое о работе. Матвей не спешил его прогонять, спрашивала то одно, то другое. Ну и, конечно же, пришёл к выводу, что без него в клинике дела идут куда хуже. Но в целом прибыль была нормальная, и это его устраивало. Отдыхать в ближайшее время он больше не собирался.

Пока Матвей изучал отчёт, попил кофейку. Время уже было 11, и пора было идти на операцию.

— Наконец-то! — с улыбкой сказал Матвей, надевая халат и натягивая голубые резиновые перчатки.

— Ну да, наконец-то, — весело сказал Никита, — без тебя и правда скучно. Аркадий, он же знаешь какой… слово из него не вытянешь.

— А тебе лишь бы поболтать! — ухмыльнулся Матвей. Но на самом деле он никогда не был против болтовни. Собственно, поэтому они и подружились, потому что Никита сверхразговорчивый и весёлый, постоянно его подбадривает. И это особенно нужно, когда дела не ладятся и некого оперировать. У них ведь и такое бывает.

Вскоре Матвей приступил к делу. Резать подмышки ему нравилось особенно сильно, поэтому он не возражал насчёт идеи забирать все такие операции себе. Ему даже было в радость, когда у Аркадия возникли сложности с введением имплантов через подмышечные впадины. Он вроде бы сделал всё как надо, но встали они у него криво и неправильно. У одной девчонки конкретно перекосило. Переделывать не стали. Наплели девчонке, что после восстановления импланты сместятся и будут выглядеть правильно. Велели носить корсет и приехать на консультацию через год.

Они всех приглашают через год в надежде, что кто-то захочет переделать груди, сделав повторно платную операцию. Бывает, даже сами рекомендуют переделать, особенно если пациентки изъявляют желания сделать груди ещё больше. Такое на самом деле чаще всего случается. Девчонки выбирают неправильный размер импланта и только после операции понимают, что ошиблись с размером. Груди получаются меньше, чем они ожидали. Повторная консультация — это их шанс заработать ещё денег.

На его столе сегодня лежала очень привлекательная девушка с миниатюрным телосложением. Это делало операцию особенно интересной. Он жадно разглядел её подмышку и продезинфицировал, потом с улыбкой сделал первый надрез.

«Это, конечно, не так интересно, когда вы спите. Но без наркоза умрёте на хрен!» — подумал Матвей. Так или иначе, резать ему всё равно нравилось, и он всегда это делал с довольной улыбкой, радуясь тому, что доктора обязаны надевать на лицо маску. Иначе как бы он объяснил свою хитрую улыбку? Особенно сильно заводил его момент, когда он вводил в её подмышку диссектор для проделывания «тоннеля», через который он потом будет вставлять в нее имплант.

«О, да! Как же я по этому соскучился», — думал Матвей. Он аккуратно вводил диссектор, расслаивая её подкожные ткани и жадно на неё смотрел. Для него это была не просто операция. Это доставляло ему моральное, иногда даже физическое удовольствие. Бывало очень неловко, когда он возбуждался прямо во время операции, но такое случалось редко, потому что он уже научился контролировать свой член. Но его сердце приятно сжималось всякий раз,

когда он делал надрез на чьей-нибудь коже. Особое удовольствие было понимать, что он режет живого человека, которому потом будет очень-очень больно.

— И ты сама этого захотела, так что получай! — язвительно подумал Матвей. Самое прекрасное в этом было то, что пациентки сами этого хотят. Хотят, чтобы он ковырялся у них под кожей.

— Это, наверное, самая лучшая работа на Земле. Делаешь то, что хочешь, что нравится, гнусное и гадкое, и при этом тебе говорят спасибо.

Сам он, конечно же, воспринимал всё это как нечто жуткое и гнусное: резать и что-то вставлять под кожу. Они, конечно, после этого действительно становятся более сексуальными. Но ведь это не меняет того, что для этого приходится делать. Через какие мучения приходится проходить. Также это не меняет того факта, что он заводится, ковыряясь под кожей своих пациенток.

Эта процедура внедрения импланта по сути и есть ковыряние внутри. Он же подлезает под грудь пациентки своими инструментами, а потом расслаивает ткани, нарушает их целостность. Можно сравнить со сдиранием кожи вместе с мясом, с единственной лишь разницей, что это происходит под кожей. Если представить, просто дикость и полнейшая жесть. Однако пациентки явно об этом не задумываются, когда платят огромные деньги за такие операции.

— А я готов делать это с вами снова и снова! И вряд ли мне это надоест, — ехидно улыбаясь, думал Матвей. Самым особенным был момент, когда он непосредственно вставлял имплант.

Матвей понял, что очень соскучился по операциям, пока был в отпуске. Под конец он, конечно же, здорово повеселился, по-хитрому издеваясь над своей женой. Однако первая половина отпуска прошла скучно и обыденно. Но в любом случае операция — это особое удовольствие, и их можно делать только здесь, в больнице.

У Матвея было целых три операции, и к концу рабочего дня он даже не устал. А ещё у него осталось весьма много свободного времени. Он освободился уже к 4 часам дня, но возвращаться домой не спешил, попросту не хотел.

— Никаких тебе сюрпризов и раннего освобождения. Будешь лежать с клизмочкой ровно столько, сколько я хочу, а именно — весь день, как я и планировал! — хихикая, подумал Матвей, вспоминая про жену, которая прямо сейчас лежит попой кверху и ждёт, когда он вернётся.

— И с длиннющей игрушкой в заднице, прямо как я люблю! Жди, вернусь через 2 часа, но ты же ведь знаешь, что даже потом тебе не светит быстро высраться? Для начала мы отдерём твою задницу как следует! Моя мощнейшая новейшая секс-машина хорошо с этим справляется!

Стоило ему подумать об игрушках, и он сразу же завёлся. С хитрой улыбкой откинулся на своём мягком кожаном кресле и мечтательно закрыл глаза.

— Надо бы ещё чего-нибудь придумать тебе на сегодня, — размышлял Матвей.

Стоило ему подумать о жене, и ему сразу же захотелось взглянуть на неё. Взглянуть на то, как она лежит и мучается, возможно, стонет.

— Наверняка стонешь и покрикиваешь, ты же любишь это делать! — с ехидной улыбкой подметил Матвей. Он ведь специально перед уходом поставил ей клизму, чтобы она весь день мучилась в его отсутствие. А ещё он это сделал для того, чтобы она не смогла ходить по дому.

Однако он подключился к камерам видеонаблюдения и понял, что Вероника особо даже и не мучается. Смотрит кино через планшет, хихикает. Так уж получилось, что она смеялась именно в тот момент, когда он подключился к прямому эфиру из её комнаты. В её фильме был смешной момент, вот она и засмеялась.

— Вот ведь засранка, это так ты меня ждёшь? Развлекаешься, пока я на работе? — с недовольством подумал Матвей, но сам, однако, улыбнулся, будто бы её радостное настроение передалось ему. Так ведь частенько бывает, когда смотришь на весёлого человека, и самому

становится весело. Она лежала попой кверху, как он и любит, но удобно облокотилась на одну руку, а второй рукой держала и грызла сухарик, который он ей оставил. Весьма удобно расположилась, и даже не было похоже, что клизма её как-то беспокоит.

— Ну, конечно! Сухомятку грызёт, от клизмы небось уже ничего не осталось… — подумал Матвей. Водичка ведь довольно быстро начинает всасываться, если вовремя не покакать после клизмы. Тем более он мало в неё влил, чтобы она не сильно отравилась от собственных токсинов.

— Давно небось успокоилась попка, — с досадой подумал Матвей. К тому же она уже долго лежит, было понятно, что успокоилась.

— Ты же сам оставил ей этот планшет, вот теперь лежит, развлекается, — злобно подумал Матвей, как бы ругая самого себя. Ему не понравилось то, что ей там хорошо. Не похоже, чтобы она мучилась. А ему хотелось, чтобы она скучала и ждала его. Возможно, даже лежала и стонала, пока ждёт его. Это бы ему точно понравилось.

— Так не пойдёт, надо с этим что-то делать, — язвительно подумал Матвей, деловито потирая подбородок и глядя на неё через экран своего смартфона. Очередная гнусная задумка пришла ему на ум буквально через минуту.

— Точно, поставим тебе маску! Как раз 2 дня перерыва, уже пора. Затяну на твою голову латексную маску, и хрен что увидишь. Кстати, о маске…

Он вспомнил, что собирался заказать для неё другую маску, которая на молнии открывается с лица. Это позволит ему быстрее проворачивать свою гнусную задумку. Он сможет открывать эту маску в области её лица и сразу же писать. Не придётся переживать, что он запачкает всё вокруг, пока смачивает её лицевую тряпочную накладку.

Маски он заказывает в одном интернет-магазине, который доставляет товары по почте. А у почты тоже есть дополнительная доставка до двери заказчика, и, конечно же, он пользуется этой услугой. Но главное в этом то, что всё происходит анонимно. Товары доставляют в коробке, которую ещё дополнительно упаковывают в плёнку. Самое замечательное в этом то, что сайт этот тоже проверенный. Матвей знает, что его точно не обманут.

Матвей отыскал на сайте маску, которая открывается на молнии с лица, и единственной дырочкой для дыхания на месте ротика.

— Вот это то, что нужно! Теперь буду писать на тебя, полностью нарядив твою головушку, — язвительно подумал Матвей.

— Можно ещё чего-нибудь интересненького подыскать, — подумал Матвей, уже пролистывая страницы сайта с интимными товарами. На самом деле он даже и не знал, что ещё прикупить помимо маски. У него было практически всё, но заказывать одну только маску было как-то смешно.

Он обычно всегда делает большие заказы, хотя бы на пару тысяч. Микрозаказы делать как-то неловко, да и для него это тоже невыгодно. За доставку же платить отдельно приходится. Вот поэтому он и продолжил копаться на этом сайте в поисках ещё чего-нибудь интересненького.

Интересненькое нашёл довольно быстро, можно сказать, сразу же. Он увидел костюм, который полностью закрывает тело. Он был тоже латексный, чёрный и блестящий. Красивый секс-наряд для ценителей. А он ещё какой ценитель такого…

— Вот это нам точно пригодится! — игриво подметил Матвей.

Было два варианта этих костюмов. Один закрывался на молнии сзади, а другой спереди. Стоил он довольно дорого, и поэтому Матвей не хотел заказывать сразу оба.

— М-м… какой бы выбрать…

Но он ведь не такой, как все. Ему будет недостаточно просто надеть на неё этот костюм, он обязательно захочет изнутри описать её тельце. Он ведь уже делал так однажды, и ему очень понравилось. Уже сейчас он представлял, как надел на неё этот костюм…

— И на киску тоже, — с хитрой улыбкой подметил Матвей. Он уже представил, как приложил залупу к её лобку и начал смачивать её. И при этом её глазки связаны, ничего не видят. Но с другой стороны, как он это объяснит? На её лобок и груди ставить маски от акне он не сможет, а вот на спинку, да… на её спинку они уже ставили маску, и она не возражала. Стало быть, чтобы развлечься как следует нужно выбирать костюм, который открывается сзади.

— О, да! Хочу, хочу! — восторженно прошептал он самому себе и положил костюм в корзину. Но основная прелесть этого костюма была в том, что к промежности они тоже пришили молнию. Ну, в общем-то, это и неудивительно, это же всё-таки эротический костюм. Что же получится, если в нём невозможно заняться сексом? И эта молния на промежности давала Матвею больше возможностей для фантазии. Он уже представил, как расстёгивает молнию у её попки и вставляет в неё огромное дилдо.

— О, да! Я так и сделаю. Сначала уложу тебя на спинку, хорошенечко описаю, а потом уже вставлю по самые не хоч! О, да!

От сладких фантазий у него сразу же защекотало в яичках. Он расстегнул ширинку и просунул руку внутрь. Мастурбировать не собирался, просто подправил яички, немножечко потрогал член, а потом успокоился. Положил костюм в корзину и начал оформлять заказ.

— Хорош уже собирать игрушки, ненасытный! — отругал он себя. Однако даже на этапе оформления заказа всплывала реклама с различными товарами с сайта. Не успел он ввести свои данные, и соблазнился на латексные рукавички. Одни были женственные, облегающие каждый пальчик руки, а другие были необычные. На мгновение ему показалось, что это некий аналог боксёрской перчатки для женской ручки в некой сексуальной подаче. Однако он пригляделся и понял, что это нечто совсем другое. Некая одёжка, которая прячет ручку под резину, превращая ладонь в обрубок. Именно эти перчатки его заинтересовали.

— Ничего себе! И такое бывает? — с интересом подумал Матвей. Впрочем, что ему удивляться, у него ведь уже есть костюм с похожими рукавичками, прячущие ручки. Но в том костюме были именно варежки с отдельным кармашком для большого пальчика, но то, на что он глядел сейчас, — это было нечто другое.

— Или это презик? Может, я не понял? — заподозрил Матвей и, конечно же, перешёл по ссылке. Пригляделся на описание товара и с сожалением понял, что это действительно своеобразный презерватив, якобы многоразовый. Но он был сделан из такого же материала, что и латексные костюмы: чёрная, глянцевая.

— Да кому нужна такая хрень? — подумал Матвей. — Она же толстая! Даже через обычный презик толком ничего не чувствуется… очередная фишка для тех, у кого крошечный? Ну, или же чисто чтобы нарядиться в тему.

Матвей уже представил, что надел латексные трусики с дыркой для пениса и яичек, и потом отдельно надел этот странный презик.

— Типа чтобы туфельки к сумочке подходили! — хихикнул Матвей. Такой презерватив он находил странной и ненужной штукой. А сам, тем не менее, продолжал оставаться на странице и разглядывал его. У него уже разыгрались свои фантазии, не связанные с надеванием этого презерватива на член. Он представил, как натянул их на её маленькие ручки, сложив её пальчики.

— И получится обрубки вместо рук, — язвительно подумал Матвей. — Потом точно не сможешь шалить своими пальчиками.

Это его сразу же заинтересовало, возбудило. Он как-то даже фильм смотрел про такое, где девчонке специально отрубили руки, и этот извращенец ещё хотел жениться на ней. Отрубать, конечно, жёстко, он не собирался творить ничего такого. Тем более она и так уже инвалидка, ходить не может. А вот временно лишить её пальчиков, надев на её ручки особенные перчатки, — это другое дело!

— Можно и позабавиться! Придумать какое-нибудь лечение для твоих пальчиков, — ехидно улыбаясь, фантазировал Матвей. — Прикольно получится!

— Интересно, есть у них большие размеры, чтобы твоя ручка поместилась? — сразу же задался он вопросом и внимательнее изучил товар. И действительно, были разные размеры у этого презерватива. Самый большой был для члена диаметром 7 см. Матвей, как прочитал эту информацию, сразу же хихикнул.

— Ну, вы чего, ребятки? Неужели думаете, что такие хуи у кого-то есть?

Впрочем, он понимал, что мир большой и наверняка аномалии встречаются, но всё-таки такие вещички производятся для широкого потребителя. Но с другой стороны, наверняка есть извращенцы, которые любят искусственно делать свой член толще, надевая резиновые штучки. И таких на самом деле очень много. Хотят угодить своим барышням, трахнув толстеньким и покупают всякое-такое. А вдруг кто-то захочет сделать член толще резиновой штучкой и при этом ещё надеть этот чёрный презик?

— Хе-хе-хе! И ты пойдёшь искать такую штучку!

В таком случае смысл в большом диаметре сразу же появляется.

— Раз товар продаётся, значит, он нужен! — хихикнул Матвей. А ещё на этом сайте можно было подглядеть, сколько раз вещь была продана. И покупателей на этот презерватив нашлось довольно много. Было написано, что продано 57 раз.

— Буду пятьдесят восьмым извращенцем! — хихикнул Матвей. И сразу же положил в корзину самый большой латексный презерватив.

— Как-нибудь обязательно подлечу твои ручки, — язвительно подумал Матвей. — Но это как-нибудь потом, пока попкой твоей занимаемся. Но пусть лежит…

Он снова перешёл в корзину и начал оформлять заказ. На этот раз уже старался не глазеть на рекламные предложения, чтобы не увлечься ещё какой-нибудь штучкой. Он на этом сайте мог лазить часами напролёт, потому что ассортимент в нём огромный. С его-то развратными фантазиями всё ему казалось интересным.

Глава 95. В попу

Матвей таки не стал возвращаться пораньше. Пока копался в сайте секс-товаров и сделал заказ, время уже было половина шестого. Пока доехал до дома, уже было 6. И, конечно, он первым же делом направился к ней, чтобы заботливо поинтересоваться о том, как у неё дела. Ну а ещё чтобы сообщить о том, что он уже вернулся. Как всегда, ему хотелось заставить её думать, что он любит её, переживает за неё.

— Милая, тук-тук-тук, как тут твои дела? — милым игривым голосом спросил Матвей. Он торопливыми шагами направился к ней. А Вероника облокотилась на обе руки и обернулась в его сторону, жалобно протянула:

— Ты пришёл… а дела так себе, хочется в туалет.

— Жаль это слышать, но ты же ведь знаешь, что пока нельзя.

— Ну… опять нельзя…

— Сначала массаж, и только потом покакать, — игриво сказал Матвей. Он присел на край кровати и начал нежно поглаживать её голову. Вероника прижалась лицом на матрас и захныкала:

— Эхе… эхе… что-то мне не нравится это лечение, эти массажи… опять будет больно.

«О, дорогая, с каждым днём будет всё больнее и больнее! — язвительно подумал Матвей. — Но мы ведь не будем останавливаться? Продолжим лечить твою попку!»

— Будет больно, но что поделать? Нужно лечиться, — деловито сказал Матвей.

— Эхе… эхе… может быть, не надо так часто делать массаж? Его ведь обычно только раз в день делают, — жалобно сказала Вероника.

— Ну, общий оздоровительный делают один раз в день, а противоопухолевый нужно делать почаще.

— Нет, я не могу… не хочу, — запищала Вероника.

— Эй, ну хватит уже!.. Хочешь чего-нибудь скушать, прежде чем начнём? — заботливо поинтересовался Матвей.

— А ты будешь со мной? — спросила Вероника и тут же напомнила: — но мне ведь всё равно нельзя сидеть… я не смогу вместе с тобой кушать.

— Ну, я могу, как утром, посидеть рядышком и покушать вместе с тобой, — милым голосом сказал Матвей.

— Не знаю, я так не хочу. Хочу нормально сесть и кушать за столом, как мы делали раньше.

Матвей нагнулся и неожиданно поцеловал её в лобик.

— Ну, тогда я пойду, переоденусь и сделаем тебе массаж. Потом вместе покушаем нормально, так, как мы делали раньше.

Но такое предложение не особо её утешило, ведь он сказал, что сначала «сделаем массаж», а это ужасно… ужасно больно и ужасно долго. Уже от предвкушения этого кошмара ей хотелось заорать. Ей даже показалось, что её попка начала болеть заранее. И пока она лежала с этой огромной штукой в попе, начала путаться в ощущениях. По сути, не могла понять, что конкретно там чувствует: боль, неудобства или чрезмерное расширение? Штука в её попе казалась огромной, но в то же время она не была уверена, что она растягивает её анус. В общем-то, она ведь не растягивала, огромная была лишь торчащая наружу часть. В этом Матвей не обманул.

Вскоре он ушёл, а Вероника осталась похныкивать. Он больше ничего не сказал, только посмеялся про себя: «Да, милая, поплачь-поплачь, но я тебя не пожалею! Теперь тебе только это и остаётся: плакать и стонать».

Он быстренько переоделся и скушал готовый обед: картофельное пюре с котлеткой. При этом мысленно продолжал разговаривать с ней:

— А ты что думала? Я буду голодать, пока делаю тебе массаж? Буду дожидаться момента, пока ты освободишься, чтобы покушать со мной? Размечталась! Это ты будешь голодать ещё долго. А вообще, это даже хорошо, что отказываешься от еды. Нечего тебе много кушать! Располнеешься ещё.

Вскоре микроволновка щёлкнула, и он вытащил свой ужин. Кушал быстро и жадно, потому что был очень голоден. После работы поленился зайти в кафе. Но он не особо пожалел. Ведь у него есть эти обеды, и их тоже надо съедать, иначе испортятся.

Пока он переодевался и кушал, прошло ещё полчаса, и только потом он вернулся к ней и сразу стянул с её попки одеяло.

— Ну что, готова?— игривым голосом спросил Матвей.

«Сейчас как следует взгреем твою попку! — язвительно подумал он тут же. — Сначала я сам тебе подрочу, а потом включу твою любимую секс-машинку. Да! Уже хочу послушать, как ты орёшь».

— Нет, совсем не готова… — запищала Вероника.

Но Матвей, не слушай её жалобы, сразу же начал поднимать её тельце. Не снимая с её попки памперс, он начал укладывать её грудью на пуфик. И Вероника ещё пуще захныкала.

— Эхе… эхе… опять… не хочу…

— И опять ты у меня ворчишь,— игриво пожаловался Матвей. — А, знаешь ли, я тоже не хочу постоянно слушать твои жалобы! Сейчас отшлёпаю тебя за это.

— У меня и так там болит… может быть, не нужен массаж?

— Болит — это хорошо. Значит, твои шишечки уже начали излечиваться,— деловито наврал Матвей, а сам ехидно улыбнулся. «Интересно, в такую ложь ты у меня поверишь?»

— Нет же! Когда это боль сигнализировала о выздоровлении? — пропищала Вероника.

— В данном случае сигнализирует! — деловито соврал Матвей. — Во всяком случае, она сигнализирует о том, что мы растревожили твои шишечки. Поэтому они и вздулись, их внутренности вскипают от уколов.

— Нет, не говори… звучит ужасно,— жалобно протянула Вероника, а Матвей в этот момент уже расстёгивал памперс с её попки. Прежде чем связать её, для начала нужно было снять памперс, иначе потом сделать это будет сложно.

— Ну, это я образно сказал «вскипают». Их клетки разрушаются под воздействием укола, и поэтому у тебя там всё опухает. Но ты не переживай, в этом и смысл. Всё, что разрушилось, уже не восстановится. Опухоль уже не станет прежней, постепенно будет рассасываться естественным образом.

Для неё это звучало очень даже убедительно. Она даже попыталась представить опухоль и эти клетки, которые разрушились под воздействием укола, как они там внутри расщепляются. Представила всё, что он наговорил.

— А почему болит? Это же от массажа,— сказала Вероника.

— От уколов болит, и от массажа тоже. Я ведь уже объяснил, для чего нужен массаж. Этот укол непростой. Попадая в ткани, этот препарат там и остаётся, если не делать массаж. Массажем нужно заставить его распределиться по разным местам,— объяснил Матвей. — И это не делается быстро, минутным массированием. Надо подольше разминать.

— А нельзя просто вколоть сразу в разные места?— жалобно спросила Вероника.

— Ну, так мы и колем в разные места, распределяя укол на четыре точки. Ты и так ещё жалуешься, что я много тебя колю.

— А если распределять на побольше точек? Можно будет потом меньше делать массаж?— спросила Вероника. — Не час, а поменьше…

Матвей сразу же ехидно улыбнулся. «Мм… кое-кто просит уколы вместо дрочки? Интересно, соглашаться или нет?»

— Много тыкать иголками в дырочку тоже нехорошо, лучше уж промассировать как следует,— сказал Матвей.

— Пожалуйста… там так болит… — жалобно пропищала Вероника. В этот момент Матвей уже начал привязывать её к пуфику, чтобы не смогла убежать. Сначала, как обычно, притянул ремнями её талию к пуфику, а потом и спинку, после приступил к щиколоткам. А напоследок остались руки.

— Эхе… эхе… ну, пожалуйста,— слезливо повторила Вероника.

— Давай так, сегодня промассирую, а дальше видно будет,— деловито сказал Матвей, схватив её за руку. Уже в следующее мгновенье он заставил опустить руку кушетке и затянул за запястье ремнём. Пока он связывал её левую руку, Вероника не очень сопротивлялась, но попыталась помешать ему схватить вторую свою руку.

— Нет… нет… не надо… — истерично запищала Вероника. — Ты это специально так говоришь, врёшь! Завтра опять разбудишь с утра и опять скажешь «массаж».

— Так, это что ещё за капризы? — деловито произнёс Матвей, а потом всё же схватил её руку.

— И связываешь… это же всё насильно.

— Ты же сама согласилась на лечение. А связывание, считай, моя подстраховка, чтобы ты ручками не шалила. Вдруг ещё массажёр хватать начнёшь, сломаешь его. Я этого точно не могу допустить.

— Но мне так больно… я не хочу опять массаж, — жалобно сказала Вероника.

— Это я уже тоже слышал. Просто терпи, и не нужно постоянно жаловаться.

Он как раз затянул и вторую её руку ремнём, а потом подошёл ближе к её попке. Надел перчатки и начал разматывать бинты. Конечно же, они были мокрые, обоссанные. Он размотал их и сразу же бросил в пакет, чтобы потом отнести в стирку.

Вероника продолжала хныкать, и это уже начинало его раздражать.

— Если сейчас же не перестанешь хныкать, опять заткну твой ротик кляпом, — пригрозил Матвей. — Помнишь, как было утром?

— Это было ужасно, не делай так больше, — пожаловалась Вероника.

— А ты не кричи, и писклявить тоже не надо!

— Но мне больно…

— Я пока ещё ничего не делаю,— деловито напомнил Матвей и неожиданно шлёпнул её по попе. — Хотя могу сделать так, если не хватает ощущений!

Но Веронике сейчас было не до шуток и точно не до его этих грубых заигрываний.

— Но ты ведь собираешься сделать больно. Сейчас опять будешь делать эти ужасные уколы и массаж… мне страшно. Хочется заранее уже кричать от ужаса.

— А мне хочется заранее отшлёпать тебя и заткнуть твой ротик, — игриво сказал Матвей, а потом сразу же схватил игрушку, которая торчит из её попки, и начал плавно её вытягивать.

— А…а… — покрикивая, застонала Вероника. Ей сразу же стало не до споров: ощущения усилились, причём не самые приятные. Игрушка начала скользить в её анусе, и ей стало больно.

«Что, уже хорошо стало? — язвительно подумал Матвей. — Ну, кричи, кричи! Это тебе не поможет». Он вытянул игрушку сантиметров на 40, а потом обильно смазал со всех сторон.

«Думаю, твои какашечки не считаются смазкой», — про себя ухмыляясь, подумал Матвей. И он был уверен, что пока она лежала с этой пробкой в попе, смазка уже вымылась, впиталась в её кишки. Матвей понимал, что её попка и так измучена. Он не собирался дополнительно

травмировать её, мастурбируя всухую. Но в то же время он всё равно собирался это делать. Вроде бы жалеет, по-своему заботливо смазывает, но при этом хочет продолжать насиловать.

— Сейчас смажем массажёр, потом начнём, — деловито предупредил Матвей.

— О нет, этот массажёр… — сразу же взволнованно произнесла Вероника. Ту игрушку, которая сейчас в её попе, он ведь тоже называет массажёром. Массажёром для глубокого массажа. А ведь она уже забыла, что он собирался ей подольше делать глубокий массаж…

— Конечно, а какой же ещё? Поверхностный массаж мы потом тебе сделаем после уколов, — объяснил Матвей, а потом начал скользить этой длинной игрушкой в её анусе.

— А…а… — покрикивая, застонала Вероника.

— Скоро разомну попку, и не будет больно, — хитро улыбаясь, сказал Матвей.

«На этот раз я хорошенько подрочу тебя этим змеем!» — язвительно подумал Матвей и продолжил снова и снова совершать этой игрушкой поступательные движения. Вытаскивал наполовину и вставлял обратно, вытаскивал и вставлял. Игрушка скользила туго, но он игнорировал это и продолжал мастурбировать ей.

— А…а… — кричала Вероника снова и снова. — Больно… как больно.

— Как будто чуточку застревает, тоже это чувствуешь? — поинтересовался Матвей, а сам даже на секундочку не давал ей передышку, продолжал шевелить этой игрушкой.

— А… я чувствую, так больно… может быть, не надо?

— Ну, конечно же надо! Ради этого я здесь, — деловито сказал Матвей и с ещё большим удовольствием продолжил ей мастурбировать.

«Да, дорогая, терпи и покрикивай! — язвительно думал Матвей. — Сейчас у меня много времени, могу как следует тебе подрочить. Качественно выдолблю, орать даже устанешь!»

— А… а… — прерывисто покрикивала Вероника, а он жадно слушал и продолжал насиловать её попу этой игрушкой. И ему это не надоедало. Ему очень нравилось видеть, как эта длиннущая резиновая штука входит в её попу и вылезает. Раньше он осторожничал и намного медленнее скользил этой игрушкой в её попке, но теперь действовал грубее, еще и ускорился. Поэтому Веронике было особенно неприятно, а временами даже очень больно. Было больно, когда он вставлял слишком глубоко.

— Терпи, привыкнешь, — жестоко сказал Матвей и продолжил… Она кричала, а он игнорировал это. Наоборот, только насмехался над ней мысленно. Думал, что ещё не скоро остановится, и, конечно же, не останавливался.

«Да, милая, вот так вот! Я заставлю тебя привыкнуть. Буду каждый день пихать в тебя это, — язвительно думал Матвей. — А ты ведь ещё даже не знаешь, что я в тебя вставляю! М-м… как-нибудь надо будет показать!» А ведь Вероника действительно не знала. Но ужаснулась, когда однажды вытащила из своей попы семидесятисантиметровую игрушку. А ведь эта ещё длиннее. И он вгоняет это в неё снова и снова.

«Вот так вот, раздрочим твои кишочки! — насмешливо думал Матвей. — О, да! Да!» Он возбуждался с каждой следующей секундой и продолжал мастурбировать ей. Минут 15 он насиловал её этой штукой, а потом у него встал.

«Может быть, и трахнуть тебя сразу?» — подумал Матвей. Неожиданно он полностью вытащил игрушку и торопливо снял штаны. Вероника даже не поняла, что происходит, а потом вдруг почувствовала прикосновение его нежной залупы. Она сразу узнала его член именно по тому, что он был чрезвычайно нежный, а ещё толстый и мягкий. Толще, чем тот массажёр, которым он её насилует.

— Что ты делаешь? — жалобно спросила Вероника удивлённым, немного даже испуганным голосочком.

— Ты же ведь не обидишься? — игриво спросил Матвей, а потом бац и вставил. На этот раз даже осторожничать не стал. Сделал это резко и грубо, а потом сразу же начал быстро двигаться.

— А…а… — протяжно закричала Вероника, теперь уже чувствуя, как его член растянул её анус. Она ощутила резкую и всевозрастающую боль. Когда он делал ей массаж этой длинной игрушкой, она думала, что больнее быть уже не может, но сейчас поняла, что ошибалась.

Его член был на целый сантиметр толще в диаметре, чем игрушка, с которой он ей мастурбировал. Конечно, она почувствовала разницу, причём сразу же.

— Тихо-тихо, сейчас привыкнешь, — успокаивая, сказал Матвей, а сам жестоко и быстро трахал её измученную попку.

«Да! Да! Пухленькая, как я люблю», — язвительно думал Матвей. — Конечно, надо было как следует отодрать тебя секс-машиной, но я так завёлся… ну, ничего, в следующий раз сделаем всё правильно». Ехидно улыбаясь, он поглаживал её попку и продолжал активно двигаться.

— А…а… — безостановочно покрикивала Вероника, но сейчас его это только заводило. Пожалуй, это всегда его заводило, но иногда он злился на эти крики чисто потому, что время было неподходящее для возбуждения. А сейчас оно идеальное. И ему нравилось, что она кричит.

— О да, детка! Обожаю в попку! — восторженно произнёс Матвей и довольно сильно её шлёпнул.

— Нет, не делай так… — обижено попросила Вероника. Когда он её шлёпал, она всегда ассоциировала себя с проституткой, и ей это не нравилось.

— А мне нравится так делать, — сказал Матвей и шлёпнул ещё раз.

— Ну… ну… и так плохо.

— Тебе всегда плохо! К тому же, я уверен, это не больнее уколов, — игриво сказал Матвей и непослушно продолжил её шлёпать снова и снова.

— А…а… — покрикивала Вероника, и когда он её шлёпал, она кричала ещё громче.

— Опять скажешь, что я тебя бью? — игриво подметил Матвей и вдруг спросил: — А это считается, что бью?

И вот он снова сильно шлёпнул её, явно старясь причинить боль.

— Да, бьёшь… насмехаешься и бьёшь! Это даже хуже, — пробубнила Вероника.

— Это называется любя, — подправил Матвей, а потом шлепком приложил ладонь к её попке, ущипнул и начал потряхивать. — Но если будешь говорить гадости, я рассержусь. Может даже захочу сделать больно!

— А…а… не делай так! А, больно… — в ужасе застонала Вероника. Ей действительно в этот момент было больно. Когда он сильно сжал её попку, её анус раскрылся ещё сильнее, и это в тот самый момент, когда его толстый член прямо сейчас находится в ней.

— Так уж и быть, не буду, — обещал Матвей и сразу же начал нежно поглаживать её попку. Она у неё уже порозовела, и он больше не хотел её шлёпать. Но не её попку ему было жалко, он просто сам уже устал.

Вероника обиженно захныкала, а он продолжил двигаться.

— Хочешь сказать, что ещё не привыкла? — игриво спросил Матвей, сделав ещё несколько шустрых толчков.

— Нет, мне больно, очень больно… наверное, это из-за лечения, — похныкивая, предположила Вероника. Матвей про себя усмехнулся. «Ну, конечно же, от лечения! И будет ещё больнее!»

— Почему ты хочешь только туда? — жалобно спросила Вероника.

— Ты же всё равно не любишь в киску, — напомнил Матвей, — а ещё это большой риск, можешь залететь!

— И что, теперь вообще туда не будешь? — спросила Вероника писклявым голосочком. Она не была уверена, что совсем не хочет вагинального секса. Конечно, поначалу она боялась,

но потом ей показалось, что это ей даже понравилось. Но на самом деле она не успела распробовать удовольствие.

— Иногда можем и туда, это да, но только не сейчас, я уже скоро кончу, — сказал Матвей.

— Скорее бы… — вздыхая, сказала Вероника. И в этот момент Матвей неожиданно снова её шлёпнул и отругал.

— Эй, что это такое?! Ты должна говорить: «ещё, ещё! Хочу ещё!»

— Но я не хочу… — жалобно протянула Вероника.

— Шлёпнуть ещё раз? — игриво спросил Матвей, а потом сразу же шлёпнул её.

— Нет, ну нет…

— Ты должна говорить «хочу ещё»! Знаешь, как это заводит?

И только в этот момент Вероника поняла, к чему он клонит. Пытается заставить её говорить то, что хочет услышать.

— Ладно, хочу ещё… — пробормотала Вероника.

— Этого хочешь ещё? — спросил Матвей и в очередной раз её шлёпнул. Он уже отдохнул немножечко и теперь мог снова это делать.

— Нет… не этого, — нерешительно пробормотала Вероника, и Матвей в эту же секунду начал хватать её за попку. Снова начал щипать, но на этот раз уже чуть более осторожно. Её анус так сильно не раскрылся, как в прошлый раз, но она всё равно очень сильно испугалась.

— Ладно-ладно, этого хочу, — сразу же сказала Вероника истеричным голосочком. Уже поняла правила игры, которую он неожиданно придумал. Он требует, чтобы она на всё отвечала «хочу».

— Мм… хочешь, значит? Этого хочешь? — повторил Матвей и в очередной раз её шлёпнул.

— Да, этого… — стыдливо произнесла Вероника и, конечно же, в ту же секунду получила ещё один шлепок.

— Скажи это ещё раз, — попросил Матвей.

— Да, я хочу этого, — ответила Вероника, однако Матвей не совсем это хотел услышать.

— Попроси меня отшлёпать тебя, — потребовал Матвей. Веронику сразу же бросило в жар от волнения. Она не была готова к таким играм, а ещё очень стеснялась происходящего.

— Зачем это… — начала было говорить Вероника, и Матвей снова сразу же начал щипать её попку. Щипал, конечно же, хватая всей ладонью, по сути, просто грубо хватал. Но Вероника чувствовала, как его пальцы сдавливают её плоть, и ей было больно. А ещё ей было очень страшно, потому что её анус в такие моменты сильно растягивался. Иногда ей даже казалось, что он может её порвать.

— Ладно-ладно, я всё скажу, только не делай так, — испуганно взмолилась Вероника. Матвей неожиданно схватил её за попку второй рукой и точно так же начал грубо пожимать.

— Так говоришь, не делать? — спросил Матвей, а сам даже в этот момент продолжал двигаться и активно скользил членом в её анусе.

— А… пожалуйста… — ещё больше испугалась Вероника. Сейчас он хватал её попку обеими руками, игриво пожимал. И опять она почувствовала, как её анус растягивается и болит сильнее обычного. Она подумала, что таким образом он опять пытается заставить её сказать то, что хочет, но ошиблась. Он больше не просил её говорить, начал толкаться в неё всё резче и грубее, и быстрее. Он уже был на пределе и просто хотел кончить. И их недолгий развратный разговор возбудил его особенно сильно.

— Да… да… — вздыхая, простонал Матвей. Он максимально сильно прижался к её попке, и Вероника почувствовала, как его член запульсировал, испуская в неё семя.

— О, да! Это было классно, — сказал Матвей и напоследок шлёпнул её разочек.

— А мне не понравилось, — пожаловалась Вероника.

— Мало получила? Сейчас ещё отшлёпаю, — игриво пригрозил Матвей. — Всегда тебе не нравится!

— Было больно, особенно когда хватал за попку, — сказала Вероника.

— А мне всё понравилось. Только в следующий раз будь посмелее. Хочу, чтобы ты сама попросила меня отшлепать тебя.

— Нет, я не хочу так, — стыдливо пробубнила Вероника.

— Что такое? Хочешь сказать, что было сильно больно? — спросил Матвей. И в этот момент легонечко похлопал её по попке, а сам начал вытягивать член из её ануса.

— Нет, и даже не в этом дело… просто это слишком развратно, — сказала Вероника, даже не зная, как объяснить ему свои чувства. Но она не осмелилась сказать ему, что чувствует себя проституткой, когда он так её шлёпает.

— Ну, так это же хорошо, что развратно! Обожаю быть развратным!

Глава 96. Уколы и массаж

Матвей обеими руками начал поглаживать её попку, был доволен и улыбался. Потом опять неожиданно болезненно раздвинул её ягодицы, чтобы получше взглянуть на её дырочку.

— А… а… — сразу же вскрикнула Вероника. — Не делай так.

— Просто смотрю, — деловито сказал Матвей. Два больших пальца он приложил ближе к её анусу с двух сторон и снова начал раздвигать её попку. Теперь уже раздвигал непосредственно сам анус, чтобы заглянуть внутрь. Картина была весьма удручающая. Её анус выглядел ещё хуже, чем вчера. Был опухший, истёртый, местами была одна кровь, а не кожа.

Он понимал, что нужно чутка сбавить обороты. «Но только не сегодня!» — жестоко подумал Матвей. Он ведь ещё не сделал ей уколы. А если вдруг неожиданно пожалеет её и скажет, что массаж отменяется, это будет подозрительно. Она и сама подумает, что её попке трындец. А так, всё как обычно. Жалуются и жалуются себе, что ей больно! Она ведь и утром жаловалась, а он всё равно драл её часами.

«И сегодня повторим! А завтра, так уж и быть, с утреца отдохнёшь», — решил Матвей. На самом деле он и сам не хотел утром насиловать её попку чисто потому, что ленился вставать. Сегодня ему было тяжело и неудобно, и он не собирался повторять такое каждый день.

— Что там? Ещё хуже стало? — испуганно спросила Вероника.

— Всё нормально, наоборот, лучше, — соврал Матвей, ехидно улыбаясь. «Но кричишь ты точно лучше!»

— По ощущениям как будто хуже, — пожаловалась Вероника.

— Ничего-ничего! Сейчас сделаем уколы и массаж, станет лучше.

Говорил таким голосом, как будто бы утешает, будто ей скоро станет легче, но Вероника понимала, что это не так. Наоборот, он же собирается сделать ей ещё больнее. Уколы самые ужасные, болезненные, а потом ведь он ещё будет делать ей продолжительный массаж… Вероника не представляла, как вынесет всё это снова. Её сердце сразу же забилось быстрее, и она не выдержала, разрыдалась:

— И не хочу такое лечение, не хочу… это так больно.

Матвей ничего не стал говорить. Выстроил злобное лицо, а потом молча притянул поближе столик на колёсиках, а сам уселся на кресло. Уже через минуту Вероника услышала, как он щёлкает пальцами по ампуле, сгоняя воздух. И она разрыдалась ещё сильнее. Она ведь знала, что он не пожалеет её и всё равно сделает уколы, а потом запустит массажёр… Он ведь сказал, что это обязательно, два раза в день обязательно. Стало быть, он и массировать будет её два раза в день. Вероника поняла, что массажа боится даже сильнее, чем уколов.

Вероника продолжала хныкать и жаловаться. Но Матвей уже не хотел утешать её и поэтому помалкивал. Он кончил и был доволен, но собирался мучить её дальше чисто принципиально. Он ведь сказал, что сделает ей уколы, а потом массаж. Стало быть, должен сделать. И что ему стоит кольнуть, вставить в её задницу игрушку и запустить секс-машину? Работы на 5 минут, а она потом будет лежать и покрикивать, дёргаться, как обычно.

«Можно будет ещё и ротик твой заткнуть, чтобы не кричала!» — жестоко подумал Матвей. Уже сейчас её похныкивания его раздражали. И он уже заранее знал, что она не умолкнет. Ещё громче завизжит, когда он запустит секс в машину. Тем более, что её попке стало совсем худо.

«Ну, ничего, не сдохнешь ещё! Покричишь», — злостно подумал Матвей, а потом начал спиртом потирать её попку вокруг ануса.

— Эхе… эхе… — захныкала Вероника, понимая, что ужаснейший момент уже настал. Сейчас он продезинфицирует и начнёт колоть.

— Тихо, дорогая, сейчас буду делать укол, не надо напрягать попку.

Уже в следующее мгновение он взял в руки шприц и вонзил иглу в её попку чуть в сторонку от её ануса. Отступил на 1 см от дырочки, чтобы у неё опять слишком сильно не закровило, потом начал плавно колоть.

— А… а… как же больно! — с стоном закричала Вероника, чувствуя, как лекарство попадает в её организм. Боль распространялась по её анусу и усиливалась с каждой следующей секундой.

Ему-то было легко — давить на поршень, а вот она мучилась в каждом мгновении. И чем дольше он давил на этот поршень, тем сильнее у неё там болело.

«Да, дорогая, вот так вот! Твоя попка по полной получает, — язвительно подумал Матвей. — Прекрасно, прекрасно! Уверен, ты даже вообразить не могла, что бывает такое лечение!» Он с большим удовольствием делал ей укол. В скором времени вытянул иглу и вонзил в другом месте.

— А… — снова вскрикнула Вероника. Всякий раз, когда он вонзал иглу на новое место, ей было немного страшно, а потом становилось больно. И чем дольше он колол в неё укол, ей становилось всё больнее и больнее.

— Осталось уже немного, — сказал Матвей и в очередной раз сменил местоположение иглы.

Он сделал четыре укола вокруг её ануса. И на этот раз постарался колоть на равном расстоянии, чтобы всё было симметрично и идеально. «Укольчики чисто для того, чтобы было больно! — язвительно подумал Матвей. — Да, вот так вот! Терпи, дорогая, терпи!»

Он в очередной раз вонзил иглу на новое место, чтобы доколоть остатки препарата. Вероника, как обычно, протяжно жалобно вскрикнула, и он жадно это слушал.

«Обожаю, как ты кричишь, моя прелесть! Сейчас закричишь ещё громче!» — думал Матвей. Ему уже не очень-то хотелось делать ей массаж рукой, но ведь это стало некой обязательной частью их лечения. Поэтому он отложил спирт и начал разминать её анус. Надавливал, пощипывал и периодически тряс своей рукой.

— А… а… — кричала Вероника дрожащим голосочком.

— Терпи, — деловито сказал Матвей, а потом продолжил свои жестокие манипуляции. Он уже делал это чисто на автомате. Не старался сделать ей больнее, но даже не пытался быть нежнее. Просто делал массаж, всячески пожимая её анус.

Сначала он засунул палец и массировал с разных сторон, но потом вытащил пальцы и просто массировал. А Вероника тем временем продолжала орать снова и снова. И делала это всё громче. Он уже второй день чудовищным образом мучает её попку. Только второй день, а ей уже кажется, что у неё там голая рана.

«Скоро твоя задница в бифштекс превратится, если мы продолжим в таком же темпе! — язвительно подумал Матвей, а сам был довольный, ехидно улыбался. — Ну, покричи! Покричи!»

Сегодня он не был готов оставить её без массажа, ведь уже заранее это всё спланировал. А вот насчёт завтра думал. С одной стороны, он ведь строго сказал ей, что массаж обязательно нужно делать два раза в день и уколы тоже. По сути, она к этому уже морально подготовлена и не ждёт другого. Но с другой стороны, её анус уже действительно слишком сильно измучен… к тому же, и вставать с утра ему лень.

Он вроде бы уже решил, что завтра с утра даст её попке отдохнуть, однако всё равно размышлял на эту тему, а сам продолжал на автомате массировать её анус. «Но я ведь не могу позволить тебе разгуливать по дому, так не пойдёт! — подумал Матвей. — Точно, будет тебе облегчённое утро, только клизма и игрушка в попу! И будешь у меня лежать весь день, как сегодня».

— А… а… может уже хватит? — со стоном просила Вероника. На этот раз он не слишком сильно щипал её анус, но ей всё равно было очень больно. От любого прикосновения её анус ужасно болел.

— Может, и хватит, — сказал Матвей, а потом в завершение игриво похлопал её прямо по анусу.

— Эхе… эхе… — обиженно захныкала Вероника.

— Ты тут давай не расслабляйся! Эту попку ещё массаж ждёт! Без аппаратного массажа никак, — деловито напомнил Матвей. И стоило ему это сказать, Вероника закричала, ещё пуще захныкала:

— А… это так больно! Я не знаю, как это вынесу…

— Ты утром говорила точно так же, — деловито сказал Матвей, а потом встал со своего кресла и отодвинул его в сторонку. Вместо кресла притянул секс-машину и сразу же начал смазывать игрушку.

— Сегодня гораздо больнее… я уже утром чуть с ума не сошла от боли, — пожаловалась Вероника, с ужасом вспоминая утро.

— Ну, с того момента твоя попка отдохнула. Так что пора повторить массаж.

— Ы… ы… — отчаянно взвыла Вероника, а Матвей хитро улыбнулся и начал вставлять в её попу шарикообразный резиновый член.

«Да, плотненько входит, как всегда!» — восторженно подумал Матвей. Вероника в ещё большем отчаянии вскрикнула, но теперь уже она не просила не делать ей массаж. Понимала, что он всё равно сделает. Он ведь сказал, что это нужно обязательно после уколов…

«О, да! Сейчас покричишь», — язвительно подумал Матвей и направил свой палец на кнопочку секс-машины, которая включает её. «Раз-два-три, и вуаля, — кричи!» — ухмыльнулся он про себя, с превеликим удовольствием нажимая на кнопку включения.

Он нажал на эту кнопочку, и секс-машина сразу же заработала, начала долбить по её измученной дырочке. И Матвей был прав. Как только игрушка начала скользить в её анусе, Вероника неистово закричала:

— А… а… а…

«Да, дорогая, получай по попочке!» — язвительно подумал Матвей, рукой нежно поглаживая её попку. Эта картина не переставала его восхищать. Он жадно посмотрел на её дырочку и даже сейчас видел, насколько её анус красный, буквально наливается кровью, а игрушка продолжает скользить в ней снова и снова.

«Твою попку уже можно считать излеченной. Скоро лопнет анус от переизбытка лечения! — ухмыльнулся он про себя. — Но сегодня всё равно полечишься часок. Хотя нет, поправочка, полтора часа!»

Он уже так привык врать ей, что песочные часы на 1 час, иногда даже сам забывал, что они на полтора часа. «Но ты же ведь всё равно не замечаешь разницы, да, попочка?» — разговаривал он с ней мысленно и при этом продолжал поглаживать её попку.

— А…а… — снова закричала Вероника так протяжно и отчаянно, и начала дёргаться.

— Тихо, дорогая, тихо, — успокаивающе сказал Матвей. Он ехидно улыбался, но секс-машину останавливать не собирался.

— Так больно… — простонала Вероника. А Матвей как раз в этот момент из своего ящика с медицинскими принадлежностями начал вытаскивать кляп.

— Сейчас обидишься на меня, но я всё равно это сделаю, — сказал Матвей, неожиданно схватив её за волосы.

— А… нет, ну пожалуйста, хотя бы рот не затыкай, — визгнула Вероника. А он уже в этот момент прямо за волосы грубо заставил её поднять голову и приезжал кляп к её губам.

— Орать больше не будешь, это вредно для голосовых связок, — деловито сказал Матвей. — И так уже наоралась, вся охрипшая.

— М… пожалуйста, — пробормотала Вероника, стараясь не открывать свой рот. Сегодня утром ей было так тяжело лежать с кляпом во рту, и челюсть болела, и рот высыхал, потому что этот кляп с дырочками. И она очень не хотела, чтобы он снова запихивал ей в рот этот кляп.

— Открой рот добровольно или заставлю, — жестоко пригрозил Матвей.

— Пожалуйста, я обещаю не кричать, — визгнула Вероника и в этот момент повернула голову на бочок, чтобы он не воспользовался моментом, пока она говорит и открывает ротик. Боялась, что в этот момент он может вставить ей вроде этот ужасный кляп. Она будто не понимала, что при желании он может сделать это насильно. И что самое ужасное, в следующий момент именно это и произошло.

Матвей неожиданно отпустил её волосы, и на долю секунды Вероника подумала, что он отступает и больше не будет заставлять её открыть рот. Но она ошиблась. Он отпустил её волосы, чтобы освободить обе своих руки. Потом он сразу же пригнулся, одной рукой схватил её за челюсть и начал сжимать, а второй рукой поднёс кляп к её ротику. Он больше не стал просить, чтобы она открыла рот, только язвительно сказал:

— Не послушалась.

И в следующее мгновение он ещё сильнее начал сжимать её челюсть и насильно заставил её открыть рот.

— А… м… — прокричала Вероника, но больше она ничего не смогла сказать.

Матвей насильно запихнул ей в рот этот кляп. И он был огромный, анатомической формы. И опять он сильно-сильно раскрыл её челюсть. Потом Матвей сразу же привязал кляп за её затылком за специальную верёвочку, чтобы она не смогла его выплюнуть. Впрочем, Вероника и так не могла его выплюнуть, потому что он был как-то так устроен, что не сплёвывался. Или же она просто не приноровилась это делать, не умела. А может, у неё ротик маленький, и она не может его сплюнуть из-за размера. Вероника уже утром убедилась в том, что этот кляп не сплюнуть… но то, что Матвей ещё и привязал кляп, дополнительно её оскорбляло.

— Ы-ы-ы… — жалобно и протяжно взвыла Вероника, а потом начала дёргаться.

— Успокойся, милая, — сказал Матвей. И впервые за долгое время это прозвучало для неё как насмешка. Раньше в такие моменты она думала, что он её утешает, но не сейчас. Он ведь заткнул её рот, чтобы даже не слышать, как она стонет, и при этом так мучает её попку.

Она была в ужасе и не могла успокоиться: выла, истерила, пыталась дёргаться. А Матвей от этого только сильнее разозлился. Он хотел погладить её голову, а она вздёрнулась так, как будто бы пыталась ударить его. Он сразу же схватил её за волосы и начал грубо сжимать.

— А ну успокойся! — сердито сказал Матвей. — В следующий раз надену смирительную рубашку. Так успокаивает буйных пациентов, лечат в смирительных рубашках!

«Это будет ещё круче, — язвительно подумал Матвей. — Буду ебать тебя в смирительной рубашке!» Он сразу же представил это и мечтательно прикусил край своей нижней губы. Это выражение лица всегда казалось Веронике жестоким и ужасным. Впрочем, сейчас она не видела, как именно он на неё смотрит. Жмурилась и в ужасе продолжала выть, а он всё сильнее и сильнее сжимал её волосы.

— Я что тебе сказал? Успокойся! Твои запястья и так красные. Я не шучу, в следующий раз точно надену смирительную рубашку или придумаю что-нибудь ещё, чтобы не смогла так дёргаться, — пригрозил Матвей. В ответ Вероника в очередной раз жалобно взвыла, но теперь уже больше не дёргалась. Во всяком случае, не делала это настолько истерично, и Матвея отстал от неё.

— Вот и замечательно, лежит тогда и отдыхай.

Слово «отдыхай» снова показалось ей насмешкой. Она в очередной раз взвыла, а Матвей принёс и поставил песочные часы на стульчик, с которого она может за ними наблюдать.

— Приду, когда они дотекут, так что не надо дёргаться и выть. Это ничем тебе не поможет, — деловито предупредил Матвей.

— Ы-ы-ы… — взвыла Вероника снова.

— Надеюсь, ты поняла меня, — деловито сказал Матвей и похлопал её по голове. — Если запястья будут красные, учти, в следующий раз я твои руки к телу примотаю.

Он больше не стал говорить про смирительную рубашку, чисто потому, что её у него не было. Но Матвей уже призадумался о приобретении такого наряда для неё. «Можно будет упаковывать тебя время от времени, чтобы не буйствовала!» — язвительно подумал Матвей. А вообще он уже размышлял о чем более интересном, чем смирительная рубашка.

В скором времени Матвей ушёл, хлопнув дверью, а Вероника осталась выть. Секс-машина работала, игрушка постоянно скользила в её анусе, причиняя ей боль и жуткое раздражение. Только при нём Вероника не дёргалась, но стоило ему уйти, и началось… она дёргалась и дёргалась, и снова выла. Она понимала, что это бесполезно, но лежать спокойно было ещё труднее. И снова она думала, что сойдёт с ума от этих ужаснейших ощущений. Она выла, и выла, и смотрела на песочные часы, которые ещё только начали течь.

Глава 97. Забытая

Матвей вышел в гостиную и прилёг на кожаный диван. Решил посмотреть кино, пока она там лежит и стонет. «О, как раз и фильм закончится, и тебя будет пора спускать!» — подумал Матвей, ехидно улыбаясь. Фильм ведь как раз идёт полтора часа, не считая титров, которые он никогда не смотрит.

Выбрал он фильм вроде бы рейтинговый, судя по пометке. Отзывы не читал, и принялся сразу смотреть. Увы, его ожидало разочарование. Фильм оказался нудный и скучный, а сюжет был какой-то натянутый, хуже, чем в сериалах. Он уснул от скуки, пока ждал, когда в этом фильме произойдёт хоть что-то интересное событие. Утром он всё-таки не выспался, поэтому так получилось.

Он и раньше иногда засыпал после работы раньше времени, если с утра не удавалось выспаться. И, конечно, он быстро не просыпался, особенно, если его не тревожили. Сейчас не тревожили. Фильм шёл и шёл на средней громкости, которую он выбрал. Вероника громко пищать не могла, потому что он заткнул её рот кляпом. Разговоры в фильмах были громче, чем её стон.

Он спал и спал, а Вероника тем временем мучилась от боли. Секс-машина продолжала работать. Она у него электрическая и не отключается, пока не выдернешь из розетки или пока не нажмёшь кнопку выключения. Может работать много часов подряд, и даже не срабатывает никакой предохранитель от перегрева. Видимо, перегрева в ней не бывает.

Вероника лежала и лежала, глядя на песочные часы. Но они всё текли и текли, и она с нетерпением ждала, когда весь песок окажется внизу. Она думала, что он придёт и отключит этот ужасный массажёр. Он ведь всегда приходил, и чаще всего часы даже не успевали дотечь, он приходил и отключал массажёр. Жалел её, когда она слишком громко стонала. Но сегодня она стонала и даже пыталась кричать с кляпом во рту, а он всё равно не приходил. Даже не навещал её…

Пока текли песочные часы, она была более-менее спокойной. Дёргалась, конечно, периодически в изнеможении, но потом заставляла себя успокоиться. Матвей ведь сказал, что всё равно не придёт, пока они не дотекут.

— Скорее бы, скорее бы это закончилось, — истерично думала Вероника. Она изнемогала даже когда текли эти часы. С нетерпением ждала, когда песок полностью перетечёт.

— Я не выдержу, скорее бы, — повторяла она снова и снова в своих мыслях и смотрела на часы. И это длилось целых полтора часа, которые показались ей долгими, утомительными. Но позже произошло самое ужасное. Часы дотекли, однако Матвей не приходил к ней.

— А… а… как это так? — в ужасе думала Вероника. Она же была уверена, что он придёт к ней, когда они дотекут.

Когда песочка оставалась совсем крошечку, уже в этот момент она ждала его, а потом утешала себя, напоминая о том, что они ещё не дотекли. Думала, что, наверное, он вредничает. Ждёт, когда они полностью дотекут. Наверное, поставил себе какой-нибудь таймер и вернётся, когда дотекут, но нет… Вероника всякое фантазировала, но не думала, что он уснул.

— А… ну где же ты?! Почему не приходишь? — думала Вероника и начала дёргаться. Теперь уже она не слушалась его запрета не дёргать руками. Сильно-сильно дёргалась, а ремни царапали её запястья. До боли царапали, но ей было всё равно. Она так мечтала освободиться, но, как обычно, понимала, что это невозможно. Ремни крепко её удерживали, и казалось, их невозможно оторвать.

— А… а… почему ты не приходишь? — снова и снова думала Вероника.

Так прошли ещё 10 минут, которые показались ей ужасно долгими. Потом прошли ещё 10, а его всё не было и не было. Она не знала, сколько уже лежит. Просто чувствовала, что очень долго.

Время шло и шло, а Матвей не возвращался. Ей стало казаться, что прошёл ещё час с тех пор, как часы дотеки, и она была в ужасе. Выла и выла, а потом уставала и просто лежала, выпучив глаза. Ей было так плохо… и снова она думала, что не выдержит, умрёт на этой кушетке. И снова думала, что он нарочно её так бросил, чтобы помучить. Или просто ушёл куда-то по своим делам и задерживается по непонятным причинам. Но как он мог оставить её с этим включённым массажем в попе?

Дальше всё было ещё хуже. Время продолжало идти, а Матвей к ней не приходил. Массажёр всё так же работал, снова и снова долбил по её попке.

— Ы…ы… — снова и снова выла Вероника, иногда громче, иногда тише, но он всё равно не приходил. Ей показалось, что прошёл ещё один час, а может, уже два или три.

— Куда же ты ушел? Неужели не придёшь? Или уснул? — в ужасе заподозрила Вероника. Её глаза наполнились слезами, но она уже не дёргалась. У неё закончились силы. Её запястья и щиколотки очень сильно болели, потому что сегодня она дёргалась как никогда сильно, но всё равно разорвать эти ремни не смогла. И попку убрать не могла от работающей секс-машины. Она так и долбила её снова и снова, растирая её опухший, измученный анус.

Матвей тем временем всё ещё продолжал спать. Он, конечно же, проснулся, однако совсем не скоро. Сначала лениво открыл глаза, а потом как вскочит, вспомнив о Веронике.

— Вот дерьмо! Твоей попке, наверное, точно пиздец настал, — подумал Матвей, взглянув на часы. Они уже показывали 1:30. Его сердце волнительно забилось. А ещё он услышал её стоны в другой комнате и работающую секс-машину.

— Вот же ведь мощь! Даже не отключилась, не перегрелась, — подумал Матвей. Он был бы рад, если бы его секс-машина вдруг сломалась или отключилась от перегрева, но нет, она работала. Даже не заходя в её комнату, он слышал эти звуки, такое лёгкое «дрынь-трынь». И он уже заранее не знал, как оправдываться.

Матвей понимал, что секунды ничего не решат, но он сразу же побежал к ней. Это как забыть про работающий утюг на любимой рубашке, а потом вспомнить об этом через 10 минут. Уже понимаешь, что рубашку не спасти, но поскорее бежишь убедиться в этом. Вот и Матвей побежал, громко ворвался и сразу же выключил секс-машину. Она действительно продолжала долбить её дырочку снова и снова.

Матвей с ужасом увидел, что её попка вспухла ещё сильнее, анус местами кровил, истёрся. Благо он смазку использовал, которая не высыхает, иначе бы она точно вывернулась за 5 часов.

Матвей сразу же приблизительно посчитал, сколько она «массировалась». Он же около 7 часов вечера её уложил. «Офигеть просто! Я драл тебя целых 6 часов, почти даже 7!» — подумал Матвей сначала с сожалением и сочувствием, но в то же время с восторгом.

— Ы…ы… — протяжно выла Вероника и снова вздёрнулась. Матвей ещё ничего ей не сказал, сам был в шоке.

— Прости, я уснул… — виновато пробормотал он, а сам начал вытаскивать игрушку из её попки. — Ну, немножко дольше помассировалась…

Впрочем, он понимал, что на этот раз ему не отвертеться. Она не чуть-чуть помассировалась, а слишком долго, ведь время уже за полночь. И когда он так сказал, Вероника снова протяжно взвыла, как будто бы говорила: «я знаю, что это чушь! Не немножко, а намного дольше массировалась. Знаю, что ты сказал это для того, чтобы ещё больше посмеяться надо мной».

Матвей понимал, что нет ему оправдания, поэтому решил помолчать. Он полностью вытянул игрушку и снова начал осматривать её анус, теперь уже повнимательнее. Сразу же сморщил свой носик и жалостливо подумал: «вот чёрт, точно пиздец настал».

Он ещё раз разглядел истёртые места. В общем-то всё кольцо её ануса было истёрто, словно с неё там кожу содрали, и всё было красное, разбухшее. «Надо было получше смазать», — подумал Матвей. Но, с другой стороны, он и так уже хорошо её смазал, сильнее некуда.

Он понимал, что не в смазке дело. Всё потому, что он слишком долго насиловал её попку. Запустил секс-машину и забыл о ней на целых 6 часов. Она даже закричать не могла, потому что он заткнул ей рот. Если бы он не уснул и если бы не заткнул ей рот, точно не смог бы 6 часов слушать её крики. Давно пожалел бы её и отключил секс-машину. Но он заткнул её рот, а сам уснул. Она мучилась, пока он отдыхал.

Ему было совестно и немного досадно из-за того, что завтрашние процедуры «лечени» отменяются. Он понимал, что придётся дать её попке отдохнуть, иначе никак…

— Ы…ы… — снова взвыла Вероника, вздёрнулась. И только потом он развязал кляп и вытащил из её ротика. Уже готовился услышать оскорбления и ругань, но она его удивила. Вероника не стала его оскорблять, во всяком случае, пока что. Только закричала протяжно и жалобно спросила:

— А… почему ты так долго не приходил? Я думала, что умру… я скоро умру от этих массажей…

Её глаза наполнились слезами и мигом смочили его ладони. Он как раз утешающе гладил её голову и личико.

— Ну, прости, я уснул… видимо, на работе устал.

— А… ты уснул, а я…

Она говорила сквозь слёзы, истерично. Хотела сказать, что он не имел права спать, пока она лежала и так ужасно страдала…

— Ну, успокойся, я обещаю, что такого больше не повторится, — сказал Матвей. Вероника сразу же начала отрицательно мотать головой.

— Нет, я больше не хочу никаких уколов! Никакого массажа! Никакого лечения… — истерично закричала Вероника. — Лучше пусть всё будет так, как есть…

— Успокойся, не надо пороть сгоряча, — сказал Матвей, продолжая поглаживать её голову.

— Нет, больше никакого массажа… я больше не хочу такого никогда, — истерично плакала Вероника.

— Переборщили. Ну, извини, мой косяк. В следующий раз, когда будем делать массаж, я никуда от тебя не отойду, обещаю, — сказал Матвей. — Всё время буду рядом, каждую минуту.

Но это не особо её утешало, ведь это не изменит того, что было. А ещё он говорит о следующем разе…

— Нет, я больше не хочу никакого массажа! Я думала, что умру сегодня, так больно… — плакала она снова и снова.

— Ну, в ближайшие дни никакого массажа, — обещал Матвей. — И с уколами сделаем перерыв. Но потом обязательно нужно будет продолжить.

— Нет… нет… — повторяла Вероника, быстро-быстро мотая головой.

— Ну ладно тебе, ты просто перенервничала. Давай мы позже вернёмся к этому вопросу?

— Нет, я не хочу…

— Милая, ну перестань. Лучше скажи мне, ты какать ещё хочешь? — деловито спросил Матвей, в очередной раз растирая её слёзы по её же щекам.

— Не знаю, как будто даже не хочу уже, — истерично пробубнила Вероника.

— Мы делали тебе клизму, поэтому нужно покакать. А потом нужно будет подлечить твою попку. Скажу честно, опухло сильнее, в некоторых местах покраснело. На этот раз уже точно из-за массажа, с этим тоже нельзя перебарщивать, — деловито разъяснил Матвей.

— Эхе… эхе… — захныкала Вероника и даже не стала спрашивать, как он собирается её подлечить. — Ладно, отнеси меня в туалет…

Матвей сразу же начал развязывать её тельце и, конечно же, увидел, что её запястья и щиколотки красные.

— Опять дёргалась? — немного нервно спросил Матвей.

— Потому что было… так больно! Я думала, что с ума сойду, — истерично запищала Вероника. Но Матвей понимал, что провинился, и поэтому не стал её больше ругать. Однако всё равно продолжал сердиться.

— Прямо как маленькая! Объяснил же, что нельзя дёргаться. Ну, что это такое?

Он освободил её руку и нервно перекинул в другое место. Её запястья были красные-красные, как будто она очень долго пыталась сбежать от маньяка, который её связал. И вот сбежала с такими вот руками. Её щиколотки были менее истёрты, но тоже были очень красные.

— Эхе… эхе… — хныкала Вероника. — Мне было так плохо… я кричала… пыталась закричать и позвать тебя, но ты не приходил… а потом я дёргалась, надеялась, может, смогу хотя бы руки освободить.

— Ну и что? Смогла? — язвительно спросил Матвей.

— Ну, хватит издеваться… мне было так плохо. А ты не приходил и не приходил! — слезливо повторила Вероника.

— В следующий раз свяжу тебя по-другому, — пригрозил Матвей, а потом начал её поднимать, продолжая злиться. Сразу же понёс в ванную комнату.

Вероника продолжала похныкивать, но ничего не говорила вплоть до того момента, пока он не принёс её в ванную. Она думала, что он поведёт её в ближний туалет, где установлены специальные поручни для инвалидов.

— Почему мы пришли сюда? — спросила Вероника.

— Ты же сама сказала, что не хочешь срать. Значит, мне придётся помочь тебе, — деловито сказал Матвей, а сам уже укладывал её в ванную.

— Нет! Что ты опять задумал? Почему меня сюда укладываешь? — истерично визгнула Вероника.

— Сейчас сделаем тебе быструю клизму, чтобы прочистить кишки, — деловито сказал Матвей, а сам уже доставал из тумбочки кружку Эсмарха.

— Нет-нет, опять клизма! Я больше не хочу никаких клизм! Я так уже от них замучилась, — визгнула Вероника и сразу же начала отрицательно мотать головой.

— Я же сказал, быструю клизму. Много волью, как делают врачи, и сразу высрешься. Ну, или через пару минут высрешься. Там уже сама смотри, сколько сможешь терпеть, — разъяснил Матвей. Он открыл кран и уже налаживал воду, чтобы наполнить кружку Эсмарха.

— Нет, я нисколько не смогу терпеть, — визгнула Вероника, продолжая отрицательно мотать головой, — не буду терпеть!

— Значит, не будешь терпеть, — деловито согласился Матвей. Сейчас ему было всё равно, потому что он знал, что клизма в любом случае сработает, особенно если влить в неё полторашку. «Можно и побольше!» — язвительно подумал Матвей.

— Ой, ты так много наливаешь в эту штуку… и это всё меня пойдёт? — с некоторым ужасом спросила Вероника.

— Это как раз такая клизма, к которой ты привыкла, — объяснил Матвей. — Что тебя удивляет?

— Я не знала, что так много вливают…

— Полтора-два литра, — ответил Матвей. — Будет быстрая очистка. После этой клизмы ты пару дней срать не захочешь. Будет время подлечить твою дырочку.

Вероника снова захныкала, а потом обхватила одну свою ногу, приподняла на край ванны, а второй рукой начала щупать свой анус. В диком ужасе запищала:

— А-а-а! Что ты со мной сделал… какой кошмар.

— Успокойся, это пройдёт, — деловито сказал Матвей. Потом он схватил её за запястье и попытался заставить убрать руку с ануса, но Вероника начала сопротивляться. Упрямо вздёрнулась и продолжила себя щупать.

— Отстань, это ты сделал… твоё лечение — это даже не лечение, просто пытка какая-то.

— Да, я виноват, что уснул. Я ведь уже признал это. Чего ты теперь от меня хочешь? — сердито сказал Матвей. В одной его руке уже была кружка Эсмарха, но он понял, что придётся отложить её, чтобы уложить её правильно. К тому же Вероника явно не настроена сейчас слушаться. Придётся помочь ей прилечь.

Он аккуратно положил кружку Эсмарха в раковину в вертикальном положении, а потом пригнулся с готовностью уделить ей всё своё внимание.

— Твоя попка уже через пару дней придёт в себя, так что не переживай, — деловито сказал Матвей.

— Она опухла и так болит… там теперь настоящая шишка, — истерично сказала Вероника. — А-а-а, даже трогать больно.

— Так не трогай! — сказал Матвей. Он снова схватил её за запястье и на этот раз уже заставил убрать руку от попки. Потом сразу же начал её укладывать боком.

— Так больно, так больно… — истерично повторяла Вероника.

— Ложись, и сейчас сделаем клизму, покакаешь.

— Кажется, я и так хочу какать, — сказала Вероника.

— Клизму всё равно сделаем. Я уже всё подготовил.

— Но я не хочу… и не хочу, чтобы ты туда ещё что-то пихал.

— Я не буду ничего пихать, — обещал Матвей.

— Ты врёшь! Ты опять захочешь заткнуть мою дырку, — истерично, но уверенно сказала Вероника, а Матвей язвительно подумал: «у-у-у! А ты уже всё знаешь, девочка? Правильно думаешь, правильно! В другой ситуации я бы точно заткнул твою дырочку и заставил извиваться с клизмочкой в попе как минимум минут двадцать! С двумя литрами ты бы вся извелась за это время! Но сейчас уже ночь и тебе и так нехило досталось. Так уж и быть, пожалею тебя, обойдёмся на этот раз без пробки!»

— Ничем я не собираюсь затыкать твою дырку. Я сейчас волью в тебя, и минуты не пройдёт, сразу обосрёшься, — объяснил Матвей.

— И ты разрешишь меня обосраться, не заставишь терпеть? — недоверчиво переспросила Вероника.

— Я ведь уже сказал, не заставлю. Но обосрёшься не в ванную, разумеется, до туалета придётся дотерпеть.

— Ладно, — сдалась Вероника. Она нахмурилась и вздыхала, Матвей тем временем аккуратно уложил её в ванной боком, потом снова взял в руки кружку Эсмарха и начал вставлять в её попу трубку.

— Ой… больно, — со стоном пролепетала Вероника.

— Совсем тоненькая, и всё, я уже вставил, так что не надо плакаться.

— Сейчас даже от такого больно, — жалобно сказала Вероника.

— Я подлечу тебя максимально эффективно. Через пару дней попка будет как новенькая! — обещал Матвей, а сам, как обычно, ехидно улыбался, помышляя недоброе. Особо лечить он её не собирался. Наоборот, планировал сделать так, чтобы она и дальше продолжала мучиться.

«Но, так уж и быть, дрочить пару дней не буду тебе, заслужила отдых!» — подумал Матвей. Он поднял кружку Эсмарха выше и начал вливать в её попу воду. Не прошло и минуты, Вероника, вздыхая, пожаловалась:

— Ой… ой… я чувствую, как много воды… я прямо переполнилась изнутри.

— Ну, так и должно, — деловито сказал Матвей.

— Ой, как будто прямо сейчас уже хочу какать.

Матвей усмехнулся:

— Ну, что я тебе говорил? Долго сможешь терпеть?

Вероника сразу же начала отрицательно мотать головой:

— Нет-нет, нисколько не смогу терпеть… ой, а может, больше не надо вливать?

— А тут больше нет! — неожиданно сказал Матвей. Кружка Эсмарха действительно уже опустела, и он сразу же вытянул трубку из её попки.

— Ой, как хорошо, что всё. А то я чувствую, что в меня уже не помещается, там внутри явно всё переполнилось.

— Ну, ничего, переполнилось и скоро освободится! Сейчас подниму тебя и донесу до туалета. Только смотри не обосрись на меня, — предупредил Матвей. Как всегда, он опасался этого сильнее всего. Но в любом случае он не собирался на этот раз из-за своего страха затыкать её дырочку пробкой. Ну, во-первых, сейчас её дырочка действительно слишком сильно измучена, и не стоит её тревожить лишний раз. К тому же это нелепо — затыкать её дырочку только лишь для того, чтобы преодолеть расстояние пару метров до туалета. Именно столько было до толчка. И он искренне надеялся, что она дотерпит. Но с другой стороны, её анус сильно разбух и находится в расслабленном состоянии, а такой попке доверия нет. Она может не сдержать. Однако Вероника уверенно обещала:

— Конечно, я не обосрусь! Ты чего всегда меня в таком подозреваешь?

— Не тебя подозреваю, а твою попку! — игриво сказал Матвей, а потом стукнул её по носику. После этого неожиданно схватил её за запястья и начал подводить руку к промежности. — А знаешь, что? Теперь можешь поддержать себя там! Прижимай дырочку, чтобы не обкакаться.

— Я не обкакаюсь, — пробубнила Вероника, но сама послушно просунула пальчики между ног и в очередной раз потрогала свою дырочку. И опять она ужаснулась, когда это сделала. Её анус был просто огромный, будто у неё там застрял мандарин.

— Всё равно держи, чтобы мне было спокойнее, — сказал Матвей, а потом начал аккуратно её поднимать, торопливо донёс до толчка. Только-только он её усадил, и она сразу же брызнула.

— Ой, можно было? Я не удержалась всё-таки… — виновато оправдалась Вероника.

— А я что тебе говорил! Спасибо хоть не на меня, — сказал Матвей и в очередной раз игриво стукнул её по носику.

— Я ещё хочу, не могу сдерживаться, — сказала Вероника и продолжила тужиться. Снова и снова из её попки летели брызги, и наконец она почувствовала долгожданное облегчение. Оно наступало прямо сейчас, пока она попкой срала жидкость. И чем сильнее она тужилась, тем больше из неё выходило, тем легче становилось. Отвлекаясь этими ощущениями, она не сразу поняла, что теперь её анус стал болеть ещё сильнее.

— А-а-а… даже срать так больно, — запищала Вероника. Она крепко-крепко сжала свои маленькие кулачки и начала стучать по своим коленям.

— Это, наверное, щиплет от какашек, — объяснил Матвей и сразу же снял с крючка душевой шланг для подмывания. — Давай подмойся поскорее прохладной водой, и всё пройдёт.

Он настроил холодную воду и начал брызгать на её промежность.

— Ой… ой… — начала Вероника вздыхать, тяжело дышала, но ей действительно сразу же стало легче. Боль как будто бы утихла.

— Ну что, так лучше? — заботливо спросил Матвей.

— Да, но я как будто ещё хочу какать, — сказала Вероника.

— Ну так какай, только потом сразу же подмойся. Твоя дырочка истёрлась, и поэтому из-за какашек щиплет, — объяснил Матвей.

— Да, потому что ты забыл меня там… — сказала Вероника, зажмурилась и захныкала.

— Ну успокойся уже! Да, я виноват. И, к сожалению, мне этого не исправить и никак не реабилитироваться. Но я обещаю, что такого точно никогда не повторится, — снова сказал Матвей. — Ты давай какай спокойно, а я приду к тебе через 10 минут.

Ему хотелось уйти поскорее, во-первых, чтобы не нюхать её какашки. Ну а во-вторых, чтобы этот спор не продолжался. Опять она вспомнила о том, что он её забыл, обвинения посыпались. Лучше уж в гостиной поваляться, чем выслушивать всё это.

Вероника хотела было сказать, чтобы он не уходил, что она как раз именно в эту секунду почувствовала очередной позыв. Подумала, что ей и в самом деле лучше посидеть здесь ещё какое-то время, чтобы наверняка высраться как следует.

— Ладно, только обещай, что не забудешь снова, — визгнула Вероника.

— Обещаю, что не забуду! И вообще, я думал пойти на кухню и подготовить для тебя ужин, — соврал Матвей. На самом деле он ведь собирался просто поваляться. Но раз уж так сказал, почему бы и не приготовить? Стоило только подумать о еде, и ему как будто бы стало голодно.

— Ладно, приготовь, хочу чего-нибудь горяченького. Остались ещё те котлетки с картошкой? — спросила Вероника. Она сегодня полдня питалась сухариками, и всё это время вспоминала вчерашний ужин. Очень хотела снова покушать такой обед.

— Конечно, остались. Значит, договорились, подогрею тебе пюре с котлеткой. И чего ещё? Соку, наверное?

— Да, хочу и соку, — сразу же подхватила Вероника.

— Вот и замечательно! Накрою на стол и вернусь за тобой, — обещал Матвей и напоследок игриво постукал её по носику. — И смотри, не плачь тут у меня.

Вероника сразу же закрыла глазки и наигранно улыбнулась. Когда её уличали в том, что она может заплакать, ей мигом хотелось смеяться, и неважно, что в этот момент ей ужасно грустно. Она на автомате пыталась притвориться, что она не в том настроении, чтобы плакать.

— Ладно, не буду, — сказала Вероника. Матвей неожиданно обхватил её затылок своей большой ладонью, немного притянул её голову к себе, а потом пригнулся и поцеловал её в лобик.

— Я люблю тебя, — прошептал Матвей. И она так хотела верить в то, что это правда. На самом деле даже верила. Он ведь сказал, что уснул, что случайно её забыл… и она верила в то, что это было случайно. Понимала, что он не стал бы нарочно оставлять её так надолго с работающим массажёром в попе.

Глава 98. Лечение попки

Матвей вышел на кухню, вытащил еду, но подогревать пока что не стал. «Надо ещё твою попку перед этим подлатать! — ухмыльнулся он про себя, — всё равно остынет». Впрочем, он налил для неё сок в бокал, чтобы создать видимость, что накрывал на стол. Для себя тоже налил, но свой выпил сразу же, а потом пошёл в гостиную и завалился на диван. Просто лёг и мечтательно пялился в потолок. Спать уже не хотел, но понимал, что нужно будет хотя бы попытаться уснуть ещё. А то завтра утром опять не захочет вставать.

Матвей повалялся какое-то время, а потом Вероника позвала его:

— Мотя, я всё, можешь забрать меня?

— Иду, — сказал Матвей и неохотно встал. Он не был уверен, что 10 минут прошли, но раз уж она зовёт, почему бы и не пойти? Засыпать он точно не собирался, пока её не уложит.

— Ну вот, а ты боялась, что я усну и опять тебя брошу, — весело подметил Матвей, открывая дверь ванной комнаты. — Оказывается, можешь просто позвать, и я тебя услышу.

Вероника стеснительно улыбнулась и опустила голову:

— Оказывается, да.

Он пригнулся и начал её поднимать.

— Коляску не взял, потому что тебе пока нельзя садиться, — напомнил Матвей. — Так что придётся мне опять тебя на руках носить.

— О, нет… мне опять придётся на ту накладку садиться? Только так можно сидеть? — жалобно уточнила Вероника.

— Пока, к сожалению, только так, — подтвердил Матвей. — Сделаем два дня перерыв с уколами, но они будут продолжать действовать, поэтому садиться всё равно нельзя. Но я тебе уже объяснял, что опять повторяться?

Он уже пронёс её через гостиную и стоял возле двери её спальни.

— Как всегда забыл оставить дверь открытой, — подметил Матвей и ногой толкнул дверь, чтобы открыть её. Благо не нужно было крутить дверную ручку, чтобы дверь открылась, иначе возникли бы сложности.

И вот они уже в комнате. Вероника думала, что сейчас он понесёт её на кроватку, однако ошиблась. Он снова понёс её к пыточной кушетке и начал укладывать.

— О нет-нет! Зачем опять сюда? — запищала Вероника.

— Ну что за вопрос? Попку же надо обработать, — деловито сказал Матвей.

— Я уже ненавижу эту кушетку! Я вообще не хочу, чтобы она здесь была, — запищала Вероника.

— А-ля капризики пошли! Если смущает кушетка, я могу накрыть её каким-нибудь покрывалом. Но это потом. Сначала надо твою попку обработать, это самое главное, — деловито сказал Матвей. Он уже уложил её грудью на эту кушетку, вытащив её попку. Сразу же начал стягивать ремнями её спинку и талию, опять фиксировал на этой кушетке.

— Нет… а связываешь зачем? — с недовольством спросила Вероника.

— Чтобы ты не упала, — ответил Матвей. Всегда у него было только такое оправдание, и раньше она его проглатывала. Сейчас уже начала бояться любого связывания, ведь всякий раз, когда он её связывает, делает ей больно. Это уже стало закономерностью, которую сложно игнорировать.

— Хочешь сказать, что это опять долго? — жалобно спросила Вероника. — Мы ведь собирались покушать. Ты обещал мне еду разогреть.

— Это недолго, и мы обязательно поедим вместе, — обещал Матвей, — но мне будет спокойнее, если я буду точно знать, что ты не упадёшь.

— Только руки не связывай и ноги тоже, — сразу же сказала Вероника.

— И не собирался! — ответил Матвей, а сам как раз в этот момент схватил её за бедро и сдвигал её ножку, получше укладывал на кушетке. Поэтому она и подумала, что он и ноги её собирается связать.

— Эхе… эхе… — захныкала Вероника. — Я уже боюсь тут лежать и не хочу.

— Успокойся, милая, никаких уколов и никаких массажей, только обработаю, — обещал Матвей. — Связал я тебя не крепко, поэтому не дёргайся, мало ли что. И смотри, пинка мне не дай!

Последнее он сказал шутя, однако Веронике было не до веселья. Она сразу же испуганно спросила:

— О, нет… опять будет больно?

Как раз в этот момент Матвей начал притягивать ближе передвижной столик на колёсиках. А его дребезжание, как всегда, её пугало.

— Скорее всего, пощиплет. Но продезинфицировать в любом случае нужно, чтобы микробы не попали, — деловито сказал Матвей.

— О нет, нет, — ещё пуще захныкала Вероника. — Ты спиртом там собираешься дезинфицировать?

— Ну, а чем прикажешь это делать? — спросил Матвей. Он уже взял в руки ватный диск и начал смачивать в спирте. Конечно же, у него были и другие варианты, например, хлоргексидин, который тоже отлично дезинфицирует и при этом безболезненно, или перекись водорода, тоже отличный вариант. Однако именно от спирта пощипывать будет сильнее всего.

«Взбодрю тебя перед сном как следует!» — язвительно подумал Матвей. Он вроде бы и жалел её, но всё равно хотел продолжать наказывать, хотел причинить ещё больше боли.

— Не знаю, чем-нибудь ещё… может, каким-нибудь лекарством помажешь? — жалобно попросила Вероника.

— Если не продезинфицировать, может начаться нагноение, только этого твоей попке не хватало! — деловито сказал Матвей. — Тем более покакала уже, могла зараза попасть.

— Там всё так ужасно? Я только потрогала, даже ещё не видела, — запищала Вероника, переполненная жалостью к самой себе.

— Лучше тебе и не видеть, — сказал Матвей.

— Значит, всё ужасно…

— Ну, красненькая, стёрлась немножко кожа. Но, знаешь, это такое место, которое быстро заживает, так что не переживай, — деловито разъяснил Матвей, а потом неожиданно спросил: — Ну что, готова?

— Ой, уже сейчас? — испуганно проговорила Вероника, уже заранее предвкушая боль.

— А ты что, долго тут лежать собралась? Сама же спешишь поскорее пойти кушать.

— Ну, ладно, давай, протирай… готова, — протянула Вероника, а потом вдохнула и сжала свои губки, готовясь к сильной боли. Матвей с ехидной улыбкой приложил ватку со спиртом к её самому красному истёртому месту в анусе. «Вот так вот, пусть пощиплет!» — язвительно подумал Матвей.

— А-а-а… а… — закричала Вероника и даже немножечко вздёрнула попкой. — Как же больно!

— Ничего, ничего, потерпи, — деловито сказал Матвей, приподнял ватку, а потом снова приложил уже на другое место. Приложил и начал потряхивать рукой, а потом ещё начал грубо протирать, шкрябая ваткой её разбухшие стёртые места.

— А… а… — прерывисто и громко покрикивала Вероника.

— Надо как следует продезинфицировать, так что потерпи, — деловито сказал Матвей. В этот момент он уже протирал область вокруг её ануса, где у неё не так сильно болит. Там у неё болело только из-за того, что он надавливал, а ещё из-за уколов ею плоть сама по себе стала болючей.

— Скажи, что всё? Скажи, что больше не будешь протирать? — истерично запищала Вероника. Она уже терпела из последних сил и тяжело дышала, постоянно пугливо хныкала. Матвей как раз отложил ватку и взял ещё одну, и тоже начал смачивать её в спирте.

— Ещё разок протру и всё.

— Нет-нет, не хочу… может быть, одного раза уже хватит? И так ведь уже продезинфицировал.

— Надо хорошо продезинфицировать, — сказал Матвей. На этот раз он не стал спрашивать, готова она или нет. Обильно смочил ватку спиртом и приложил прямо на её анус. Причём грубо так приложил, вместе с ваткой частично вставляя внутрь свой пальчик и начал потряхивать.

— А… а… — закричала Вероника, чувствуя сильнейшие пощипывание. Снова она задёргала попкой, а рукой начала хлопать по кушетке.

— Ну пожалуйста, пожалуйста… ну хватит…

— Всё, всё, хватит, хватит, — согласился Матвей. Он убрал ватку и отложил её в сторонку.

— Эхе… эхе… это было так больно, ужасно больно.

Матвей сразу же подул на её анус и заботливо спросил:

— Так легче?

— Да, так немного легче, — жалобным голосочком протянула Вероника.

«Но это точно было не больнее, чем в тот раз, когда я брал у тебя анализ из попки, — язвительно подумал Матвей, — надо будет как-нибудь повторить ту процедуру!» Как раз в этот момент он взглянул на пластырь, который всё ещё был наклеен на это место. Она чуточку поковыряла пластырь по краям, но было видно, что не снимала.

— Как тут у тебя место анализа? — спросил он неожиданно.

— Очень чешется и жжётся. Может, уже пора снимать пластырь, ведь уже третий день? — сказала Вероника. — Я как раз хотела спросить об этом.

— Сейчас с попкой разберёмся и потом посмотрю, как там у тебя заживает.

— Ладно, спасибо, — вздыхая, сказала Вероника и наконец-то спросила: — а что ты ещё сделаешь с моей попкой? Кремом каким-нибудь помажешь?

— Нет-нет, крем тут не нужен, не поможет. Сейчас просушим немного и приклеим пластырь.

— О, нет! Такой же пластырь, от которого чешется и жжётся? — сразу же запищала Вероника.

— Ну да ладно тебе жаловаться, не так сильно и жжётся! Я с такими пластырями тоже ходил. Зато излечивают быстро. Говорю же, за 2 дня будешь как новенькая.

В этот момент он отошёл к комоду и вытащил оттуда фен. Вероника лежала и, похныкивая, жаловалась на то, что он собирается приклеить на её попу пластырь.

— Нет-нет, я не хочу. Ну, пожалуйста… может, можно просто какой-нибудь тампончик с кремом поставить?

— Я же ведь уже сказал, это не поможет. От крема раны только сильнее воспаляются, даже загноиться может. Ни в коем случае никакого крема! — деловито разъяснил Матвей.

— Эхе-эхе… я не хочу туда пластырь, а как я буду какать? — спросила Вероника.

— А мы для чего, по-твоему, сделали клизму? — спросил Матвей. — Как раз, чтобы ты не захотела какать! 2—3 дня не захочешь точно, сама удивишься! Тем более, кушаешь как птичка.

— Не знаю, я каждый день какаю, всегда так было.

— После клизмы не захочешь, — заверил Матвей.

— А если захочу?

— Не захочешь, говорю! А если захочешь, можно будет снять пластыри.

— Ты потом не захочешь их снимать, даже если я захочу какать. Скажешь, что они дорогие и надо ходить с ними 3 дня, — запищала Вероника.

Матвей как раз подошёл к ней и подключил фен к розетке.

— Хотя бы 2 дня походи, и то будет хорошо. Но повторяюсь, какать ты точно не захочешь, не удивлюсь, если ещё 3—4 дня не захочешь, а то и неделю!

— Как не бывает! Я точно захочу раньше.

— С доктором спорить решила? — деловито спросил Матвей и предупредил: — Сейчас подует немного, но ты не пугайся. Думаю, тебе даже будет приятно.

В следующем мгновение он включил фен на холодный поток воздуха и начал дуть прямо на её анус.

— Ой, это что, фен? — с удивлением спросила Вероника.

— Фен-фен! У тебя тут влажненько. Хоть уже и протёр спиртом, всё равно влажненько. Надо просушить как следует, иначе пластырь не приклеится.

Стоило ему заговорить про пластырь, и она снова жалобно захныкала.

— Эхе… эхе…

— Что такое, больно что ли от фена? — заботливо поинтересовался Матвей.

— Нет, наоборот, приятно даже…

— А что тогда опять хнычешь?

— Просто я не хочу, чтобы ты клеил мне пластыри… опять эти пластыри.

— Моя капризулька! Ещё не привыкла к пластырю?

«Привыкай чесаться! Я теперь частенько буду заклеивать тебя перцовыми пластырями. Сегодня прямо по жопке получишь, прямо по больной дырочке! — язвительно подумал Матвей. — Мне даже интересно, как ты завизжишь от них потом». Он уже жадно предвкушал, как она будет мучиться от перцового пластыря. И снять его не сможет, потому что он не позволит. Она же ведь уже знает, что и чесание и жжение — это процесс исцеления. Так что он уверен, что она точно будет лежать и терпеть. «Ох, как ты у меня поёрзаешь в постели завтра! Я уже сейчас это с восторгом предвкушаю», — насмешливо подумал Матвей.

— Разве туда клеят пластыри… ты хочешь прямо в дырочку там заклеить? — спросила Вероника.

— Конечно, прямо в дырочку. Там же проблема, — деловито ответил Матвей.

— Это странно…. — протянула Вероника.

— Когда проблема серьёзная, клеят прямо туда.

— А у меня так всё серьёзно?

— Но ты же сама чувствуешь: болит, припухло. От пластыря будет дискомфорт, но зато припухлости быстро рассосутся, и сможем продолжить твоё лечение.

— Эхе-эхе… я не хочу…

— Чего ты там не хочешь? Чтобы припухлости исчезали? — язвительно спросил Матвей.

— Я не хочу продолжать это ужасное лечение… массаж и уколы… не хочу, — слезливо запищала Вероника.

— Успокойся. Так уж и быть, я рассмотрю вариант один раз в день, — деловито сказал Матвей. — Будем дольше лечиться, но зато тебе не будет так тяжело.

— Ладно, один раз в день, может, я как-нибудь ещё выдержу, — сдалась Вероника.

Матвей про себя сразу же захихикал. «Мм… кое-кто соглашается на дрочку один раз в день? А на какую дрочку? Полуторачасовую! Я думаю, можно будет сделать её двухчасовой, раз уж такое дело!»

— Вот и замечательно, — сказал Матвей, наконец-то выключив фен. — Вроде твоя дырочка уже подсохла.

— Эхе-эхе… — снова захныкала Вероника. — Я не хочу, чтобы ты клеил туда пластырь.

— Опять капризничаем? — игриво спросил Матвей. И в этот момент из своего ящика с инструментами он вытащил перцовый пластырь и жадно начал его открывать. «О, да! Сейчас получишь прямо в дырочку!»

— Я ведь объяснил, это обязательно нужно. Помучил я тебя, конечно, сегодня. Теперь нужно полечить.

«Ох, как ты поёрзаешь у меня от этого лечения! — язвительно подумал Матвей. — И завтра тоже. Завтра, наверное, ещё круче будет!» В этот момент он приложил пластырь к краю её ануса и начал приклеивать, продавливая пальцем её дырочку.

— А-а-а… — покрикивая, застонала Вероника. — Больно.

Её анус теперь болел даже просто от прикосновения. В основном так было из-за уколов, но и многочасовое насилие секс-игрушкой тоже повлияли.

— Ну, всё-всё, уже приклеил, — сказал Матвей с вероятно довольно улыбкой. На этот раз он взял самый большой пластырь из того, что у него было, 15 на 15, и он прикрыл даже её попку между ягодицами. О да, замечательно! — с восхищением подумал Матвей, поглаживая её промежность.

— Всё, развяжешь меня теперь? — спросила Вероника.

— Погоди, ещё нужно накладку прилепить, — сказал Матвей.

— А ты накладку тоже с пластырем приклеишь, что ли? — спросила Вероника.

— Именно так сделать и думал, — сказал Матвей. — А то тебе тяжело, наверное, в стрингах и в подгузниках?

— Ну да, тяжеловато, — согласилась Вероника.

— Значит, приклею пластырем. Единственное, смотри не теребни потом, а то пластырь вместе с накладкой отлетят, а такого допускать нельзя.

— Я понимаю, — жалобным голосочком протянула Вероника. Накладку он уже обмотал чистым бинтом, и одна была готова к повторному использованию. Он подготовил ещё один большой перцовый пластырь, приклеил на него накладку и только потом приложил всё это к её попке.

«Вот так вот, моя дорогая, теперь ты точно не снимешь эту штуку, будешь снова присаживаться на уголок!» — язвительно подумал Матвей. Его заводила сама мысль о том, что она будет вынуждена садиться на треугольную стопку, которая будет сдавливать её анус. «Вчера тоже сидела, потому что очень хотела гулять, и сегодня будет сидеть, и завтра тоже! Ты у меня сама гулять не захочешь,— язвительно подумал Матвей. — Больше лежать понравится попой кверху!»

— Вот и всё, теперь твоя попка будет отдыхать, — с ехидной улыбкой сказал Матвей, поглаживая её попку поверх пластыря. Второй пластырь накрыл её попку примерно на четверть. А также этот пластырь спускался вниз и чуточку прикрывал даже преддверие её влагалища. Матвей с восхищением погладил этот пластырь и накладку под ним.

«Теперь точно не выпадет, и не будет соблазна вытянуть, когда слишком больно», — язвительно подумал Матвей. Вчера у неё была возможность вытянуть накладку во время прогулки, но теперь она при всем желании не сможет, не осмелится, ведь для этого ей придётся снять пластырь.

— Сейчас наденем памперс и пойдём с тобой кушать, — деловито разъяснил Матвей. Он уже в этот момент отошёл к комоду за подгузником.

— А ты посмотришь, как там место анализа? — напомнила Вероника.

— Точно, чуть не забыл! — сказал Матвей и сразу же начал сдирать пластырь с места «анализа». Там у неё кожа уже была красная-красная, разъеденная пластырем. Матвей деловито потёр подбородок и задумался: «интересно, присобачить тебе ещё один пластырь или лучше не стоит?» С одной стороны, ему хотелось, чтобы она ещё помучилась с этим пластырем, но с другой понимал, что, возможно, и не стоит. Её кожа и так уже там сильно раздражённая.

Конечно, он может заставить её ходить в пластыре ещё, но потом восстанавливаться её кожа будет дольше, пятно от пластыря надолго останется. И он решил, что даст её коже немного передышку.

— Так-так-так, ну что сказать? — деловито прокомментировал Матвей.

— Скажи как есть, только не ври, — попросила Вероника. Матвей сразу же легонько ущипнул и в том месте, как будто бы что-то проверяя.

— Гноя пока нет.

— Ой, слава Богу! А то я переживала, вдруг как с подмышками будет.

«Конечно же будет как с подмышками! — язвительно подумал Матвей. — Я эту дырочку ещё разочек прочищу, но, пожалуй, не сегодня».

— Пока точно не могу сказать, но вот здесь ощущается лёгкая припухлость. Возможно, я ошибаюсь, возможно, нет нагноения, но мало ли…

— О, нет… если там загноится, это будет ужасно.

— Ну-ка давай отбрось дурные мысли, — деловито сказал Матвей, уже смачивая ватный диск спиртом. — Сейчас я протру и заклеим место анализа простым пластырем. Ты не переживай, от него чесаться не будет, но он тоже поможет восстановиться. Ранку пока нужно прикрывать, чтобы микробы не попадали.

— Хорошо, — протянула Вероника, а Матвей уже в следующее мгновение начал протирать её попку в том месте, где брал у неё анализ.

— Ой… о… — взволнованно простонала Вероника.

— Что такое? — игриво спросил Матвей.

— Ой, я просто боялась, что будет больно, но вроде ничего такого.

— Конечно ничего такого, почему тебе должно быть больно?

— В прошлый раз было так больно, когда ты брал анализ, — пискляво объяснила Вероника.

— Ну конечно, когда добрал анализ, было больно. А сейчас я не делаю ничего такого, просто аккуратненько протираю.

— Когда подмышки перевязывал, тоже было больно, — вспомнила Вероника.

— Я же гной вычищал, вот и было больно, — оправдался Матвей. — И повторюсь, сейчас нагноения нет, во всяком случае я не вижу ничего такого. Приклею обычный пластырь и посмотрим, что будет дальше. А чистка, она, конечно же, болезненная.

— Я не хочу никакую чистку…

— Она тебе и не нужна, так что успокойся.

В этот момент он отрезал довольно большой кусочек широкого пластыря и приклеил на место «анализа».

— Спасибо, что больше не стал приклеивать такой же регенерирующий пластырь. От него сильно чешется и жжётся. Всегда думается, что лучше без него, — сказала Вероника.

— Наоборот, без него хуже, но опять-таки бывают разные ситуации. Иногда регенерирующий пластырь просто не обязателен. И сейчас он не обязателен, поэтому я не стал клеить.

— Ладно, я поняла, но всё равно спасибо.

— Да не за что, не за что! — весело улыбаясь, сказал Матвей. Она чуточку его задержала. Он принёс подгузник, но надеть его не успел. Впрочем, начал делать это сейчас. Причём надевал, не снимая её саму с кушетки. Он уже приноровился делать это так, хотя было немного неудобно.

Вероника помалкивала, но тяжело дышала, никакого жжения от перцового пластыря пока ещё не ощущала.

— Сейчас принесу твоё кресло и посажу тебя, — сказал Матвей и отошёл в другой угол комнаты.

— Наверное, опять будет больно сидеть, — взволнованно предположила Вероника.

— Значит, не будешь слишком долго сидеть, — сразу же сказал Матвей.

— Не знаю, я уже залежалась. Хочу пойти покушать на кухню, как нормальный человек.

— Вот и правильно! Немножко в любом случае нужно будет сидеть, не всё время же лежать. Но если будет сильно больно, можешь лежать, не буду заставлять сидеть, — заботливо сказал Матвей.

— Хорошо, — вздыхаю согласилась Вероника.

— Сегодня-завтра, наверное, тебе будет больно садиться. Даже не буду врать, что не будет больно, — деловито сказал Матвей. В этот момент он уже схватил её кресло и катил в её сторону. Подошёл к ней и начал отцеплять её спинку от ремней.

— Ой… от таких слов мне только страшнее… — пожаловалась Вероника.

— Не переживай, я тебя аккуратно усажу, — обещал Матвей. И, конечно же, сейчас он был настроен притворяться максимально заботливым. Он поднял её тельце и в самом деле очень аккуратно, медленно начал усаживать её попой в инвалидное кресло. Сам при этом ехидно улыбался у неё за плечом.

«Да, милая, сейчас ты поймёшь, что лучше вообще не сидеть!» — язвительно подумал Матвей. Он сажал её медленно, чтобы показаться заботливым, а на самом деле он наслаждался этим моментом. Ему очень нравилось делать это медленно. Он даже не успел усадить её полноценно, и Вероника уже закричала, застонала:

— Ай… а… что-то я уже не хочу сидеть… больно. Не отпускай меня, не сажай, пожалуйста…

Она обеими руками крепко в него вцепилась, лишь бы только не сесть на попу. Накладка, которую он приклеил на её анус, сразу же начала сдавливать. А учитывая то, как её дырочка измучена, сегодня ей было особенно больно. Даже со здоровой попкой было бы больно садиться на такую накладку, а ведь он ей кучу уколов сделал и так долго насиловал игрушками. Сегодня ей было больно втройне. Тем более она вчера тоже сидела на этой накладке. Уже и вчера успела отдавить свой анус.

— А что делать будем? Нести тебя сразу в кроватку? — предложил Матвей. И это был большой соблазн. В эту минуту ей было так больно, что она была готова на что угодно, лишь бы это прекратилось. И так она уже намучилась сегодня и хотела только одного: чтобы там не болело.

— Да-да, отнеси меня в кроватку, — запищала Вероника.

— Ну, ладно, как скажешь, — сразу же согласился Матвей.

На самом деле он не особо хотел ужинать вместе с ней. Уже представил, как она будет сидеть рядом в своём инвалидном кресле, поглядывая на него с осуждением. «Лучше валяйся тут, попой кверху, мне это больше нравится!»— язвительно подумал Матвей.

Он довольно шустро отнёс её в постель и уложил попой кверху, как он любит это делать. Потом сразу же погладил её попку поверх памперса и совсем легонечко похлопал.

— Не переживай, завтра станет легче. Это сегодня сильно болит, потому что перемассировали.

— Эхе… эхе… — жалобно захныкала Вероника. — Так больно… и сидеть было больнее, чем вчера…

— Ну ладно тебе, успокойся. Обещаю, что завтра будет легче, — сказал Матвей. Он присел рядом на край кровати и теперь уже утешающе начал поглаживать её голову.

— Я хотела покушать. Я очень голодна, — похныкивая, сказала Вероника.

— Так давай я сюда всё принесу? И сок даже могу принести! — предложил Матвей.

— Хорошо, принеси, — сказала Вероника.

— Не грусти тут у меня, — сказал Матвей, а потом склонился и поцеловал её в лобик. Сейчас он казался ей очень заботливым, любящим. И, как обычно, она верила в его притворство.

Матвей ушёл из её комнаты, улыбаясь. «Вот оно как, оказывается! Необязательно впихивать в тебя огромного змея, чтобы заставить лежать, достаточно приложить к попке накладку, —с ухмылкой подумал Матвей. — Вот и замечательно! Лежи теперь попой к верху!»

А он всё голову ломал, как заставлять её побольше лежать. Потом имеется в виду, когда закончится курс лечения с клизмами. Он понимал, что не сможет каждый день заставлять её целыми днями лежать с длинной пробкой в попе, все-таки это вредно для кишечника. Он, конечно, думал, что ему всё равно, но как доктор задумывался о таких вещах. Профессия вынуждала. К тому же он ведь не хочет её убить.

«Я ещё собираюсь долго с тобой позабавиться!» — язвительно думал Матвей. Он вышел из её комнаты и прямиком направился на кухню. На этот раз подогрел ей еду и, в том числе, апельсиновый сок. Потом ещё положил на поднос дополнительно водички. Он уже знает, что она даже если пьёт сок, всё равно дополнительно нуждается в водичке. Сок для неё как сладенькое… как конфетка, которую обязательно нужно запить.

«Скоро ты снова убедишься в том, что я люблю тебя, даже о мелочах забочусь!» — язвительно подумал Матвей, складывая ей еду на поднос. И еду он подогрел не слишком сильно, поставил в микроволновку буквально на одну минуту. Всё как она любит. «Но сладенького не получишь!» — ухмыляясь, подумал Матвей.

В скором времени он всё это понёс Веронике. Вошёл в её комнату и сразу же заговорил милым голосом:

— Я всё принёс, дорогая. Давай, налетай!

Вероника лежала, уложив голову на бочок, а лицо прикрыла подушкой. Он подошёл и положил поднос на её прикроватную тумбочку. Сам присел рядом на край кровати и по обыкновению начал поглаживать её по головке. Аккуратно убрал подушку, чтобы увидеть её личико. Как он и думал, Вероника плакала. Всё её личико блестело, глаза были чуточку красные. Она зажмурилась, и из них снова потекли стремительные капельки свежих слёз.

— Эй, ну ты чего? — милым голосом произнёс Матвей. А сам уже ехидно улыбался, пользуясь моментом, что она не видит. Она не смотрела в его сторону. Прижималась щекой к матрасу и продолжала плакать, тихонечко-тихонечко похныкивая. И это был особенный момент. Она часто громко всхлипывала, а вот так по-тихому ещё не плакала.

— Ничего, я не хочу об этом говорить… — пропищала Вероника. И вот она снова продолжила тихо полакать, будто бы стараясь скрыть это от него.

Раньше её слёзы наоборот казались ему показухой, чтобы он пожалел её, а сейчас ситуация была обратная. Именно это делало её особенной. «Плачешь, потому что попку свою жалко? — язвительно подумал Матвей. — Наверное, думаешь, что я испортил её? И в самом деле испортил! Даже член вставить не давала, а я отъебал тебя как следует игрушками. О, да!»

Он восторгался тем, что заставил её плакать. Злостно думал всякое, и при этом продолжал утешающе поглаживать её по головке, сидел рядом. «Да, милая, поплачь. Можешь всю ночь плакать, но я всё равно не пожалею твою попку! Я теперь вообще не отстану от твоей попки!» — ухмылялся он в мыслях.

Матвей перегнулся, прильнул губами к её ушку, а потом прошептал ей:

— Всё с твоей попкой будет хорошо, обещаю тебе. Вот увидишь, уже завтра станет легче. Главное, пластырь и накладку не снимай.

И опять он ехидно улыбнулся, понимая, что Вероника верит ему. А ведь её попке наоборот будет больнее из-за пластыря, а накладка вообще будет сдавливать её анус. Если она начнёт сидеть с накладкой, набьёт себе синяк, и только сильнее усугубит положение. «Но ты ведь дурочка, всё равно будешь меня слушаться!» — ухмыляясь, подумал Матвей.

— Так болит… — слезливо пробубнила Вероника, не поднимая голову. Матвей уже насиделся с ней. Ещё разочек погладил её по головке и сказал:

— Не думай сейчас об этом. Давай-ка ты лучше покушаешь? Глядишь, потом и настроение поднимется. Я принёс тебе пюрешку с котлеткой, как ты любишь. Покушай, пока не остыло.

В этот момент он взял в руки поднос и начал класть его на кровать рядом с её личиком.

— Давай, приподнимись, чтобы я мог нормально подложить поднос.

Вероника всё ещё продолжала похныкивать, но послушалась его. Облокотилась на обе руки и чуточку приподнялась, а он подложил поднос.

— Вот и замечательно, кушай теперь, — сказал Матвей, в очередной раз погладив её по головке. — Оставь потом поднос на тумбе, я сам его завтра унесу. Уже поздно. Я, пожалуй, лягу спать.

На самом деле он не хотел спать, но больше не собирался с ней возиться. Главное, её попка в пластыре, а сама она в постели. Ещё и накормлена! Что ещё нужно?

— Хорошо. Спокойной ночи, — сказала Вероника.

Глава 99. Попытка сесть

Из-за того, что Матвей поспал после работы, он довольно долго не мог уснуть. Валялся до 3 часов ночи и только потом отрубился. Спал до 9:00 утра, пока его будильник не разбудил. Он всегда ставил будильник на 9, потому что на работу только к 10 часам. Нет никакого смысла вставать раньше, потому что за час он вполне успевает и позавтракать, и на работу доехать. На машине ему всего 15 минут езды до работы, очень и очень удобно.

Он лениво встал, умылся, а потом пошёл навестить Веронику. Открыл дверь её комнаты и сразу же обратился к ней игривым весёлым голосом:

— Как тут поживает моя любимая женушка?

Прежде чем заговорить, он даже не проверил, проснулась она или ещё спит. Как оказалось, она спала, но, услышав его голос и шарканье ног, сразу же начала шевелиться.

— Моя Соня! Ты ещё не проснулась? — сказал Матвей, уже поглаживая её голову. Вероника с закрытыми глазами облокотилась на одну руку и приподнялась. Тыльной стороной ладони второй рукой начала потирать свои глазки.

— Ой, а сколько сейчас времени?

На улице уже было светло, и солнечные лучи били прямо по её глазам. Эта комната была очень светлой: с двумя большими окнами в угловой стороне дома. Матвей изначально планировал сделать эту комнату своей, но так уж получилось, что теперь тут она ютится.

— 9 уже, милая, пора вставать, — весело сказал Матвей. Пока он её уложил, и пока она покушала, время было уже около двух, и поэтому она тоже уснула довольно поздно. А ведь она не спала с 7 до часу, как Матвей, и поэтому не выспалась. Поспала бы ещё, если бы он не зашёл и не разбудил. Но он специально зашёл, чтобы проведать её, а ещё хотел предложить покушать. Нужно же изобразить заботливого мужа! А то опять подумает, что бросил её. Даже не поинтересовался перед уходом, нужно ли ей что-нибудь.

— Мне уже на работу пора, вот зашёл спросить, принести тебе завтрак? Или ты поспишь ещё и сама потом как-нибудь до кухни дойдёшь?

— Ой, принеси, пожалуйста, — сразу же сказала Вероника.

— Я себе яичницу собираюсь пожарить, могу предложить тебе то же самое, или в холодильнике есть запеканка.

— А можно и того, и другого? — сразу же спросила Вероника. Он ведь не приносит ей сладкое, вредничает. Сказал, что вот она должна придерживаться диеты… и всякий раз, когда она просит какую-нибудь конфетку, он напоминает о том, что у неё прыщи, ей нельзя и прочее. Поэтому она теперь даже не пыталась просить у него сладкое, не была готова услышать очередной отказ. Запеканка, которую он ей предлагает, из серии готовых обедов, и она очень даже сладкая, вполне способна заменить конфетку.

— Не слишком ли жирно будет для этой попки? — спросил Матвей игривым голосом и легонечко похлопал её по попке поверх одеяла и памперса. — Кстати, попке полегче?

— Пока не знаю, — протянула Вероника и сразу же нахмурилась, стоило только вспомнить. И сразу же она чуточку напрягла свой анус, почувствовала пластырь и какие-то болезненные ощущения, припухлости. Её анус был сам не свой, а пластырь мешал её дырочке нормально сужаться. Но что самое неприятное, её дырочка уже начала чесаться.

— Надеюсь, на обед сходишь на кухню покушать или тебе побольше еды принести, чтобы до вечера протянуть? — заранее поинтересовался Матвей.

— Нет, я хочу встать… а ещё хотела бы прогуляться в саду, — тяжело вздыхая, сказала Вероника. Матвею, конечно, не очень понравилась идея, чтобы она гуляла в его отсутствие. Но, с другой стороны, у него не было причин запрещать ей прогулку. Вдруг опять начнёт думать,

что он ей не доверяет? К тому же Григорий её всё равно никуда не выпустит, в нём он не сомневался.

— Ну, смотри сама по самочувствию, — сказал Матвей и начал вставать. — Ладно, пойду я, побежал завтрак готовить, а то опоздаю.

— Спасибо, — с улыбкой протянула Вероника. И она радовалась тому, что он не заставляет её готовить для него завтрак. Понимает, что ей больно сидеть, заботится о ней и делает это сам. Раньше ведь заставлял, будил с утра пораньше и прогонял на кухню. Грубо кричал: «раз в постели не жена, хотя бы на кухне побудь ею». Но это было тогда, когда они ссорились и когда он ещё не лечил её. Ей казалось, что сейчас он гораздо добрее.

Матвею было не привыкать готовить ей завтрак. В последнее время он почти всегда держит её на привязи: то якобы исследует её продолжительно, то лечебные процедуры назначает. А сейчас её попка так сильно болит, что она даже присесть боится.

— Вот и замечательно, и дальше сиди в комнате, я и без тебя прекрасно приготовлю себе завтрак, — язвительно подумал Матвей.

Он поставил сковороду на самую большую конфорку и включил плиту, налил немножечко подсолнечного масла и пошёл за яйцами. Весь процесс жарки занимал не более 5 минут. Он принёс яйца и весьма шустро разбил пять штучек в сковороду. И в скором времени они уже начали поджариваться, трещать на масле.

Он всё делал стоя, легко и быстро, в отличие от Вероники. Она со своим положением тратила на жарку яичницы дольше времени. Сначала приносила яйца и разбивала их в отдельную миску. Била об стол, а миску всегда ставила на стул. За кухонным столом готовить она не могла, потому что он слишком высокий. И только разбив все яйца в отдельную миску, она могла перелить их в сковороду. И то ей приходилось тянуться, чтобы увидеть степень обжарки.

Матвей видел, как она готовит, и, конечно же, это выглядело жалко. Однако он не жалел её, но вспоминать это было тошно… когда она начинала готовить, он просто убегал из кухни. И сейчас вот жарил яичницу сам, но невольно вспомнил о том, как делала это она.

В скором времени яичница была готова. Он пожарил пять штучек: три для себя, а две для неё. Разложил по тарелкам, и её долю сразу же отнёс ей на тарелке с кусочком хлебушка и вилкой. Подноса не было. Он с прошлого раза остался в её комнате.

— Держи, пока не остыло, — сказал Матвей, положив в тарелку возле её личика.

— Ой, а запеканку не принёс? — сразу же спросила Вероника, — и мне бы попить ещё…

— Так ведь вот у тебя водичка осталась, — сказал Матвей и в этот момент всё-таки забрал поднос с её тумбочки. Воду протянул ей, и понял, что в бутылке действительно осталось очень мало воды, буквально на дне на два глоточка.

— Слушай, может, за водой и запеканкой попозже сама сходишь? Я просто опаздываю, — сказал Матвей, делая вид, что торопится. На самом деле он просто хотел заставить её слезть с постели. Хотел услышать, как она будет стонать, присаживаясь попой на ту накладку, которую он приклеил пластырем. И он точно знал, что она не решится снять эту накладку. Он ведь уже убедил её, что без накладки и садиться нельзя.

— Ну, пожалуйста… — протянула Вероника.

— Вот ведь ленивая задница! — шутя, отругал Матвей. — Ты же ещё гулять собиралась, а сама даже на кухню ленишься выйти!

— Не ленюсь, просто боюсь, вдруг не смогу? Вдруг будет слишком больно садиться?

— Кстати, о «садиться», чуть не забыл! Коляска-то твоя вон где! — вспомнил Матвей, взглянув на её инвалидное кресло, которое осталось на другой стороне комнаты. Он сразу же подошёл к креслу и начал толкать его поближе к её кровати.

Вероника так удивилась тому, что он сам об этом вспомнил, и обрадовалась. Раньше он всегда нарочно норовил оставить её кресло подальше от неё, а тут вдруг сам вспомнил и несёт ей кресло.

— Ты бы меня точно убила, если бы оно осталось там! — шутя, хихикнул Матвей.

— Спасибо, спасибо, что принёс его! А то я о нём совсем забыла! — вздыхая, сказала Вероника. Она не могла нарадоваться тому, что он вспомнил о её кресле. Уже представила, как бы сегодня мучилась в его отсутствие, если бы её кресло осталось далеко в углу комнаты.

— Хорошо, что я не такой забывчивый, а то бы ты опять весь день лежала и ждала меня! Так что вот теперь ты сама можешь выйти на кухню. И, кстати, выходи, если соберёшься. Где-то минут 10 я буду завтракать, так что можешь меня поймать, — весело сказал Матвей.

— Но ты ведь уже принёс мне завтрак, я, пожалуй, тут поем, — сказала Вероника.

— Ну, ладно, тогда кушай, а я побежал. Вчера ночью я так и не покушал, — поведал Матвей. — Было как-то невесело кушать одному, раз уж ты отказалась выходить со мной на кухню. Так что голоден до чёртиков!

И он нарочно так сказал, чтобы она думала, будто бы без неё ему скучно. А Вероника, как обычно, верила.

— Может, всё-таки успеешь до ухода хотя бы водички мне занести? — спросила Вероника ещё раз, несмотря на то, что Матвей уже отдалялся.

— Ну, ладно-ладно, принесу! — немного неохотно протянул Матвей. Но он был уверен, что она в любом случае встанет с постели, когда в следующий раз проголодается. Собирается же погулять ещё. Поэтому он не стал вредничать. Скушал свою яичницу, а потом взял бутылку воды и понёс ей. Но вот запеканку нести ей не стал.

«Обойдёшься! Если сильно захочешь, поднимешь попу и сходишь за ней сама, а я посмотрю, с каким лицом ты это будешь делать», — язвительно подумал Матвей. Он злобно улыбнулся и мечтательно потеребил подбородок, уже заранее предвкушал этот момент.

— Вот, дорогая, водичка тебе, а я побежал, — сказал Матвей, весьма шустро поставив бутылку с водой на тумбочку.

— Давай, хорошего тебе дня, — сказала Вероника, заставляя себя улыбаться.

Она больше не стала говорить о запеканке. Уже поняла, что он не хочет давать ей запеканку, и снова спрашивать было неловко. Если бы хотел, он бы её сразу принёс вместе с яичницей. Видимо, и запеканку он считает сладостью, вот и не хочет, чтобы она кушала её. Или же думает, раз она поела яичницу, запеканка уже лишняя.

Впрочем, Вероника и сама чувствовала, что запеканка действительно лишняя. Она уже доела свою яичницу с кусочком хлеба и, можно сказать, объелась. Запеканку хотела чисто для того, чтобы во рту стало вкусненько. Она черничная, как будто бы тортик.

«Ну ладно, сама за ней схожу! — немного нервно подумала Вероника. — И за конфетками тоже!» Она ещё не знала о том, что он спрятал все конфетки на верхнюю полку холодильника. Он так «залечил» её в последнее время, что у неё просто не было времени и возможности подойти к холодильнику.

В скором времени Матвей ушёл, и она осталась одна со своими мыслями и переживаниями. Захотела встать за сладеньким чуть ли не сразу, как только ушёл Матвей. Однако она понимала, что это плохая идея.

«Может, ты ещё даже не ушёл?» — думала Вероника. А ещё ей было страшно вставать. Она переживала, что её попке будет слишком больно.

Вероника решила никуда не спешить, она ведь уже наелась и водички вдоволь попила. Казалось, что лучше продолжать лежать. Вот она лежала и лежала, потом даже уснула, хотя не планировала больше спать. Ещё приблизительно 3 часа Вероника спала, проснулась около часу дня.

— Ох, ё-моё! — подумала она, вздыхая. Понимала, что вечером точно теперь не сможет уснуть, раз уж дрыхла полдня. Впрочем, ей же ведь не надо на работу. Стало быть, она может каждый день засыпать в любое время, когда только пожелает. Тем более она же ведь болеет,

ей простительно сбивать режим. Но в целом Вероника всегда старалась придерживаться нормального режима сна. Это помогало ей чувствовать себя нормальной, такой же, как все.

Вероника приподнялась, облокотившись на обе руки, и взглянула на своё кресло. Она ещё не была голодной, потому что покушала и сразу же уснула. По сути, её яичница особо не переварилась и продолжала её насыщать. Но она всё равно хотела сесть в свою коляску и прокатиться по дому. Мечтала погулять, если это не окажется слишком болезненным.

— Нет, ты всё равно должна погулять, — сказала она самой себе, вспоминая слова Матвея. Он ведь тоже говорил, что её попке всё равно немного нужна тренировка. Но также она вспомнила о том, как Матвей пытался вчера вечером посадить её в коляску, и как ей было больно…

— О нет, нет… — вздыхала Вероника. Она боялась, что и сегодня ей будет также ужасно больно. А вдруг она вообще не сможет присесть? Вчера он ещё придерживал её, а сейчас некому это делать. Ей придётся самой подняться и присесть в кресло, ещё её подмышки предательски болят. Они вроде бы в спокойном положении не болят, но если она напрягается, боль ощущается. Конечно, по сравнению с болью в попе это всё ерунда, однако из-за боли в подмышках ей будет тяжело удерживать свой вес, чтобы полноценно не присесть на свою попку. Вероника всё это понимала и поэтому долгое время не решалась присесть.

— Хотя бы тут попробуй присесть для начала, — сказала она сама себе. Но прежде чем попытаться присесть, ей хотелось пощупать себя. Конечно, Вероника понимала, что там нечего щупать: он же обклеил её дырочку пластырем, а потом дополнительно поверх этого пластыря приклеил накладку. Да ещё памперс на неё надел!

И всё равно Вероника отцепила липучки своего памперса и аккуратно подлезла внутрь рукой, начала щупать накладку. Под пластырем она ощущалась как мягкая штучка, но стоило поднажать сильнее, и было понятно, что изнутри накладка твёрдая. Настолько твёрдая, что не продавить. И Вероника понимала, что ей опять будет больно садиться, ведь накладка начнёт давить на её анус.

— Эхе… эхе… — захныкала Вероника, закрыв свои глазки. Но она не знала, что делать? Стоит или продолжать лежать? Но ей очень сильно хотелось прогуляться хотя бы до кухни. Ну, и на улицу тоже. А ещё ей хотелось ещё разочек пообщаться с охранником. Пусть он наговорил ей всякого в прошлый раз, но она нуждалась в общении. Опять надеялась непонятно на что…

Она, конечно же, не хотела сбегать от Матвея, теперь уже нет. Но у неё было странное чувство, что Григорий должен сказать ей нечто важное. Хотя, вроде бы уже и сказал, и подкатить к ней пытался, а потом сразу же глупо признался, что это просто так, чисто чтобы её мужа позлить. Вероника злилась на всё это. Ведь по сути, Григорий не мужа её позлил, а её саму.

Но этот странный разговор с Григорием в какой-то степени впечатлил её, внёс разнообразие в её мучительную жизнь. И, пожалуй, она хотела, чтобы он ещё как-то её впечатлил. Ей хотелось ещё пообщаться с ним. Возможно, ещё разочек поругаться, поспорив о чём-нибудь. Хотелось отвлечься от боли.

Вероника и сама не заметила, как стала думать об этом охраннике. Вчера она с ним не виделась, потому что Матвей мучил её до глубокой ночи, забыл о ней. Но зато сегодня никакого лечения, и вот она может выйти в сад. И сегодня они с Григорием могут спокойно пообщаться, не опасаясь, что Матвей подглядит. Во всяком случае, Вероника так думала.

— Ты должна встать с этой чёртовой постели, — сказала она сама себе. Потом застегнула памперс обратно и начала присаживаться. Сразу же нахмурилась, застонала:

— А… а…

Всё-таки ей было больно сидеть даже на этом мягком матрасе. Она даже полминуточки не посидела, сразу же со стоном завалилась обратно на бочок. Слезливо захныкала:

— Эхе… эхе… какой кошмар… это просто невозможно…

Ей казалось, что присесть просто невозможно. Накладка слишком сильно сдавливала её анус, а пластырь как будто даже усугублял её положение. Ей казалось, из-за пластыря её анус даже сильнее сдавливается. А ведь если подумать, должно быть наоборот.

— Эхе… эхе… — слезливо хныкала Вероника снова и снова.

Минут 10 она плакала, периодически поглаживая свою попку поверх памперса. Потом попила водички и постаралась успокоиться. Начала думать, что делать дальше? Но она не решалась ослушаться и вытянуть накладку, но так хотела это сделать… снова отстегнула памперс и подлезла внутрь, снова пощупала эту накладку.

— Всё из-за этой штуки, — думала Вероника. А ведь на самом деле так и было, и она это понимала. Чисто умом она также понимала, что не может быть в пользу такое сдавливание ануса каким-то инородным предметом. Однако он ведь сказал, что так надо. Внушил ей, что её шишка якобы раздуется ещё сильнее, если она будет сидеть без накладки.

И на этой почве она фантазировала всякие ужасы. Будто бы она ослушалась, и вот её кишки начали вылезать наружу. Как будто это произошло из-за уколов и из-за того, что она сидит, не придавливая анус этой накладкой.

Он, конечно, не сказал, что у неё кишки вылезут наружу. Сказал, что шишечка сильнее разбухнет, но она понимала это именно так. Думала, что уколы, которые он ей делал, могут провоцировать такое, если она будет сидеть без накладки. Поэтому Вероника боялась убирать накладку. Не делала этого не только из страха, что он её ругает. Просто боялась, что это навредит её здоровью. Но ей всё равно хотелось как-то смягчить боль…

Какое-то время поразмышляв, ей на ум пришла хорошая идея. А что, если подложить под попу подушку? Одна из её подушек как раз не очень большая. Недолго думая, Вероника положила эту подушку на своё инвалидное кресло и, вздыхая, подумала:

— Ну вот, так будет лучше. И ты встанешь с этой чёртовой постели! Всё равно встанешь!

Чтобы перебраться в инвалидное кресло, в любом случае нужно присесть. И Вероника понимала, что это неизбежно, и немножечко, ей в любом случае придётся посидеть чуточку на жёстком. Впрочем, она всё равно старалась не прикладываться попой полноценно на матрас. Кое-как присела частично бочком, а потом обеими руками схватилась за своё кресло и начала перебираться.

Она сначала садилась спиной к креслу, а потом обеими руками хваталась за рукояти и уже после втягивала своё тельце в кресло. Раньше ей было страшно это делать. Она даже неоднократно падала из-за того, что забывала ставить колёса инвалидного кресла на стопор. Было очень важно, чтобы колёса были неподвижны в тот момент, когда она самостоятельно взбирается в кресло. Иначе кресло может покатиться назад в тот момент, когда она пытается схватиться за рукояти или даже когда начинает пересаживаться. И это очень страшно. Однажды она так упала и сильно ударилась головой об своё уже кресло, об ступеньки. Неделю ходила с шишкой. Но теперь уже она всегда проверяет, чтобы колёса были зафиксированы. Это гарантия того, что кресло не покатится внезапно.

Несмотря на боль в подмышках, Вероника весьма шустро перебралась в своё кресло и аккуратно присела попой на подушку. Её попке всё равно было больно, но не настолько сильно, как, например, когда она присела на матрас.

— О… оу… — легонько простонала Вероника, тяжело вздыхая. И какое-то время она просто сидела, пытаясь привыкнуть. На подушке сидеть действительно оказалось не настолько больно. И это её порадовало. Она отдышалась, отпустила тормозной фиксатор и не спеша покатилась к выходу.

— Фух, не могу поверить! Неужели получилось? — вздыхая, думала Вероника. Для неё это стало огромной радостью, что она смогла самостоятельно сесть в своё кресло и выйти из комнаты. Раньше это было её обыденностью, ничем особенным, но теперь всё изменилось. С

тех пор как Матвей начал её лечить, она вообще самостоятельно не садилась в своё кресло. Уже который день он сам её катает.

Вероника начала понимать, что его лечение делает её фактически полностью немощной. И она не хотела, чтобы так было.

Вероника и понятия не имела, что Матвей всё это время наблюдал за ней. У него как раз был обеденный перерыв, — небольшой отдых перед следующей операцией. Да и в целом он частенько и до этого поглядывал, чтобы узнать, чем она там занимается. Очень хотел увидеть этот момент, когда она будет садиться в своё кресло. Фантазировал, что она вскрикнет и заплачет. Хотел увидеть её грустное, болезненное выражение лица, когда она сядет в кресло и попытается сдвинуться на нём.

— Ах, сейчас я посмотрю, как ты в нём сидишь! — язвительно думал Матвей. — Давай уже, садись! Садись!

Как обычно он мысленно с ней разговаривал и не ожидал, что Вероника сумеет схитрить. Он только чуточку насладился её стоном и плачем, когда она впервые присела прямо в постели, сидя на кровати. И вдруг — бац! Придумала, как ей облегчить свои страдания.

— Вот ведь чертовка! Я что, мало тебя ругал?

Он уже злился и возмущался. Мысленно думал, как бы поймать её на этой хитрости и при этом не рассказывать о том, что в доме установлены камеры видеонаблюдения?

— Так не пойдёт! Ты у меня будешь нормально сидеть. Или вообще не будешь сидеть.

Он злился снова и снова, но всё же продолжил и дальше за ней поглядывать. Ему было интересно, чем она займётся дальше?

Глава 100. Приключения по дому

Первым же делом Вероника направилась на кухню. Сначала попила водички из кружки, а потом покатилась к холодильнику. Ей уже не терпелось скушать чего-нибудь вкусненького. Она открыла дверцу холодильника и сразу же увидела запеканку, улыбнулась и вытащила её со словами:

— Иди ко мне скорее!

Она положила запеканку на свои колени и продолжила изучать содержимое холодильника. Конечно же, искала конфетки. Однако не увидела их. Не было не только батончиков «Сникерс», она вообще никаких конфет не увидела, даже трюфели и сосательные карамельки исчезли.

— Вот блин… ты что, спрятал их? — возмутилась Вероника. Она уже поняла, что он спрятал конфеты. Сначала подумала, что он убрал их с холодильника. Возможно, унёс куда-то, наверняка в свою комнату.

— Спрятал под подушку, чтобы только тебе досталось? — нервно, бешено подумала Вероника, но потом вспомнила, что Матвей любит кушать холодные конфеты.

Когда она только-только начала жить с ним, он хвастался, что всегда хранит конфеты только в холодильнике. Типа так они не портятся, будут как свеженькие даже через полгода, без белого налёта и прочих неприятностей. И вот она верно предположила, что он мог убрать конфеты на верхнюю полку холодильника. Не закрывая холодильник, она чуток отъехала примерно на 1 м в сторонку, а потом вытянула шею и взглянула наверх. Сразу же увидела коробку от «Сникерса» и ещё больше раздосадовала.

— Нет… вот ты жадина! Жадина, и всё тут!

Она нервно закрыла холодильник и с одной запеканкой направилась к столу. Других вариантов у неё не было, приходилось довольствоваться тем, что есть. Она взяла вилочку, открыла запеканку и принялась кушать, запивая водичкой. Она злилась, и поэтому запеканка оказалась не такой вкусной, как ей показалось в первый раз. Ей хотелось скушать «Сникерс» с молочком или шоколадным коктейлем. Коктейля не оказалось, но её устроило бы даже молочко. А вот запеканку кушать с молоком она уж точно не хотела. Молочное с молоком — такое себе сочетание…

Вероника нахмурилась и долго вздыхала из-за того, что не смогла полакомиться сладким. Прежде чем уйти из кухни, ещё разочек открыла холодильник и мечтательно посмотрела вверх. Мало того, что убрал на самую верхнюю полку, так ещё и задвинул поглубже, чтобы не было видно и чтобы она точно не смогла поддеть какой-нибудь палкой и стянуть коробочку. Уже сейчас у неё возникла такая мечта — поддеть лопаткой и стянуть. Она несколько раз порывалась попытаться так сделать, но гордость не позволяла.

— Жадина! — повторяла она снова и снова. — Ну и ешь сам! Жадина, говядина!

Она снова нервно закрыла холодильник, а потом в активном ритме начала крутить колёса своей коляски прочь от кухни.

— Лучше пойду черники покушаю. И тебе не соберу на этот раз!

А до этого у неё было в мыслях и Матвею собрать ягод. В прошлый раз ему понравилось кушать с сахаром из миски. Она думала его порадовать. Но раз уж он так поступил, спрятал конфеты от неё, у неё мигом отпала желание.

Конечно же, Матвей видел, как она вышла на кухню и что там делала. Как досадовала, открывая и закрывая холодильник, глядя на конфеты, которые лежат наверху в недосягаемости для неё.

— А вот тут-то не схитришь, хрен достанешь! — язвительно думал Матвей. — Конфеты больше не для тебя.

Дальше произошло то, чего Матвей не ожидал. Она вышла в гостиную и включила телевизор.

— Я так и знал, что ты снова попытаешься это сделать! — нервно подумал Матвей. Уже понял, что она не кино захотела посмотреть. Пытается снова, как в тот день, тайно залезть в браузер и пообщаться с тётенькой.

— Мало по попе получила? А вообще зря я тебя пожалел, надо было посадить в попу игрушку и заставить лежать, как лежала вчера.

А ведь он ещё собирался маску наложить на её лицо, чтобы глазки её закрыть, чтобы она только лежала и даже кино не могла посмотреть через свой планшетик.

— Вот и пожалел, называется, — ругал он самого себя.

Вероника тем временем уже включила телевизор на нужный канал и действительно попыталась залезть в браузер. И, конечно же, телевизор не мог подключиться к вай-фаю, пока не введён дополнительный пароль.

— Нет-нет, этого не может быть… — пробубнила она себе под нос, хмурясь и досадуя. — Ты что, пароль поставил? Специально, чтобы я не могла с тётей пообщаться?

Ей сразу же захотелось расплакаться. Она нервно сжала свои маленькие кулачки и сидела какое-то время, тяжело дыша. Она излилась и возмущалась, но понимала, что ничего поделать не может. Она не знает пароль от вай-фая. Матвей не говорит его, скрывает. Но даже если бы она знала пароль, он бы сменил его, чтобы она не смогла подключиться.

Вероника посидела какое-то время, похныкала, но потом решила прогуляться. Снова подумала, что лучше ей пойти и покушать черники, отвлечься от дурных мыслей. Немножечко она даже пожалела, что включила этот телевизор и попыталась снова связаться с тётей. Если бы она этого не сделала, хотя бы не знала бы о том, что он поставил пароль на вай-фай, не расстроилась бы так сильно…

Вероника снова почувствовала себя здесь пленницей, ей было горько от этого и даже немножечко страшно. Они же помирились. Почему он так себя ведёт? Этого Вероника не понимала. Но подумала, что нужно будет поговорить с ним об этом ещё раз. Она не могла оставить всё как есть и не собиралась мириться с тем, что он не разрешает ей общаться с близкими. Ни с кем не разрешает общаться! Это точно не нормально. Он что, ревнует? Всё ещё боится, что она его бросит? Вероника предпочитала думать так и не хотела подозревать его в дурном. Но в любом случае она решила поговорить с ним серьёзно сегодня же вечером, когда он вернётся домой.

Стараясь не думать о плохом, Вероника направилась к выходной двери. Всё-таки решила прогуляться и покушать голубики. Она знала, что сейчас Григорий вспорхнёт, подумает, что она ради него вышла. Когда она попросит его отвести её к голубике, он точно решит, что ей хочется тайно с ним поболтать. Немножечко она, конечно, хотела поболтать с ним, но поняла, что и голубики покушать хочет не меньше. Ей очень понравилась эта ягода.

Продолжая мысленно возмущаться, Вероника, наконец, подъехала ко входной двери. Раз уж Матвей устроил ей такую подлянку с конфетами и на вай-фай пароль поставил, она заподозрила его и в другой гнусности.

— Надеюсь, ты не запер меня тут?

Она сразу же начала с волнением крутить барашек замка и опустила ручку вниз, чтобы поскорее открыть дверь. И её сердечку сразу же стало легче: дверь открылась, и Вероника улыбнулась.

— О да, можно погулять, — радостно подумала Вероника. Она приоткрыла дверь, но вот в этом моменте её ждала сложность. Пересечь порог было затруднительно из-за неровности в полу. Его крутая металлическая дверь явно не предусматривала передвижение для инвалидов. Она и забыла, что до сегодняшнего дня всегда Матвей провожал её из дома и встречал тоже он. Она только к двери подъезжала, а дальше он забирал её. Но он так шустро заталкивал её

в дом вместе с коляской, что она даже не замечала эту сложность. Впрочем, вспоминала, что у двери он чуточку приподнимал её коляску и только потом продолжал путь дальше внутрь или обратно.

Без помощи Вероника боялась упасть. Её коляска была простенькая, без всякого подъёмного механизма. Вниз по невысоким бордюрчикам она ещё могла спускаться, но тут был именно подъём и спуск. Может, если бы у неё не болела сильно попка и подмышки, возможно, она бы ещё смогла преодолеть это препятствие. Как-нибудь вылезла бы, хватаясь за дверной проём, подпрыгивая и поднимая коляску. И то это был бы риск перевернуться. Вероника не стала даже пытаться, рукой толкнула дверь ещё сильнее и взглядом начала искать Григория.

— Ты должен мне помочь, это же сейчас твоя работа, — подумала Вероника. Тем более Матвей при ней попросил его, чтобы он во всём помогал ей, когда она выходит гулять. Однако она открыла дверь, а Григория там не увидела.

— Вот ведь блин, где же ты? — с досадой пробормотала Вероника. К сожалению, входная дверь не оставалась открытой. Она толкала её, а дверь сама обратно закрывалась. Веронике было бы проще, если бы хотя бы дверь оставалась открытой, чтобы она спокойно могла выискивать взглядом Григория. Она была уверена, что он где-то рядом, возможно, отошёл или сидит в своей будке.

— Но ты ведь всегда выходишь встречать нас, где же ты? — немного рассерженно подумала Вероника. Она какое-то время посидела, а потом начала стучать по двери и непосредственно обратилась к нему:

— Григорий, вы тут?

Никакого ответа, конечно же, не последовало. А ещё Григорий, наверное, где-то минут пять не выходил. Для неё это показалось продолжительным ожиданием, и она боялась, что он вообще не выйдет, но ошиблась. На самом деле Григорий был сильно занят. Именно в ту секунду, когда она решила выйти, он сидел в толчке. Но даже оттуда он наблюдал за ней.

Когда открывалась входная дверь их дома, к нему на телефон поступала некая сигнализация. Срабатывали датчики движения. Информировали его, что кто-то выходит и пора изобразить деятельность. Он обычно так и делал, но бывали такие вот ситуации, когда он не может выйти немедленно. Естественно, он не стал прерывать свою «тяжёлую деятельность» ради того, чтобы поскорее выйти к ней. К тому же она же не начальник, а только его капризная жена. Раз уж они не поладили, он называл её капризной.

— Ничего, подождёшь! — с ухмылкой подумал Григорий. А Вероника тем временем нервничала, снова и снова толкала дверь, которая так и норовила закрыться. Это выглядело забавно.

— Ну и упрямая же ты!

Впрочем, сильно задерживаться в толчке Григорий не стал. Справил нужду, вымыл руки и сразу же вышел к ней. Встал возле своей будки, глядя на неё, и улыбался. Однако вот подходить не спешил.

— Ну и что, позовёшь меня или нет? — думал Григорий. Ему даже было интересно. Вероника, конечно же, сразу же начала его звать. Но она больше не пыталась говорить с ним, только помахала рукой.

Он не стал вредничать и сразу же пошёл к ней. Улыбаясь, поприветствовал:

— Добрый день, Вероника Михайловна.

— Добрый день. Вы не могли бы помочь мне выйти? Что-то у меня никак не получается…

— Ну конечно, без проблем. Только Вы как-нибудь развернётесь что ли… — сразу же сказал Григорий, шевеля руками. Она сидела к нему передом. А ведь чтобы вывести её, ему нужно как-то ухватиться за кресло. Конечно, он мог бы пригнуться и приподнять кресло снизу и вытянуть его, но ему так не хотелось.

— Я попробую, — сказала Вероника, а потом сразу же откатилась немного назад, начала предпринимать попытки развернуться. Но это давалось ей с трудом. Прихожая была довольно широкая, но ей всё равно было сложно маневрировать в коляске, она боялась перенапрягаться. Стоило только не так дёрнуться, и её попке сразу же становилось больно, потому что она сильнее присаживалась. Даже на подушке сидеть ей было больно.

— А может быть, Вы зайдёте и поможете мне? — попросила Вероника. — Что-то не получается, сложно.

— Мне вообще-то не велено заходить в дом, — поведал Григорий.

— Ну, только в прихожую, — сказала Вероника.

— Матвей Николаевич будет недоволен.

— Вы же в тот день заходили в прихожую, когда заказ с едой привезли, — напомнила Вероника.

— Тогда Матвей Николаевич был дома и сам меня пригласил.

— Да Господи, что за бред? Он не будет против, если Вы мне поможете! Он же сам велел Вам помогать мне, — напомнила Вероника.

В этот момент Григорий посмотрел ей в глаза, чутка покосил голову и еле заметно отрицательно помотал головой. Как бы велел ей, чтобы она больше не настаивала.

— Вы же видите, что я не могу развернуться, так сложно помочь что ли?

Григорий замолчал, и это явно означало отказ.

— А Вы позвоните ему и спросите сами, можно Вам помочь мне выйти из дома или нет.

— Думаю, это будет неуместно, — деловито сказал Григорий. — Вы же можете отъехать чуть подальше и плавно развернуться. Потом я помогу Вам выйти.

Вероника нервно сжала губы и предосудительно помотала головой. Снова хотела сказать, что он ведёт себя глупо, но понимала, что спорить бесполезно. Тем более Матвей ведь и сам сказал, что запрещает Григорию заходить в дом. Мол, ему не нравится, что кто-то чужой шастает по дому. Но ведь в любом запрете должна быть мера. Что это такое, если охранник отказывается помогать ей, когда она в этом сильнее всего нуждается? И это при том, что он рядом, стоит и смотрит на её мучения. Она ведь тоже хозяйка, и своим неподчинением Григорий как бы показывает ей, что не признаёт её хозяйкой. И Веронику это задевало.

Она больше не стала спорить с ним, но разозлилась, занервничала. Даже не думая о боли, начала быстро крутить колёса своей коляски по направлению назад. Когда съехала с ковра, коляска ускорилась, и Вероника не заметила, как наехала на тумбочку, которая стояла при входе в прихожую. От этого удара её вздёрнуло вперёд. Из-за того, что Вероника сидела на подушке, она не смогла удержаться на своём кресле и вылетела прямо на пол.

— А-а-а… — закричала Вероника и зажмурилась от страха в момент падения. Больно ударилась одним коленом. Ещё бы и подбородком ударилась или даже носом, если бы вовремя не успела приложить ладони к полу.

Она сразу же отчаянно захныкала, а потом приподнялась, облокотившись на обе руки, и посмотрела на охранника. Григорий стоял у порога их дома и смотрел на неё через открытую дверь.

— Так и будете стоять и смотреть? Даже встать не поможете? — сердито спросила Вероника. — К вашему сведению, я не могу самостоятельно подняться на кресло с пола… уволить Вас на хрен надо! Вы должны помогать мне. Матвей велел Вам помогать мне.

Но в данный момент Григорий не помогал не из вредности. От произошедшего он был в некотором ступоре и в буквальном смысле потерял дар речи. Её падение впечатлило его и заставило задуматься о горестях людей, которые не могут ходить. Элементарно не могут выйти из дома. Небольшой удар, и вот она упала.

Ему было жалко её. Он задумался именно об этом и только поэтому не спешил ей на помощь. Но когда Вероника начала его ругать за то, что он отказывается помогать, он уже осо-

знал, что не прав. Даже сам подумал, что наверняка начальник и сам разозлится, если узнает, что в такой ситуации он не помог его жене.

Больше думать Григорий не стал, просто шагнул к ней и подошёл с готовностью помочь. Только вот не знал, с чего начать? Как именно поднять её? И немножечко растерялся…

— Ну, так как? Что мне делать? — спросил Григорий. Он схватил её со спины за подмышки и начал усаживать, но Вероника сразу же закричала:

— А… только не надо меня сажать… мне нельзя садиться на жёсткое! Положите вот это на кресло… вот, подушку…

Она уползла от него, а потом подобрала с пола подушку, на которой сидела.

— Хорошо, я Вас понял, — сказал Григорий, а потом забрал у неё подушку и положил на сиденье её инвалидного кресла.

— Вы можете поднять меня как-нибудь, не сажая на пол, пожалуйста? — попросила Вероника. В этот момент она лежала на полу на боку и голову не поднимала. Стыдилась.

— Думаю, да, смогу, — ответил Григорий. Он пригнулся и одной рукой обхватил её за спину, а другой схватил её за ножки чуть выше колен. Для него это был немного неловкий момент. Он переживал, что от Матвея ему потом достанется за такую помощь его жене. Но с другой стороны, если он не поможет ей, ему тоже может достаться. В некоторых ситуациях она явно не может обходиться без посторонней помощи. И сейчас был как раз именно такой момент.

В скором времени Григорий поднял её на руки и начал аккуратно усаживать на кресло.

— О… оу… — простонала Вероника, стараясь делать это как можно тише. Но её попке сразу же стало больно, как только она присела.

«Опять он с ней что-то сделал», — подумал Григорий. Он уже не сомневался в том, что муж подвергает её какому-то странному лечению. Ему ещё сильнее захотелось выяснить, что тут происходит.

Стоило ему только усадить Веронику, как вдруг его телефон зазвонил. «Вот и помяни чёрта!» — нервно подумал Григорий. Он не был прямо сейчас готов оправдываться. Но с другой стороны понимал, что лучше сразу.

— Алло, здравствуйте, Матвей Николаевич, — сразу же сказал Григорий, как только поднял трубку.

— Всегда помогай ей, когда она просит, — немного сердито сказал Матвей. — Что ты там стоял и смотрел?

— Простите, Матвей Николаевич, я как-то не подумал. Вы вроде велели мне не заходить в дом.

— Да когда это было? 100 лет назад, когда я ещё даже жениться не собирался? — возмутился Матвей. — Сейчас другая ситуация. Ты же видишь, она нуждается в помощи. Я ведь уже сказал: всегда ей помогай. Теперь это часть твоих обязанностей. Если надо, в дом тоже заходи.

Григорий давно мечтал это услышать: разрешение войти в дом.

— Я Вас понял, Матвей Николаевич, — деловито сказал Григорий.

— Вот и отлично. Тогда и дальше помогай ей, а мне надо на работу, — деловито сказал Матвей. Именно как раз в эту секунду к нему подошла, похоже, медсестра и сказала:

— Матвей Николаевич, пациентка готова. Можем начинать.

И это означало, что он на операции.

— Минуточку, я иду, — ответил Матвей.

Он и понятия не имел, что это как-то повлияет на что-то. Даже не думал, что Григорий слышит, как он дополнительно разговаривает с персоналом. Но Григорий как раз-таки слышал. Причём жадно слушал, навострив свои уши. Он не разговаривал по громкой связи, но даже Вероника слышала часть их разговоров. А именно, как Матвей ругал его и велел помогать. Она сразу же обрадовалась и улыбнулась. Ну, и в общем-то, Матвей рассчитывал на такой эффект.

Только поэтому позвонил. Хотел в очередной раз показать, что заботится о ней и любит её. Она тоже разозлилась на охранника за то, что тот не помог ей. И ему захотелось поддержать её.

— Я Вас понял, Матвей Николаевич, — деловито повторил Григорий.

— Ну, иди, помогай, помогай ей! Что на трубке висишь? Мне пора на операцию, — с очередным возмущением сказал Матвей и сам положил трубку. Григорий сразу же улыбнулся краем губы, но Вероника не поняла, к чему это он. Однако высокомерно сказала:

— Ну что, убедились в том, что в ваши обязанности входит помогать мне?

Её язвительность немного разозлила Григория, но он не стал подавать виду. Притворился, что всё нормально.

— Я не против помогать Вам, Вероника Михайловна, наоборот, даже буду рад.

В этот момент он уже начал аккуратно толкать её коляску к выходу.

— Ага, теперь ещё подлизываетесь. Замечательно! Из-за Вас я упала. Если бы сразу зашли и помогли, ничего такого не случилось бы!

— Прошу прощения. Я просто пытался следовать инструкции.

— Каким инструкциям? Запрет шагнуть за порог? — язвительно сказала Вероника. — Можно подумать, я Вас в спальню пригласила… бредовая отговорка! Чисто отговорка, что бы не помогать.

— Давайте мы просто забудем об этом недоразумении? — предложил Григорий. Он не хотел с ней ругаться, да и не мог в целом, ведь камера пока что ещё включена, и он обязан держать себя в рамках. «Но это ненадолго, — злорадно подумал Григорий. — Я знаю, что прямо сейчас ты не смотришь, тебя только что пригласили на операцию!»

Глава 101. Угроза

Он вывел её на крыльцо вместе с коляской, потом вытащил свой смартфон и начал что-то в нём делать. Вероника подумала, что ему пришло сообщение, и он решил внезапно пообщаться. И она опять разозлилась.

— Вы что себе позволяете? Вы меня ещё даже по ступенькам не спустили, а уже прилипли к смартфону! Вы просто отвратительный служащий, одно только неуважение.

Она была редко возмущена и уже не надеялась на то, что он поможет ей гулять сегодня. Была готова сама катать дальше коляску, но рассчитывала, что он хотя бы поможет ей спуститься по ступенькам. Спускаться она могла и сама, но конкретно сейчас принципиально ждала от него помощи. Ну что ему стоило спустить её? Он ведь здесь сейчас. Если бы он залип на свой смартфон, спустив её, она бы не стала возмущаться, причин бы не было. А он оставил её на крыльце и занимается своими делами, игнорирует.

— Минутку, Вероника Михайловна, это очень важно, — деловито сказал Григорий. — Я обязательно Вам во всём помогу, не нервничайте, пожалуйста.

— Ну, так помогайте!

Григорий уже сделал то, что хотел: на время заморозил абсолютно все камеры. На всякий случай, если вдруг её дотошный муж отвлечётся от операции и решит ещё раз взглянуть на жёнушку. Камеры сейчас ничего не снимали. Но если бы Матвей проверил, он бы увидел имитацию видеосъёмки. На всякий случай Григорий перестраховался и сделал такие настройки.

Григорий всегда знал, что Матвей озабоченно следит за ситуацией в доме, когда уходит. И вот сегодня в очередной раз он убедился в этом. Однако Григорий сам слышал, как его позвали на операцию, и это значит, у него точно есть как минимум 40 минут или даже час. Он понимал, что это риск отключать камеры везде и прокрадываться в дом, но ему хотелось это сделать. Не верил он в историю, что Аня просто сбежала, и не мог это так оставить.

— Я помогу тебе, а ты мне поможешь? — игриво спросил Григорий, неожиданно положив руки на её плечи, легонько начал поглаживать массирующими движениями. Веронику сразу же бросило в жар от волнения, и она уже поняла, что он отключил камеры.

— Ты опять это сделал? Ты даже здесь можешь их отключать? — с удивлением спросила Вероника и сразу же откинула голову назад и чуточку повернулась своим тельцем, чтобы взглянуть на него. Вместе с коляской развернуться она не могла так быстро. Григорий хитро улыбался.

— Могу отключать их в любой момент и в любом месте, — горделиво сообщил Григорий. Он уже давно вшил специальную программу, чтобы с лёгкостью вытворять такое. Матвей об этом даже и не догадывается, ведь он стандартный пользователь системы. Матвей изначально вообще ничего не смыслил в видеосъёмке. Это Григорий научил его. Сам настроил для него все камеры, во всяком случае, уличные. А вот внутри Матвей уже сам баловался. Установил кучу скрытых камер, наняв для этого целую бригаду рабочих. По сути, Григорий даже не знал, где и в скольких местах там они понатыканы. Сегодня собирался выяснить.

Сначала Вероника обрадовалась, когда он казал, что отключил видеозапись. На мгновение даже забыла о том, что ещё недавно ругала его.

— Ничего себе, здорово! — радостно сказала Вероника.

— Убедилась теперь, что он везде всё снимает и следит за каждым твоим шагом даже внутри дома?

Как только Вероника об этом подумала, её сразу же бросило в жар от волнения. А ведь если Матвей действительно следит за ней через камеры видеонаблюдения, это же катастрофа. Это означает, что он видел, как она сегодня нервно открывала и закрывала холодильник, когда узнала, что конфеты наверху. Ей уже заранее было стыдно за такое поведение.

— Он позвонил тебе, как только ты грохнулась, и отругал меня за то, что не помогаю.

— И правильно сделал, что отругал! И по делом тебе! — высокомерно сказала Вероника. Она всё ещё злилась на него за то, что он не помог ей, и из-за этого она упала.

— Да брось, притворство налицо! Просто перед тобой выделывался, изображая заботливого муженька. А если бы я вошёл без его разрешения, он бы в любом случае начал на меня наезжать. Я то уж знаю! — объяснил Григорий. — Поверь мне, я давно его знаю. Но раз он сам разрешил войти — другое дело! Могу заглядывать к тебе.

И в этот момент он неожиданно схватил её коляску и начал разворачивать. Начал обратно толкать её в дом.

— Нет, что-то делаешь. Я хотела погулять, — нажала бы сказала Вероника.

— Гулять потом будешь, у нас сейчас более важные дела.

— Что значит у нас? Что ты задумал? — возмутилась Вероника.

— Прямо сейчас он на операции. Я сам слышал, как его позвала медсестра.

— Ну конечно, он же врач, он там каждый день делает операции.

— Но не каждый день мы знаем, в какую именно минуту он делает операцию и не следит за домом. Нет, конечно, я всё равно рискую, но я не готов и дальше тихо наблюдать со стороны. Я должен знать точно…

Он завёл её вместе с коляской в середину гостиной и начал оглядываться. Искал компьютер или ноутбук, но ничего похожего не увидел.

— Точно, он, наверное, в его кабинете… — вслух размышляя, сказал Григорий, а потом быстрыми шагами направился в кабинет Матвея.

— Ты что делаешь? А ну прекрати шастать по дому! — возмутилась Вероника. — Именно этого он и боялся, поэтому не пускал тебя.

Вероника беспокойно последовала за ним. Ей очень не нравилось то, что происходит. Считай, ворвался и делает, что хочет.

— Я сейчас очень рискую, и ты должна мне помочь, — деловито сказал Григорий. — Точно, он здесь… компьютер здесь!

Он торопливо подошёл к столу Матвея и попытался включить компьютер. Однако блок питания был отключён от сети. Но Григорий всё равно был уверен, что основная система контроля за камерами закачана сюда. Камеры могут работать и при выключенном компьютере, у них там своя система, а готовую запись они потом передают по вай-фаю непосредственно в сеть.

— Я понимаю, что ты отключил камеры, но это не даёт тебе право так врываться и делать всё, что тебе заблагорассудится, — сердито сказала Вероника, аккуратно заезжая в своей коляске в кабинет мужа. Она уже давно тут не была.

— Я не отключил здесь камеры, — поведал Григорий.

— В смысле? Камера где-то здесь, и даже в этой комнате? И они снимают нас? — взволнованно спросила Вероника. Сама уже жадно оглядывалась, пытаясь увидеть, где они скрыты.

— Да, камеры во всём доме не отключены, и прямо сейчас снимают всё, что происходит, — разъяснил Григорий.

— Как?! Почему ты обманул меня? — возмутилась Вероника. — Теперь он подумает, что я твоя сообщница, а это не так! Живо проваливай из нашего дома!

Её бросило в жар от волнения. Раз уж камеры не отключены, стало быть, Матвей сможет просмотреть эти записи. Будет слушать, как она общается с охранником. А ведь минуту назад она разговаривала с ним как с другом.

— Чтобы отключить камеры, я должен проникнуть в систему. Я ведь уже объяснял: здесь установлена отдельная система, к которой у меня нет доступа.

— Я сказала: уходи, ничего не надо отключать.

— Если не отключу, он узнает, что мы с тобой любовники, — игриво сказал Григорий нарочно, чтобы разозлить её. Вероника сразу же возмутилась:

— Что?! Это неправда! Зачем ты так сказал? Даже близко неправда.

— А чего ты тогда неожиданно начала играть на камеру, стоило только узнать, что они снимают?

— Вначале ты сказал, что они отключены, а теперь я узнаю, что нет! — жалобно напомнила Вероника.

— В саду отключены, точнее сказать, заморожены.

— Это как понять «заморожены»? — спросила Вероника.

— Он думает, что ты сейчас прогуливаешься по саду. Ну, короче, поставил подменную запись. Он думает, что ты гуляешь, но это старая запись твоей прогулки.

— Ты не сказал мне, что в доме камеры продолжают снимать. И ты обратно привёл меня сюда! Теперь он точно решит, что мы — сообщники, но это не так. Ты должен сказать, что это не так.

— Хватит играть на камеру, — с возмущением повторил Григорий. — Надеешься, что он подслушивает всё это и встанет на твою сторону?

— Но он подслушает.

— Мы сотрём эти записи, если мне удастся проникнуть в систему, — объяснил Григорий. В этот момент он уже понял, где нужно воткнуть розетку, чтобы всё заработало. И вот он нажал на кнопку «Пуск» в компьютере Матвея.

— А если не удастся проникнуть? Тогда всё, мне конец!

— Конец, говоришь? Значит, и сама думаешь, что он тебя прихлопнет, — язвительно подметил Григорий.

— Я хотела сказать, что конец нашему браку, — пояснила Вероника. — Он не простит меня, если решит, что я ему с тобой изменяла, но это неправда! Зачем ты сказал, что мы любовники? Это неправда!

Она говорила всё с большим возмущением, даже в некоторой истерике.

— Чтобы ты не расслаблялась, — хихикнул Григорий, а потом неожиданно нервно хлопнул ладошкой по столу. — Чёрт, запаролено!

Система как раз запустилась, однако сам компьютер был защищён паролем, и операционная система не загружалась.

— Надеюсь, всё получится, — комментировал Григорий вслух, а потом вытащил из кармана какую-то флешку и вставил в компьютер Матвея.

— Ты что делаешь? — спросила Вероника.

— Пытаюсь взломать, ясен перец!

— Ты даже в компьютер не можешь войти, у него стоит пароль! — с некоторым восторгом сказала Вероника и подъехала к нему ближе. Григорий сразу же поднял голову, взглянул на неё и возмутился:

— Ты чего это? Радуешься? Сама же сказала, что тебе конец, если он подслушивает эти разговоры. Так что ты должна молиться, чтобы у меня всё получилось.

— А может быть, я не хочу, чтобы у тебя получилось?

— Сбрендила, что ли? Если хочешь, чтобы отношения с твоим мужем продолжали идти гладко, у меня должно всё получиться.

— Нет здесь твоей Ани! Ты что вообще нафантазировал? Надеешься увидеть в скрытых записях Матвея, как он её убивает? — язвительно спросила Вероника.

Григорий неожиданно хихикнул и хлопнул ладошкой по столу.

— Так вот, значит? Решила выдать меня, нас с Анькой? — сердито спросил Григорий. Он возмутился тому, что Вероника заговорила про то, что он был любовником Ани. Тоже допускал вероятность, что возможно Матвей прямо сейчас подслушивает за ними. А ведь такое

возможно, если по какой-либо причине его подменили на операции или если у него появилась свободная минутка…

— Точно, а Матвей ведь не знает, что ты отбил его бывшую девушку! — язвительно сказала Вероника. — Между прочим, Матвей любил её и очень переживал из-за того, что она так с ним поступила. Она ему только про мужа-уголовника рассказала, а ведь она ещё и с тобой изменяла! А Матвей тебе ещё платил… до сих пор работаешь тут охранником, а сам так с ним поступил!

— Хватит играть на камеру, — сердито произнес Григорий и в очередной раз хлопнул по столу.

— Ты сейчас стекло разобьёшь, так что поосторожнее, — язвительно сказала Вероника.

— Мы сотрём эти записи, и он ни о чём не узнает. Или ты намерена рассказать ему всё сама? — спросила Григорий. — И если так, я даже стараться не буду ничего взламывать, пойду лучше дом обыскивать как следует.

И тут Вероника всерьёз задумалась. Действительно, она ведёт себя так, как будто не хочет, чтобы он смог взломать систему и стереть эти записи. Но ведь на самом деле она просто злилась за то, что Григорий ведёт себя так бесцеремонно. И продолжала злиться за то, что из-за него она упала. Это было страшно и больно, у неё до сих пор колено побаливало. Но, задумавшись обо всём всерьёз, она понимала, что хочет, чтобы эти записи были стёрты. А раз уж она этого хочет, стало быть, она настоящая сообщница Григория, и это очень нехорошо.

— А если ты сможешь взломать пароль от компьютера, ты взломаешь и систему камер видеонаблюдения? — поинтересовалась Вероника.

— Ну, само собой! И вообще, я думал, что получится без хлопот. И кто вообще ставит пароль на домашний комп?

— А он вот ставит! У него всё запаролено, даже вай-фай, — пожаловалась Вероника.

— Вай-фай не проблема. И вообще, я знаю пароль от вай-фая, — поведал Григорий. А вот это Веронике уже было очень интересно.

— Знаешь пароль? А ты скажешь мне его?

— А ты будто не знаешь!

Вероника нахмурилась и стыдливо опустила голову, неохотно призналась:

— Ну, не знаю… он не разрешают мне общаться с тётей. И вообще ни с кем не разрешает общаться, поэтому не даёт пароль. И мой телефон нарочно разбил…

Григорий неожиданно расслабленно откинулся на компьютерном кресле и хихикнул:

— Хорошо вы помирились! Так вот, значит, дела обстоят.

— Это не смешно! — возмутилась Вероника. — Но мы помирились, это правда.

— Ну-ну!— язвительно произнёс Григорий.

— Он говорит, что пока ещё недостаточно мне доверяет и поэтому не хочет, чтобы я общалась с тётей, — объяснила Вероника. — Но то, что он скрывает пароль от вай-фая, не доказывает, что мы в ссоре. У нас с ним всё хорошо.

— А забавно, что ты это повторяешь, — сказал Григорий, а потом взглянул на монитор, пощёлкал по клавиатуре и снова с возмущением хлопнул ладошкой по столу: — вот чёрт, опять ничего!

— Не знаешь, случайно, насколько у него длинный пароль? — спросил Григорий. Для того, чтобы взломать пароль, ему нужно было для начала узнать, сколько в нём символов.

— Я знаю пароль, — неожиданно поведала Вероника.

— Что?! Ты знаешь пароль и всё это время молчала? — возмутился Григорий.

— Ну ты и не спрашивал! — подметила Вероника. Однажды Матвей показывал ей свои фотографии с этого компьютера. Это давно было, когда они ещё только поженились и не успели поссориться. Матвей пытался изобразить хорошего мужа. А ещё он очень хотел, чтобы она чувствовала себя здесь хозяйкой. Даже сказал, что теперь его компьютер — это её компьютер,

и она может заходить сюда и смотреть фильмы, если захочет. И, конечно же, он сказал ей пароль от компьютера. На тот момент вай-фай здесь подключался автоматически, но когда они поссорились, Матвей изменил настройки. Теперь, чтобы подключиться к сети, нужно было вводить пароль. Собственно, поэтому она и не заходила сюда с тех пор, как они поссорились.

Григорий встал с компьютерного кресла, отодвинул его в сторонку и начал Веронику притягивать на своё место.

— Живо, введи пароль, — требовательно сказал Григорий.

— Да неужели? Прям живо? — съехидничала Вероника. Она ухмыльнулась, а потом откинула голову назад и посмотрела на Григория. Он стоял рядом и явно не ждал, что она начнёт характер свой показывать. Он сразу же рассердился и в очередной раз хлопнул ладошкой по столу, потом закричал:

— Введи пароль, я сказал!

— А… перестань. Ты меня пугаешь.

— Ещё и не так напугаю, если сейчас же не введёшь пароль, — сердито сказал Григорий.

— Может, я не хочу быть твоей соучастницей?

— Ты уже моя соучастница! — сказал Григорий, а потом неожиданно схватил её за волосы, заставил откинуть голову назад и поцеловал в губы. Вероника почувствовала, как он пытается проникнуть языком в её ротик, и ей сразу же стало противно.

— М-м-м… — громко замычала Вероника, начала дёргаться и пыталась отвернуться. Но Григорий не отступал и какое-то время продолжал прикладываться своими губами к её губам. Она не отвечала на поцелуй, но он всё равно не отрывался от её губ. Вероника продолжала мычать и дёргаться, и в конце-то концов ему это надоело. Он сдался и позволил ей вздёрнуться в сторонку.

— Мерзавец! — вскрикнула Вероника, тыльной стороной ладони протирая свои губы. — Думаешь, Матвей увидит, как ты насильно меня целуешь, и сразу же решит, что мы с тобой любовники?

Григорий усмехнулся:

— Думаю, именно так и решит!

— Тьфу, ты отвратительный… ты мне даже не нравишься. Я бы с тобой никогда не переспала, — высокомерно сказала Вероника.

— Опять играешь на камеру? — язвительно подметил Григорий. И он точно знал, что она говорит всё это, пытаясь оправдываться перед мужем. Уже представляет, что Матвей просматривает эти записи. Однако Григорий был твёрдо настроен стереть все эти записи. Он ведь может это сделать, нужно только получить доступ к этому компьютеру.

— Он не дурак. Он поймёт правду и не поверит в эту чушь, будто бы мы с тобой любовники. Какие мы с тобой любовники? Мы знакомы от силы месяц! И зачем мне связываться с тобой, с охранником, когда у меня такой классный муж?

В этот момент она высокомерно посмотрела на Григория, даже будто немного презрительно оглядев его с ног до головы. Григорий снова разозлился. Он в очередной раз схватил её за волосы и лицом начал насильно приближать к экрану монитора.

— Хватит игр, введи пароль, — потребовал Григорий.

— А… перестань. Ты не можешь меня заставить, — возмутилась Вероника. — Даже если заставишь ввести этот пароль, молчать всё равно не заставишь!

— А тебя ещё и заставлять нужно? — громко спросил Григорий. — Он тебя по головке не погладит за то, что сдружились со мной.

— Я не сдружилась с тобой! — возразила Вероника.

— Да неужели? У меня много записей с нашими весёленькими разговорами, — поведал Григорий.

— Что?! — чуть ли не в ужасе переспросила Вероника.

— Что слышала!

— Ты же сказал, что отключаешь камеру, чтобы мы могли разговаривать с тобой.

— Я отключал их от его системы, но запись всё равно велась, — объяснил Григорий. — Все эти записи хранятся у меня в запасном тайном сервере. Твой об этом не знает, но у меня много таких тайных записей, и не только с тобой! А если будет нужно, я могу их просматривать, ему могу что-то показать.

Сначала Вероника занервничала, но потом заставила себя успокоиться, высокомерно спросила:

— И что же ты ему покажешь? Как ты предлагал мне секс в сарае? Ни с того ни с сего, как полный придурок-извращенец?

Сейчас Григорий точно не хотел это обсуждать, время поджимало. Он снова схватил её за волосы и в очередной раз толкнул к монитору. На этот раз толкнул ещё ниже, прямо приложил её лицом на клавиатуру.

— Вводи пароль, я сказал! Сейчас не время для глупых споров. Если хочешь полялякать, потом с тобой сколько угодно полялякаем!

— Перестань… я не хочу с тобой лялякать! И вообще дело не в этом.

— А в чём же тогда? — спросил Григорий и сразу же требовательно повторил: — вводи пароль.

Ему не было интересно, что она там собирается сказать. Самое главное, чтобы ввела пароль и чтобы он как можно скорее стёр эти компрометирующие записи, пока там у Матвея не закончилась операция.

— Это тоже предательство… я не хочу предавать своего мужа, — взволнованно сказала Вероника. — Конечно, вначале было весело общаться с тобой в саду, тайно ото всех, но это было только общение. И это ты играешь на камеру. Пытаешься доказать ему, что якобы я изменяла… раз общаюсь с тобой как с другом, значит, уже изменяла? Это неправда!

Григорий нервничал, потому что боялся, что не успеет войти в систему и удалить лишние записи до того, как Матвей освободится. Григорий понимал, если Матвей сейчас вдруг решит взглянуть на то, чем занимается его жёнушка, всё, пиши пропало. Он увидит их здесь и сейчас, и чем они тут занимаются, какой жаркий спор ведут. Григорий переживал не только из-за того, что потеряет свою работу. Все его помыслы будут раскрыты.

— Ну всё, мне это надоело! — сказал Григорий, а потом неожиданно снова схватил её за волосы и заставил откинуть голову назад. Другой рукой вытащил из кармана складной нож и приложил к её горлу.

— А… что ты делаешь? — ужаснулась Вероника и сразу же от страха затаила дыхание. Чувствовала, как лезвие легонько царапает её кожу.

— Шуточки закончились, и разговорчики тоже, вводи пароль.

— Скажи, что ты это несерьёзно? — в ужасе спросила Вероника. — Я бы и так дала тебе пароль…

От страха она зажмурилась и боялась пошевелиться. Не могла поверить тому, что всё это происходит. Как это он угрожает ей ножом? А ведь она думала, что он хороший…

— Я думала, ты хороший, — слезливо повторила Вероника свои мысли.

— Так давай пароль, раз и так дала бы! Что тянешь время? — сердито сказал Григорий. Он сразу же убрал нож от её шеи и даже сложил его и шустро засунул обратно в карман. Её голову снова склонил к компьютеру.

— Эхе… эхе… — слезливо захныкала Вероника и обеими руками потянулась к клавиатуре с намерениями ввести пароль. Теперь уже она боялась Григория и не могла вести себя с ним точно также бесцеремонно, как делала недавно. Она теперь уже даже разговаривать с ним боялась. Молча ввела пароль, а потом откатилась на своём кресле в сторонку.

— Да, молодец, получилось! — с восторгом сказал Григорий, похвалил её и похлопал по темечку. Он уже встал перед монитором, так как она отъехала. Начал щёлкать клавиатурой и что-то вытворял там в компьютере, открывал какие-то окна.

Глава 102. Разговор с Григорием

Пока Григорий был занят и пытался войти в систему видеонаблюдения, Вероника плавно отдалялась. Она до жути испугалась и мечтала убежать от него. Григорий будто бы её не замечал, не смотрел на неё, ничего не говорил вплоть до того момента, пока она не пересекла полкомнаты. Только потом поднял голову и неожиданно спросил:

— Куда собралась?

— Ты ведь уже получил, что хотел. Отпусти меня.

— Так куда собралась? — деловито переспросил Григорий.

— Отпусти меня, — повторила Вероника, глядя ему в глаза, и продолжила катать колёса своего инвалидного кресла прочь от него.

— Сейчас доделаю, и вместе посмотрим, — сказал Григорий. Опять он отвлёкся и продолжил щёлкать на клавиатуре, даже не договорив свою мысль.

— Что вместе посмотрим? — спросила Вероника. — Я не собираюсь с тобой ничего смотреть.

Она в ещё более активном режиме принялась катить прочь колёса своего инвалидного кресла.

— Дом осмотрим, дом! — деловито сказал Григорий.

— Не собираюсь я с тобой ничего смотреть. Это мой дом, и я его и так осмотрела, — горделиво сообщила Вероника, а сама к этому моменту уже пересекала порог. Как обычно, делать это ей было страшновато. Её кресло было довольно широкое. Всегда был риск зацепить пальцы о дверной проём. Она уже не раз содрала кожу, когда выкатывалась в спешке.

Григорий на секунду поднял голову и понял, что она непослушно убегает.

— Да стой же, блин! — возмутился он тут же, но сейчас ему нельзя было отвлекаться. Он должен проконтролировать, иначе ничего не получится.

Вскоре он опять начал щёлкать клавиатурой, а Вероника воспользовалась этим и поспешила уйти. Ей было страшно, и она просто хотела спрятаться от него. С её положением и так сложно спрятаться, так ещё здесь кругом камеры установлены. И очень скоро у него будет доступ ко всем камерам, которые установлены в доме. Она ведь даже не знает, сколько их и в каких точках они есть. И она не знает, где может спрятаться.

Однако Григорий сказал, что в сараях нет камер. Получается, это единственное место, где она реально может спрятаться. Недолго думая, Вероника решила пойти туда. Она понимала, что не сможет вместе с коляской покинуть дом. Она ведь уже пыталась. Порог у них неровный, с возвышенностью. Вероника не была готова упасть ещё раз, и поэтому решила заранее слезть с кресла.

Она ведь может ползать на коленочках, по сути, способна передвигаться без коляски. Однако врачи ей это запрещают, потому что после таких самостоятельных похождений у неё начинаются проблемы с коленями. Но сегодня вопрос жизни и смерти. Он же угрожал ей ножом… Вероника снова и снова вспоминала это с ужасом и хотела убежать как можно скорее. Сейчас ей уже не было весело оттого, что он умеет временно отключать камеры. Кто знает, что он удумает, когда отключит их во всём доме? И пока это не произошло, она хотела спрятаться.

Вероника вышла в гостиную и подъехала к их кожаному дивану. На нём маневрировать ей было удобнее всего, ведь кожа не скользит. Можно спокойно ухватиться, не думая о том, что руки соскользнут. Конечно, Матвей всегда стелет на диван покрывало, чтобы было комфортно лежать, но его стянуть — дело плёвое.

Буквально одним движением она стянула покрывало, а потом аккуратно перебралась на диван. С него довольно шустро сползла на пол. Только вот она была в юбочке, и ползать на коленях было очень неудобно. А если поднять юбочку, её колени будут совсем голенькие. Вероника

понимала, что если прямо так поползёт по брусчатке — её коленям просто конец. Поэтому она сразу же начала подползать к комоду. Там в одном ящике у Матвея лежит одежда, а в другом — банные принадлежности. Она уже заранее подумала, что обмотает колени полотенцем, чтобы в кровь не содрать. Где её наколенники, она не знает, потому что Матвей давно забрал их…

Одна нога у Вероники была более активная. Она её самостоятельно могла передвигать по полу, сама могла её согнуть. А вот вторая предательски тащилась за телом. Вторую ногу она не могла согнуть в колене без помощи рук, и, конечно же, это сильно тормозило процесс. Тем не менее она довольно быстро доползла до комода, открыла нижний ящик и поняла, что в нём лежит одежда Матвея.

— Эй, ты там где? Всё равно сейчас выйду и найду тебя, — неожиданно послышался голос Григория. У Вероники сразу же замерло сердце от волнения, и она поняла, что нужно спешить. Она вытянула одну из штанишек Матвея и принялась надевать. Уже передумала наматывать колени, ведь на это нужно много времени. К тому же, даже если намотает колени, её ступни всё равно не будут защищены. А так она их хотя бы штанишками прикроет.

Веронике было сложно надевать штаны, ведь она не может садиться на попу. Она надевала их, лёжа на боку, но довольно шустро. Штанишки оказались для неё очень длинными. Как она и предполагала, её ступни не вылезли из-под них. В общем-то, то, что нужно. Кое-как она натянула их на попу. Штанишки были на резиночке, и плюс ко всему она не стала снимать юбочку, завернула её на талии. За счёт этого штанишки не сползали с неё.

Потом Вероника сразу же начала уползать к выходу. Делала это торопливо, каждую минуту оглядываясь и проверяя, не идёт ли за ней Григорий. Его не было, и Вероника успокаивалась. Ползла дальше.

Вероника уже была у двери. Она приподнялась, схватилась за ручку и опустила её. Дверь сразу же открылась, и Вероника ощутила на лице тёплый ветерок, солнечные лучи били по глазам. Ей ещё сильнее захотелось выйти, но дверной проём опять был препятствием. Вероника не знала, как перешагнуть её так, чтобы не сделать себе больно. Да ещё сама дверь предательски закрывалась, грозясь защемить её.

— Я уже почти всё сделал. Почти! — повторял Григорий, как бы разговаривая с ней. Впрочем, он не был уверен, что она его слышит. Она не отзывалась.

Вероника тем временем, не взирая на боль и страх, набралась смелости и перешагнула через проём. Самозакрывающаяся дверь стукнула её по плечу и немножечко по лбу, но это была ерунда. Перешагнула она удачно, но когда попыталась вытянуть вторую ногу, больно зацепилась вторым коленом. А всё потому, что вторая её ножка была менее активной. И помочь рукой она не смогла, потому что дверь постоянно норовила закрыться.

— А… — воздержанно вскрикнула Вероника и сразу же захныкала, схватившись за своё колено. Потом она услышала голос Григория. Он опять что-то говорил, но Вероника уже не могла разобрать, что именно. Во-первых, она уже довольно далеко от той комнаты, где он сидит. А во-вторых, она не слышала его из-за собственных похныкиваний. Но на самом деле, она и не хотела его слушать. Но его бормотанье напомнило Веронике, что нужно спешить.

Она постаралась успокоиться и начала активно скользить вдоль брусчатки по направлению к сараям. Уползёт немножечко, оглянется и посмотрит, не идёт ли за неё Григорий? Опять уползёт и опять оглянется.

Она уже почти доползла до сада, но потом обернулась в очередной раз, чтобы проверить, нет ли там Григория и бац, он там.

— О, нет, нет… — завизжала Вероника и ускорилась. Однако смысла в этом никакого не было. Григорий даже не стал подбегать, просто направился к ней довольно шустрыми шагами и в скором времени догнал её.

— Ты что вытворяешь? Дура что ли?! — отругал её Григорий.

— А… нет, нет, не трогай меня, — ещё пуще завизжала Вероника. Она испуганно взглянула ему в глаза, а потом продолжила уползать.

— Я всё сделал. Теперь мы можем чувствовать себя спокойно. Никто за нами не подглядит, — деловито сказал Григорий, а потом пригнулся и попытался её поднять. Однако Вероника начала активно шевелить руками, пыталась оттолкнуть его.

— Не надо, нет… отпусти! Я и так чувствовала себя спокойно, пока ты не лез ко мне. Чего тебе надо?

— Для начала мне надо отнести тебя в дом, — деловито сказал Григорий. — Перестань брыкаться.

— Нет… отпусти! Не трогай меня! — повторяла Вероника. — А… нет…

Она не успокаивалась. Быстро-быстро шевелила руками, хлопала по нему. И при этом она лежала на брусчатке боком, на попу не садилась. Григорий не обращал на это внимания, но понимал, что так просто её не поднимет. Для начала нужно заставить её успокоиться.

Он обеими руками схватил её за предплечья и начал разворачивать, заставил попой сесть на брусчатку.

— А-а-а… — ещё громче закричала Вероника и вздёрнулась. Опять легла на бочок, а рукой потянулась к своей попе. Только в этот момент Григорий понял, что зря её посадил. С её задницей явно что-то не так, и сегодня он был намерен выяснить что. Уже со вчерашнего дня его гложет любопытство.

— Что там у тебя? Почему садиться нельзя?

— Больно… — сказала Вероника и захныкала, стыдливо опустив голову.

— Как же ты тогда в коляске сидела? Ещё и гулять собиралась! — подметил Григорий.

— Поэтому на подушке сидела, — напомнила Вероника.

— Ну ладно, извини, больше сажать не буду, — обещал Григорий. — Только разреши мне поднять и аккуратно отнести тебя в дом?

Он попытался договориться и поэтому начал казаться добрее. Потом снова пригнулся и в очередной раз попытался схватить её, чтобы поднять, но Вероника продолжила упираться. Снова вздёрнулась, оттолкнув его от себя.

— Нет! Отпусти! Не трогай меня! — закричала Вероника.

— Ну, не глупи уже! Ты же не собираешься до вечера валяться тут в кустах? Вряд ли муж обрадуется, если обнаружит тебя в грязи среди малины.

Вероника уже не стала говорить, что обо всём произошедшем расскажет мужу. Она понимала, что злить его не стоит. Он ведь опасный человек. Она только недавно это поняла. Только сегодня, когда он пригрозил ей ножом. Она до жути испугалась и даже сейчас продолжала бояться, несмотря на то, что сейчас он уже выглядел обычным парнем.

— Пожалуйста, оставь меня… — упрямо бормотала Вероника и косо на него посмотрела испуганным взглядом.

— Я просто отнесу тебя в дом. Хватит упрямиться! Чего ты добиваешься? — деловито спросил Григорий. Ему уже надоело, что она отталкивает его, но сейчас ему не хотелось быть грубым.

— Пожалуйста, оставь меня… — слезливо повторила Вероника, а у Григория уже закончилось терпение. Он пригнулся и просто начал её поднимать, несмотря на то, что она продолжала отталкиваться и хлопать его то по плечу, то по рукам.

— Продолжишь брыкаться, я просто тебя уроню. Хуже будет только тебе, — строго разъяснил Григорий.

— Эхе… эхе… пожалуйста. Чего ты хочешь?

— Я же ведь сказал, чего я хочу. Просто отнесу тебя в дом. Что ты за упёртая баба? То лезешь ко мне с разговорчиками, то нос воротишь.

— Ты угрожал мне ножом. Не пытайся сейчас притвориться хорошим! — визгнула Вероника, закрыв свои глаза. Он уже нёс её по направлению к дому, и она лежала на его руках. Григорий был более сильного телосложения, чем её муж. Его руки казались ей намного больше и сильнее.

— Я всего лишь попросил немного содействия, — сказал Григорий. — Зачем было всё усложнять?

— Ты проник в наш дом.

— Я ведь уже объяснил зачем, — напомнил Григорий.

— Мотя не похищал твою любовницу. И уж точно не держит заложницей в своём подвале!

— Откуда тебе знать? Ты что, была в подвале? — сразу же спросил Григорий.

— Не была, но точно знаю, Мотя не такой. Мотя хороший!

— Тогда что ты так волнуешься? — сразу же спросил Григорий. — Если он действительно окажется хорошим, тогда без вопросов, я отстану!

— Ты проник в наш дом, — повторила Вероника, продолжая злиться.

— Проник и что с того? Тебе же самой нравилось, что я отключаю камеры.

— Теперь не нравится! Отнеси меня в постель, в мою спальню, — попросила Вероника. Они как раз вошли в дом, и Григорий подошёл к кожаному дивану в гостиной явно с намерением уложить её туда. Однако этот диван всегда у них в собранном положении и довольно узенький. Она не сможет спокойно даже временно в нём полежать, будет бояться скатиться.

— А где твоя спальня? — спросил Григорий.

— Иди вон туда, я покажу, — сказала Вероника, повернув голову в сторону своей спальни.

— Ну, окей, без проблем, — деловито ответил Григорий и зашагал туда, куда она указала взглядом. Вскоре они оказались в угловом проходе, в котором было две двери.

— Вторая дверь, — сказала Вероника.

Григорий сразу же ногой толкнул эту дверь и занёс её внутрь.

— Просторненько тут у тебя, роскошненько, ничего не скажешь!

Ещё и кровать у неё была огромная, двуспальная. Он только мельком огляделся, а потом сразу же понёс её к кровати. Не то чтобы он сильно устал её нести, но уже хотел расслабиться.

Григорий уложил её животом на кровать, а потом сразу же начал стягивать с неё штанишки.

— Из гардероба муженька стянула, чтобы от меня сбежать? — с ухмылкой подметил Григорий.

— Нет! Что ты делаешь? Не надо раздевать меня, — возмутилась Вероника. Она схватила штанины за резинку, но всё равно не смогла удержать на своей попе. Григорий был сильнее, и уже в следующее мгновение стянул эти штаны до её щиколоток, а потом и вовсе полностью снял с неё их.

— А ты знаешь, что не принято валяться в постели в уличной одежде? — деловито сказал Григорий. — Тем более в этой, в которой ты ползла по земле.

— Нет, перестань! Не надо меня раздевать, — истерично повторяла Вероника.

— Расслабься, насиловать не стану, — немного язвительно обещал Григорий. — Только посмотрю.

И уже в следующее мгновение он начал отстёгивать её памперс. Не стал делать никаких замечаний по поводу того, что она в памперсе. Подумал, что наверняка инвалиды частенько носят памперсы, потому что им сложно справлять нужду в туалете.

— Нет, нет! Перестань! Не трогай, — ещё пуще завизжала Вероника и попыталась уползти, но Григорий обеими руками схватил её за бёдра и обратно уложил на живот.

— Хватит уже дёргаться. Я же сказал, просто посмотрю.

— Нет, не надо смотреть! Ты не имеешь права… я запрещаю…

— Ишь ты какая! Запрещает она мне, — язвительно сказал Григорий. И в этот момент он уже расстегнул её памперс и спустил с попки.

— Нет, нет… — с визгом покрикивала Вероника и снова попыталась вздёрнуться.

— Что за трындец у тебя тут? — сказал Григорий, увидев, что её дырочка заклеена пластырем, а между ягодицами что-то напихано.

— Перестань, ты не имеешь права… ты не можешь так вести себя, — продолжала Вероника возмущаться, а потом попыталась прикрыть попку рукой. На самом деле сейчас она очень стыдилась, что у неё такая попка. Не хотела, чтобы он смотрел.

Григорий пригляделся и неожиданно хихикнул.

— Он что, обклеил тебя перцовым пластырем? Больной ублюдок!

— Что? Каким ещё перцовым пластырем? — возмутилась Вероника и сразу же начала возражать. — Нет, это специальный восстанавливающий пластырь. Его используют после медицинских вмешательств, когда нужно быстро восстановиться.

На самом деле Вероника даже не знала, что такое перцовый пластырь. Никто из её близких никогда такой не использовали, и в интернете она не натыкалась на такие пластыри, информацию о них не знала. Вот Григорий, напротив, частенько пользовался такими пластырями. Из-за физических нагрузок он то руку себе подтянет, то поясница у него начинает болеть. Он находил некоторую пользу от таких пластырей, но ходил с ними недолго, часов 7 максимум. Ну, или, бывало, на ночь приклеит, а утром уже сдерёт.

— Ну конечно, восстанавливающий! Я что, перцовый пластырь что ли не узнаю? Не мели чепухи!

— Нет, это восстанавливающий, — упрямо повторила Вероника. — У меня там проблема…

— И какая же там у тебя проблема? — сразу же спросил Григорий, а потом попытался содрать её пластырь. Вероника визгнула и начала прикрывать попку.

— Нет-нет, не смей! Этого нельзя делать!

— Я просто взгляну, — деловито сказал Григорий.

— Нет, отстань уже от меня! Не видишь что ли? Я больной человек.

Григорий неожиданно потеребил её голову и с ухмылкой сказал:

— Дурында ты, дурында! Он обклеил твою задницу перцовым пластырем, а ты думаешь, что это какое-то волшебное лечение!

— Это неправда, это не перцовый пластырь! Наверное, просто похожий, — ворчливо сказала Вероника и больше не хотела это обсуждать.

— Ещё какой перцовый! Я даже фирму могу подсказать… пользуюсь такими же! Тут вопрос в другом: для чего он это сделал? — сказал Григорий. — Небось для прикола. Хотел, чтобы припекло тебя как следует, чтобы трахнуть потом кричащую?

Никакой другой логики в происходящем он не видел, но всё это казалось ему дикостью.

— Да ты отвратителен, озабоченный! — презрительно сказала Вероника. — Убирайся из моей комнаты.

— Дай посмотрю хотя бы, что он там сделал с твоей задницей, — сказал Григорий, а потом снова потянулся к её попке с намерением снять пластыри. — Уверен, что перцовые пластыри не единственный странный прикол.

— Перестань, я сказала! Не смей! — визгнула Вероника. Она мигом повернулась на бочок и начала хлопать по его руке.

— Что он там с тобой сделал? Почему не хочешь показывать? — спросил Григорий.

— Ты издеваешься? Ты кто такой?! Почему я тебе должна показывать свою жопу? — возмутилась Вероника. — Бессовестный развратник!

— Ну и пофигу! Раз нравится тебе быть дурой, и дальше будь дурой! — злостно сказал Григорий и сразу же отстал от неё. Встал с намерением уйти, а Веронике внезапно тоже стало обидно.

— Я больной человек, что тут непонятного? И это не даёт тебе право оскорблять меня.

— Это не оскорбление, а констатация факта, — деловито сказал Григорий. — А то, что ты не показываешь, это только доказывает. Небось сама подозреваешь, что он тебя дурит. Давай колись, что он там сделал с твоей задницей?

Всё-таки ему это не давало покоя. Ну, чисто из любопытства он хотел знать.

— Ничего не сделал, я ведь уже сказала, уколы и массаж.

— Из-за этого сидеть не можешь? — спросил Григорий, явно сомневаясь. Но, с другой стороны, он знает, что некоторые уколы бывают болезненными. — Хотя ты же говоришь, ещё уколы какие-то он тебе делал… и куда же он их делал?

Веронику сразу же бросило в жар от волнения. Казалось бы, и так понятно. Зачем он спрашивает?

— Я не хочу об этом говорить, ты можешь просто уйти? — попросила Вероника. Григорий сразу же начал игриво дёргать бровями.

— А знаешь что, я же всё равно это узнаю. Можешь не рассказывать!

И Вероника догадалась: он собирается пойти сейчас изучить видеозаписи из их дома. Стало быть, увидит, как Матвей её лечит. Веронике уже заранее стало стыдно, ведь там много интимных записей. И само лечение интимное. Ей бы даже в кошмарном сне не приснилось, чтобы кто-то снимал её в такой момент, а потом просматривал… ладно ещё, если муж будет просматривать, но этот Григорий, — он же чужак! Просто охранник.

— О нет, даже не вздумай смотреть! — визгнула Вероника.

— Жаль тебя огорчать, но этого ты мне никак не запретишь! — ухмыляясь, сказал Григорий. — Я, между прочим, тут исключительно для того, чтобы просмотреть эти записи. Твоя жопа меня не особо интересует. Это я так, чисто из любопытства хотел узнать, что там с тобой. Думал, может, пожалеть.

— Не нужна мне твоя жалость! — высокомерно сказала Вероника.

— Поправочка, хотел вправить тебе мозги! Этот больной извращенец просто прикалывается над тобой. Обклеил пластырем и ещё чем-то. Не удивлюсь, если он тебе в жопу колючки присобачил, чтобы сидеть не смогла. Может его лежачие заводят? — предположил Григорий. — Вот и женился на калеке! Вроде бы безногая, ходить не можешь, а всё равно как-то передвигаешься, ползаешь. Видимо, его это не устроило.

— Прекрати и замолчи! Это ты больной! Как вообще смеешь такое говорить? — возмутилась Вероника.

— Извини, это единственное, что приходит мне в голову. Что вот это вот такое? Что-то твёрдое, небось и колючее, — сказал Григорий и в очередной раз непослушно потянулся к её попке и пощупал то, что засунуто между её ягодицами.

— Это специальная накладка, чтобы шишка не выпадала, — объяснила Вероника.

— У тебя что, ещё и задница вываливается? Шлюха что ли? Обычно она только у шлюх вываливается! — язвительно сказал Григорий. На самом деле он просто пытался её разговорить. Думал, может, разозлится и расскажет правду.

— Отстань от меня! Отстань! — истерично закричала Вероника. — Тебя не касается, что у меня там, и ты не смеешь так говорить!

— Ну, как видишь, посмел! А вообще пофигу! Что я тут с тобой сижу, время теряю? Не хочешь рассказывать, ну и не надо! Твои проблемы! Больше помощи предлагать не стану.

— А мне такая помощь не нужна! Я не просила снимать мои бинты, и вообще их нельзя снимать, — деловито сказала Вероника. — Если бы я хотела их снять, и без твоей помощи справилась бы!

— Что-то не похоже, что справляешься. Что, задницу ещё не припекло?

— Отстань! — сказала Вероника и начала укрываться одеялом, чтобы он больше не трогал и не смотрел на её попку.

— Ну как хочешь! Даже если что-то увижу, не расскажу, — предупредил Григорий. Раз нравятся тебе издёвки мужа, вот и дальше терпи.

— Он любит меня, а ты просто завидуешь, фантазируешь всякое… я знаешь, что? Не ты один фантазируешь всякое из зависти! Моя тётя такая же. Все вы завистники!

Григорий усмехнулся, мотая головой, только убеждаясь в том, что она дурочка.

— Ты же собиралась уйти от него. Небось понял, что терять уже нечего, и решил напоследок прикольнуться над тобой. Держу пари, так и было. А ты повелась! Ещё говоришь, что помирились. Гениально, однако ж!

— Убирайся!

— Мысли вслух, — пояснил Григорий. — Ну да ладно, дурочки миру тоже нужны!

Сказав это, он просто встал и направился к выходу.

— Даже не смей просматривать записи, где я с мужем. Не смей! — закричала Вероника.

— Ага-ага! — язвительно протянул Григорий. И Вероника поняла, что он уходит именно для этого, чтобы просматривать записи. Она мигом повернулась на бочок, облокотилась на одну руку и начала оглядываться. Поняла, что её коляски нету. Она ведь осталась там, в гостиной, возле дивана.

— Нет, не оставляй меня так… принеси мою коляску! — визгнула Вероника. Григорий уже ушёл. Она даже не была уверена, что он услышал её последние слова.

— Нет-нет… — визгнула она снова, постукивая кулаком по матрасу.

Глава 103. Насилие

Григорий вернулся в кабинет Матвея и начал изучать файлы. Нашёл множество видеозаписей, в том числе с участием Ани. Однако по ним было неясно, куда она пропала. По крайней мере, на видео Матвей ничего с ней не делал.

— Где же ты, где? — думал Григорий, постукивая пальцами по столу. Последняя видеозапись с участием Ани была их очередная ссора. Она действительно сказала, что уедет, и он больше никогда её не увидит.

— Неужели ты правда сбежала? — думал Григорий. Он был огорчён тем, что поиски не дали результата. Он уже запустил копирование всех видеозаписей на своё облачное хранилище, но при этом продолжал изучать файлы.

Когда Григорий просмотрел последние видеозаписи с Аней и ничего толком не выяснил, он, конечно же, взгрустнул. Но выключать компьютер не спешил, так как Вероника отказалась показать ему свою попку. Он решил сам выяснить, что там с ней произошло.

Он ехидно улыбнулся, когда вспомнил, как она грозно запрещала ему смотреть видеозаписи с её лечениями.

— А я вот непослушный мальчик! —хихикнул Григорий и с большим любопытством принялся изучать видеозаписи, которые были сделаны на днях и неделей ранее. И, конечно же, он наткнулся на те записи, где Матвей мучает её подмышки, ковыряется в них, внедряя нити. Также увидел, как он обоссал её лицо и запихнул ей в рот носки, потом заставил так лежать долго-долго.

— Что за чёрт?

Григорий не мог поверить тому, что видит. И что сильнее всего удивляло его, так это то, что Вероника сама на всё это соглашается.

— А ты, оказывается, ещё большая дура, чем я думал.

Григорий смотрел видеозаписи обрывочно, проматывая, и поэтому ему было сложно понять, в курсе ли она, что с ней делают, или же нет. Но чуть позже, когда он почаще начал просматривать записи в режиме обычного воспроизведения, он понял, что Матвей просто дурит ей голову. Говорит, что лечит её подмышки, чистит, а на самом деле просто развлекается, делает ей кучу ненужных проколов.

— Так я и думал! Интересно, что он с её задницей сделал?

Это по-прежнему продолжало его волновать, ведь он так и не узнал ответ. Григорий просмотрел записи из других дней и чуть позже, конечно же, понял, что произошло с её попкой, и он был в шоке.

— Офигеть, это просто невероятно!

Причём невероятно было в дурном смысле, Григорий был в шоке. Он хотел было пожалеть Веронику, но не мог.

— Дура, которой нравится быть дурой.

Он злился на неё, потому что она отказалась верить в правду. Он же сказал ей, что это перцовый пластырь, а она нет, спорит с ним. Матвей наврал ей, придумал несуществующие восстанавливающие пластыри, и она прямо в это верит, отказывается принимать правду.

— А тебе-то что? Нравится им так развлекаться, пусть завлекаются! И не лезь! — отругал он себя. Конечно, у него было желание показать часть этих сочных видеозаписей Веронике, но он сдерживался. Понимал, что если сделает это, она точно закатит мужу скандал, тогда всё… ему достанется.

— Я, по крайней мере, пытался, рассказал тебе про перцовый пластырь. Ты сама не захотела в это верить и снимать их не захотела. Моя совесть чиста! — говорил он самому себе. Уже заранее пытался оправдать то, что собирается сделать. А именно, он не собирался делать

ничего. Было проще закрыть глаза на происходящее, тем более раз Вероника сама хочет верить в то, что её лечат. К тому же, Матвей делает ей какие-то уколы. А вдруг они всё-таки лечебные? В конце-то концов, уколы же не делают просто так…

— Впрочем, этому извращенцу доверия нет. И просто так может колоть ей всякую дрянь, чтобы позабавиться.

Только то, что Матвей делал ей уколы, заставило его призадуматься. Но всё остальное явно просто издевка. Он с ней завлекается, дрочит ей часами напролёт и говорит, что это лечение.

— Ну надо же! И она в это верит…

Он и смеялся, и досадовал. Не понимал, как такое возможно?

— Ты должен о себе позаботиться. Должен сделать так, чтобы она даже мечтать не смела о том, чтобы разоблачить тебя, — подумал Григорий.

Прямо сейчас он не был готов бросить эту работу. Во-первых, Матвей хорошо ему платит, а во-вторых, — ему некуда идти. А ещё он ведь так и не выяснил, куда исчезла Аня. Несмотря на то, что видеозаписи не дали никаких результатов, Григорий продолжал винить в её исчезновении Матвея.

— Ты просто чего-то упускаешь… точно упускаешь, и тебе нельзя сдаваться.

Вот поэтому он и решил остаться. Григорий не смог придумать ничего умного, чтобы заставить Веронику молчать.

— Пожалуй, единственный способ и в самом деле пристать к тебе, — ухмыляясь, подумал Григорий. — Будут видеозаписи наших с тобой шалостей, и ты точно будешь помалкивать!

Григорий не был уверен, что она ему нравится, что он хочет с ней. Скорее мог сказать:

— Ну, пойдёт… не уродина, и сиськи шикарные.

Конечно, в обычных обстоятельствах он бы никогда не связался с такой, как Вероника. Ну, во-первых, его смущал сам факт того, что она в инвалидном кресле. То есть она никогда не сможет встать раком, когда он ей прикажет, не сможет запрыгнуть и подвигаться сверху. Будет бревно бревном, и даже упрекнуть будет невозможно.

У них ещё никогда не было, но он уже заранее представлял, как это будет. У него будет ощущение, будто бы он берёт её силой, даже если это не так. Так будет казаться чисто потому, что ему самому придётся укладывать её так, как ему хочется…

— Фу! Нет! Ты должен придумать что-то другое, — думал Григорий.

Он довольно долго сидел в кабинете Матвея и размышлял над тем, как поступить? Не очень-то ему хотелось приставать к Веронике.

— Но иначе ты всё разболтаешь… а! Чёрт!

Он и в первый раз пожалел, когда откровенно с ней поговорил, потому что ничего не добился этим. И сейчас приходится жалеть: проник в их дом, ножом ей угрожал. Благо, удалось взять контроль над системой видеослежения, но теперь нарисовалась другая проблема: она сама.

— Но если уж потонем, так вместе! — подумал Григорий. — Концерт до конца! Ты же всё-таки не уродина, сгодишься.

Он довольно долго лежал и уговаривал себя пристать к ней, потом наконец решился и направился к ней. Как только он вошёл в её комнату, Вероника жалобно сказала:

— Наконец-то ты пришёл… я думала, что ушёл уже и больше не придёшь. Ты моё кресло не принёс.

— А, кресло-то… ну, это потом, — сказал Григорий, отмахнувшись. — И вообще, потом выведу тебя в сад и помогу зайти в дом, как и полагается. Это так, чисто для записи.

Вероника сразу же нахмурилась:

— Значит, ты сделал это? Взломал его систему?

— А то! А ещё я понял ещё кое-что, — сказал Григорий, продолжая шагать к ней. Сам загадочно улыбался, внимательно на неё смотрел.

— Что ты ещё понял? — спросила Вероника. Григорий неожиданно присел на кровать рядом с ней, а потом и вовсе начал укладываться.

— Эй, ты что делаешь? — возмутилась Вероника.

Вероника лежала на боку, а Григорий прилёг, накинув на неё одну ногу, а вторую рукой обхватил её спереди. Но что сильнее всего возмутило Веронику, так это то, что он потянулся к её груди, начал пожимать массирующими движениями. Губами прильнул к её ушку и прошептал:

— Я понял, что ты мне нравишься. И мы можем немного с тобой замутить.

— Нет, ты чего? Ни за что! — возмутилась Вероника. Она схватила его за запястье и попыталась заставить убрать руку от своей груди. Однако это не сработало. Григорий, конечно же, почувствовал, как она тянет его руку, толкает, но он нарочно продолжал пожимать её грудь. Давал понять, что он сильнее и сопротивляться бесполезно.

— Ну, перестань! Не надо ломаться!

— Что? — не веря ушам, переспросила Вероника. — Отвали от меня! Даже не мечтай, чтобы ты и я… ты ни за что!

— О, ещё как за что! — язвительно возразил Григорий. — Мы будем вместе хотя бы для того, чтобы у тебя не было желания разболтать ему всё.

На мгновение Вероника хотела было сказать, что не станет ничего рассказывать Матвею. Но, с другой стороны, ей хотелось это сделать. А ещё она подумала, что он всё равно ей не поверит, даже если она обещает не рассказывать. Чего бы ей молчать? Но она другого не понимала.

— Ты и всерьёз думаешь, что, представ ко мне, ты как-то изменишь ситуацию?

— Ага, — прошептал он в её ушко наигранным возбуждённым голосом. И что самое ужасное, Вероника почувствовала, как другой рукой он потянулся к своей ширинке и начал расстёгивать джинсы.

— О, нет! Что ты делаешь? Даже не вздумай…

Она начала дёргаться, однако он не позволял ей отстраниться. К тому же ей ведь некуда бежать. Куда она денется с этой постели? На пол что ли плюхнется? Она всегда боялась падать, и даже намеренно.

— Не переживай, мы быстро это сделаем, — сказал Григорий.

Вероника не могла поверить своим ушам. Опять он её шокирует, причём не положительным образом. Первый раз шокировал, когда шутя предложил ей секс в сарае. Второй раз сегодня, когда проник в их дома, угрожал ей ножом. И как после этого он ещё смеет приставать к ней? Собирается изнасиловать её.

По её телу пробежался холодок. Вероника понимала, что не сможет сопротивляться… уже сейчас не может.

— Нет, перестань! Даже не вздумай… — испуганно пробормотала Вероника, а Григорий начал отстёгивать её памперс.

— Это нам пока не нужно.

— Нет, перестань, перестань! — повторяла Вероника и начала хлопать по его руке. Пыталась помешать ему снять себе памперс. Но это было бесполезно. Опять он показал ей свою силу. Его рука стала словно каменная, и она уже не могла даже чуточку её сдвинуть, не то чтобы помешать снять с неё памперс.

— Нет, не надо… ты чего? — пискляво пробормотала Вероника. — Ты же наш охранник. Ты должен защищать меня.

— Прости, милая, но я не стану защищать тебя от него. Могу только трахнуть, — прошептал он в её ушко. Но Вероника и не поняла, почему он это сказал. Подумала, что несёт очередную бредятину, но, однако, поняла, что, говоря «от него», он имел в виду Матвея.

— Меня не надо от мужа защищать! — возмутилась Вероника. — Ты должен от всего остального защищать… от всего такого… а ты сам проник в наш дом и пытаешься изнасиловать меня. Я не стану об этом молчать!

— Если не станешь молчать, он увидит, чем мы тут занимались, — игриво сказал Григорий.

Он уже спустил штаны, однако у него не вставал. Сейчас он не особо хотел заниматься с ней сексом, но решил, что надо. Он хотел, чтобы было видеодоказательство того, как он с ней занимается сексом. Собирался использовать эту запись чисто как угрозу, чтобы она не вздумала болтать лишнее своему мужу. Судя по тому, как она защищает его, повторяет, что он хороший, реально не хочет бросать его. Стало быть, она предпочтёт молчать. Во всяком случае, он надеялся на это.

— Перестань, ты не можешь… — испуганно промямлила Вероника и от страха затаила дыхание. Она вздёрнулась вперёд, однако Григорий не позволил ей отстраниться. Одной рукой продолжал обхватывать её тельце, а второй умудрялся мастурбировать. Она слышала эти звуки подёргивания рукой и нервничала всё сильнее и сильнее.

— Нет, перестань… ты что? Собираешься изнасиловать меня?

— Можешь не стараться играть на камеру, я всё равно срежу ненужные словечки, — предупредил Григорий. — Останется только милая запись, где ты и я страстно прижимаемся друг к другу, нежимся, целуемся и всё остальное.

— Нет-нет! Этого не будет! Отстань… — кричала Вероника и продолжала сопротивляться. Теперь, узнав про его план, она задёргалась ещё сильнее. Раз уж она не сможет словами донести мужу, что всё происходящее не по его ли, она надеялась хотя бы показать это своим сопротивлением. Однако стоило ей вздёрнуться посильнее, Григорий тоже подскочил за ней и крепче прижался к ней спиной. Они уже были на краю кровати, но ещё не падали.

— Перестань, — прошептал он в её ушко, а потом потянулся рукой к её губам. Указательным пальцем начал протирать их по контуру, а потом и вовсе попытался вставить пальцы ей вроде.

— Не сопротивляйся, я не хочу делать тебе больно, — сказал Григорий. Вероника тем временем почувствовала, как его залупа прижалась к её попке, и занервничала ещё сильнее.

— Нет, нет, отстань… если продолжишь, я даже не испугаюсь, что упаду…

— И что ты сделаешь? Задёргаешься ещё сильнее? — насмешливо спросил Григорий. — А теперь послушай, что я скажу: мне необязательно вставлять.

Он хотел от неё немножечко содействия и надеялся, что она согласится. Однако Вероника продолжала упорствовать и снова задёргалась.

— Нет-нет, перестань! Я не буду молчать… ты проник к нам в дом, ты пристаёшь ко мне… я не буду молчать!

Григорий неожиданно просунул член между её ягодицами и начал совершать поступательные движения. Однако его член почти сразу же начал тереться об её пластыри и то, что засунуто между её ягодицами.

— Эту хренотень придётся снять.

— Нет, только не это! Нельзя, — визгнула Вероника.

— Попку ещё не припекло? — язвительно спросил Григорий. Он-то точно знает, что это перцовый пластырь. Ещё сильнее убедился в этом, когда просмотрел видеозаписи. Он сам видел, как Матвей вытащил из своей аптечки перцовый пластырь и приклеил прямо на её дырочку.

— Перестань так говорить. Это не перцовый пластырь, а лечебный, восстанавливающий! — упрямо повторила Вероника. — И их нельзя снимать.

— Они мне мешают, — сказал Григорий, а потом непослушно начал сдирать её пластырь.

— Нет! Нет! Только не это…

Вероника задёргалась ещё сильнее.

— Почему не хочешь снять? Боишься, что муженёк тебя за это отшлёпает? — игриво спросил Григорий.

— Потому что нельзя, у меня там рана!

— Узнаю, какая у тебя там рана! Отодрал тебя игрушками, — прошептал он в её ушко. — Я знаю всё, и это даже заводит.

— Что? — с ужасом произнесла Вероника. — Какими ещё игрушками?

— Ой, да ладно! Как будто ты не знаешь! Неужели ты всерьёз веришь в это лечение? — ухмыляясь, спросил Григорий.

— Он и правда меня лечит.

Из-за того, что она прикрывала попку, сильно дёргалась. На какой-то момент он перестал трогать её пластырь, как бы сделал небольшую передышку, и сейчас опять возобновил попытки содрать.

— Не дури, это обычный перцовый пластырь, и в задницу его не клеят! — сказал Григорий, продолжая ухмыляться.

— Это не перцовый пластырь! Хватит это повторять! — возмутилась Вероника, а потом снова вздёрнулась. — Нет-нет! Не надо этого делать, пожалуйста.

— Потом приклеим обратно, если больно хочется!

— Нет, ну пожалуйста. Если он узнает, что я отклеила…

— Боишься, что отшлёпает? — хихикая, повторил Григорий. — Твой муженёк ещё тот извращенец.

И, невзирая на её визги, он уже наполовину стянул пластырь с её попки.

— А-а-а, — закричала Вероника и задёргалась ещё сильнее. Ему уже даже было сложно противостоять ей, и поэтому пришлось сменить позу. Он уложил её на живот, а сам присел на её спинку, чтобы она перестала дёргаться.

— А ну прекрати, — деловито сказал Григорий.

— Нет-нет, ну пожалуйста… я же просила не снимать пластырь… — пискляво напомнила Вероника. На самом деле она и сама хотела снять пластырь, но боялась, что Матвей будет ругать её за это. Только это заставляло её пищать и сопротивляться.

Но сейчас, когда Григорий стянул с неё пластырь, ей сразу же стало хорошо. Её дырочка из-за пластыря чесалась, и там было сильное жжение, которое она всеми силами старалась игнорировать. Уже привыкла терпеть это ощущение.

— Я же сказал, потом наклеишь, если больно хочется! — повторил Григорий, и в руке уже вертел накладку вместе с пластырями. — Я так и не понял, что это за хреновина, надо будет внимательнее посмотреть видосики.

— О нет, ты снял… всё снял… — истерично запищала Вероника.

— Ну, конечно, снял! Не нужна тебе эта хуета.

Конечно, он собирался помалкивать о том, что муж её на самом деле не лечит, но в такие моменты ему было сложно сдерживаться.

— Эта штука обязательно нужна, мне без неё нельзя садиться, — сказала Вероника.

— Ну да, конечно! Иначе же ты сможешь присесть! — язвительно подметил Григорий, а потом обеими руками схватил её за попку и начал раздвигать её ягодицы, взглянул на её дырочку и вынес свой вердикт: — офигеть, твоя задница просто в мясо задрочена!

Неожиданно он плюнул на её анус и прошёлся там своими пальчиками. Вероника ещё сильнее завизжала и задёргалась, но сдвинуться с места не могла, ведь он уселся на ней сверху. Сидел, конечно же, не всем весом, но стоило ей начать дёргаться, и он присаживался сильнее. И у неё не оставалось никаких шансов вырваться.

— А… а… не надо, только не это… пожалуйста, не делай этого… пожалуйста, не надо меня насиловать, — истерично повторяла Вероника.

— Расслабься, в задницу не буду, — обещал Григорий. — Я же ведь не изверг.

Неожиданно он начал её разворачивать, а потом поднял её ноги и уложил на своих плечах. И в этот момент Вероника поняла, что он всерьёз собирается изнасиловать её.

— Нет, ты же обещал, что не вставишь, — истерично напомнила Вероника.

— А я передумал! — с ехидной улыбкой сказал Григорий, а сам уже в этот момент заслюнявил пальцы и смазал свой член.

— Нет, нет… не надо, — завизжала Вероника и начала руками прикрывать свою промежность.

— Думаешь, это меня остановит? — хихикнул Григорий, а потом обеими руками схватил её за запястья и заставил убрать руки от промежности.

Она пыталась убрать свои ноги с его плеч, но у неё не получалось. Её ноги не слушались. Из-за того, что он задрал их слишком высоко, она не могла согнуть ноги в коленях. А если и пыталась дёргаться, он склонялся вперёд, как бы давил на её ноги своими плечами, заставляя поднять их ещё сильнее. А ещё сильнее поднимать ноги ей уже было больно, а ещё и страшно.

— А-а-а, — в ужасе закричала Вероника, понимая, что он сейчас её изнасилует. Но она не хотела в это верить. Всё думала, неужели это в самом деле произойдёт?

— Я с самого начала знала, что ты мерзавец! Уже по лицу было видно! — презрительно сказала Вероника. Она продолжала пытаться дёргаться, а Григорий тем временем направил залупу к её промежности, прижался к преддверию её влагалища.

— Извини, что без резинки, но, думаю, это необязательно! Я знаю, что твой муженёк ничем не болен!

Он ехидно улыбнулся, а потом начал вставлять.

— А… а… — вскрикнула Вероника и мигом поняла, что у него гораздо толще, чем у её мужа.

— Уверен, ты с таким ещё не была, — с улыбкой подметил Григорий.

— А… а… не надо, нет… — истерично повторяла Вероника и начала вертеть головой туда-сюда. То жмурилась, то мельком открывала глаза и смотрела на него, потом снова жмурилась и продолжала мотать головой.

— Да ладно, тебе понравится ещё! Потом сама начнёшь ждать, когда я приду и трахну тебя, — язвительно сказал Григорий и начал двигаться вперёд-назад, совершая поступательные движения. И что самое интересное, он был уверен в том, что именно так и будет. Он уже привык к тому, что девчонки любят его за толстый хуй. Попробуют с ним разочек, а потом не отвяжутся…

— А… а… — покрикивала Вероника снова и снова, а он продолжал двигаться. Уже ускорился и входил в неё резкими толчками.

Вероника поняла, что с ним очень приятно заниматься сексом, но она не хотела думать об этом. Все её мысли были заняты тем, что она ужасалась из-за происходящего. Всё думала о том, что изменяет мужу, а ведь она не хотела этого. И она снова и снова пыталась сопротивляться. Чуть-чуть полежит, а потом начинает дёргаться.

— Ну, хватит уже! Что ты придуриваешься, как будто бы не хочешь? Знаю я, что хочешь! — самоуверенно сказал Григорий, а потом одной рукой подлез под её футболку.

— Нет, перестань… пожалуйста, — сказала Вероника и слезливо захныкала. Обеими руками схватила его за запястье, пытаясь помешать ему трогать себя за грудь. Это, конечно же, не сработало. Он продолжил по-хозяйски пожимать её грудь, а потом неожиданно начал снимать футболку.

— А ну-ка с ними, это сейчас тебе не нужно.

Не вытаскивая член из её влагалища, он просунул руку под её спинку, а второй рукой начал стягивать с неё футболку.

— Нет-нет, не надо… — повторяла Вероника, а сама никак не могла ему помешать.

— О-о-о! Ещё как надо! Я хочу как следует их разглядеть, — сказал Григорий, а сам уже хитро, немного злобно улыбался.

— Нет, не надо, я не хочу… перестань! Отстань от меня.

Она пыталась прикрываться, а Григорий схватил её за запястье и прижал её руку к матрасу над головой. Второй рукой она всё ещё могла прикрываться, но толку в этом особо не было. Её вторую руку он просто грубо оттолкнул, а потом схватил её за грудь и начал разглядывать.

— О, да! Симпатяжки! Гигантские симпатяжки! — восторгаясь, сказал Григорий. — И даже швов никаких нет.

— Перестань! Я не хочу… — завизжала Вероника и зажмурилась. Григорий неожиданно похлопал её подмышки прямо поверх бинтов.

— Нравится тебе, когда делают больно?

И Вероника поняла, что он просмотрел видеозаписи с тем, как муж её «лечит». И её бросило в жар стыда.

— Нет… нет… только не говори, что ты просмотрел наши записи? Наши личные записи!

— Конечно, просмотрел! И я знаю всё-всё, что он с тобой делает, пока держит тут взаперти.

— Нет, он уже не держит меня взаперти! — возразила Вероника.

— О, ещё как держит, только ты об этом не знаешь, — сказал Григорий, ехидно улыбаясь, а потом продолжил двигаться. Снова и снова скользил своим членом в её влагалище в активном режиме.

— А… а… — со стоном прокричала Вероника и сразу же возразила: — это неправда! Я тут не взаперти.

— Но если тебе нравится так думать, думай. И знаешь, это даже заводит! Заводит даже то, как он лечит твою попку… это жёстко, конечно, но всё-таки заводит!

В этот момент он с ехидной улыбкой приложил ладонь к её попке, начал пожимать массирующими движениями, а сам продолжил двигаться. Вероника только жмурилась и хныкала, а сама продолжала вынужденно лежать под ним.

— А киска у тебя плотненькая, мне даже нравится, — сказал Григорий.

Вероника ничего не сказала, только в очередной раз слезливо захныкала, а сама продолжала чувствовать, как его член снова и снова скользит в её влагалище.

— А знаешь, что мне ещё нравится? То, что он не интересуется этой дырочкой.

Он много видео просмотрел того, как они занимаются сексом. И в основном Матвей либо в рот пытался ей дать, либо в жопу трахал.

— Это неправда, это всё неправда! — истерично возразила Вероника.

— Анальный насильник, вот он кто! — подметил Григорий. — Но знаешь? Мне пофигу! Раз тебе нравится, то пожалуйста, терпи. Пусть он тебя и дальше «лечит». Мне даже интересно, что будет дальше?

— Не вздумай за нами подглядывать! — визгнула Вероника.

— И как же ты мне запретишь?

— Нет, не надо… ну, пожалуйста…

— Я могу об этом не рассказывать, — с ехидной улыбкой подметил Григорий. — А ты продолжай думать, что он не снимает и что я не смотрю.

И Вероника поняла, что находится в безвыходной ситуации. Она жалобно захныкала, а он продолжил двигаться.

— Если ты расскажешь ему о том, что между нами было, узнает, что будет!

Вероника сразу же начала отрицательно мотать головой. Как бы была в ужасе от происходящего и даже не хотела думать, что будет. Не хотела слушать, что он ей скажет. Только вот Григорий не умолкал…

— О, нет, даже не надейся, что он тебя выгонит после этого! Я больше чем уверен, что он до смерти тебя замучает, — язвительно подметил Григорий.

— Пожалуйста… — плаксиво пропищала Вероника.

— Расслабься, милая, я ничего ему не расскажу! Если, конечно, ты сама не захочешь проболтаться.

В этот момент он начал игриво пожимать её грудь, а сам посмотрел на неё с улыбкой.

— Ты же ведь не захочешь проболтаться? — спросил он, выдержав некоторое молчание. Снова начал игриво пожимать её грудь, требуя ответа.

И Вероника понимала, что у неё нет другого выхода. Она знала, что Матвей разозлится, если узнает о её измене… и неважно, что Григорий изнасиловал её, он всё равно разлился. И она до сих пор не хотела верить в происходящее. Как это Григорий мог её изнасиловать…. она ведь только начала думать, что он хороший. Не какой-то там высокомерный мужик с каменным лицом, он может нормально общаться, умеет быть весёлым, а тут вдруг такое.

— Ну, смотри, если проболтаешься, тебе же хуже! Я тебе уже сказал, что потом будет, и лучше не проверяй…

Григорий продолжил двигаться, и вот наконец приятные ощущения захлестнули его. Он торопливо вытащил член и начал кончать прямо на её груди, потом вздёрнулся и немножечко кончил на её личико.

— А… — вскрикнула Вероника, зажмурилась и мигом отвернулась.

— А я попал! — весело подметил Григорий. Он схватил её за подбородок и заставил обратно лечь ровно.

— Я уже знаю о тебе кое-что, — игриво подметил Григорий, — знаю, что ты очень брезгливая и очень не любишь, когда делают так.

В этот момент он растёр капельки спермы, которые попали на её личико. Вероника зажмурилась и отвернулась, пыталась помешать. Но это было бесполезно. Он уже это сделал и продолжал насмехаться над ней.

— Ну, ничего, мы вылечим тебя от брезгливости! — язвительно сказал Григорий, — он это тебе не раз уже говорил, сейчас и я присоединяюсь.

Вероника зажмурилась, а потом истерично закричала:

— А… а…

Мало того, что муж её частенько насилует в рот, теперь ещё и он, охранник… она до сих пор не верила в происходящее. Как такое возможно? Они ведь так редко виделись, он даже смотреть на неё не хотел. А сейчас так просто проник в их дом и изнасиловал её. И что самое ужасное, он намекает на то, что это не в последний раз. Он ведь сказал: «присоединяюсь»… и это говорило о том, что Григорий видел, как муж её насиловал и заставлял делать гадости. Теперь и он собирается это делать. И она должна молчать обо всём.

Вероника не хотела мириться с подобным, но понимала, что у неё нет выбора. Если она попытается пожаловаться мужу, Григорий покажет ему эту запись. И Вероника была уверена, что он смонтирует запись так, чтобы выставить её изменницей. А вдруг Матвей не поверит ей? Конечно, не поверит, ведь записи надёжнее. Тем более что Матвей озабочен на видеосъёмках. У него ведь везде понатыканы камеры и в доме, и на улице. Камерам он явно верит больше.

Глава 104. Молчи

Григорий слез с неё. Вероника принялась плакать. Мало того что изнасиловал, так ещё и всю перепачкал. Лицо её уже почти полностью высохло, потому что он размазал сперму. А вот её груди были влажные в некоторых местах.

— Эхе… эхе… — хныкала Вероника. С закрытыми глазами потянулась к своей груди именно туда, где было влажно. Однако прикоснуться не решилась. Григорий заметил это и посмеялся.

— Думаешь размазать по своему тельцу или нет? Я сейчас помогу тебе определиться, чуть не забыл!

Он присел на край кровати, а потом принялся размазывать сперму по её груди и животика.

— Нет, перестань! — вскрикнула Вероника. Она схватила его за запястье обеими руками, попыталась отвернуться, однако ей это не удалось. Второй рукой он схватил её за лоб и сердито сказал:

— Лежи ровно.

— Нет, пожалуйста…

— Я уже это сделал, тебе остаётся смириться и помалкивать, — язвительно сказал Григорий.

— А если не буду помалкивать? Если всё-всё расскажу? — сказала Вероника истерично. И снова она думала о том, что произойдёт, если она попытается всё разболтать мужу.

— Нет, милая, ты ничего ему не расскажешь. Ты же ведь любишь своего муженька-извращенца!

И Григорий был в этом уверен. Раз уж она терпит все выходки мужа и соглашается на его странное лечение, точно любит. Даже когда он жёстко её бил, она не бросила его. Конечно, пыталась разочек сбежать, но это не считается. Потом после этого они быстро помирились. А он-то нафантазировал всякого. Думал, Матвей её как-то припугнул, а оказывается всё не так. Она сама дура. С того момента он потерял к ней уважение. В очередной раз понял, что все замужние на голову больные и до последнего выгораживают своих мужей. И это его бесило.

Он всегда считал, что жениться необязательно, чтобы тебя так любили, ну и в целом, чтобы построить нормальные отношения. И он всегда думал, вот бы и за ними кто-то так стоял горой, защищал при любых обстоятельствах, но нет, такого не было никогда. Но в то же время он так часто видит, как женщины ведут себя со своими мужьями. Причём они поженились совсем недавно. Григорий также в курсе, что до этого они почти не встречались. И вот она так сразу по уши влюблена в Матвея, только потому, что тот её муж? Да, это его бесило… просто бесконечно бесило.

— Я могу рассказать… ты знаешь, что могу! — истерично сказала Вероника, всё ещё размышляя о том, стоит рассказывать или нет.

— Думаешь, он простит тебе это? — игриво спросил Григорий, пожимая её грудь. Второй рукой продолжал держать её за лоб, чтобы она не дёргалась.

— Нет, перестань, — визгнула Вероника и всё равно попыталась дёрнуться.

— Конечно нет, ты правильно сейчас сказала, — язвительно подхватил Григорий. — Я уже сказал тебе, что будет, если ты проболтаешься.

— Что же, по-твоему, будет? — спросила Вероника.

— Я уже говорил тебе, он ни за что тебя не отпустит. Если бы хотел, отпустил бы уже в тот день, когда ты рвалась за ворота. Помнишь тот день? Заранее пришёл ко мне и упросил не выпускать тебя ни при каких обстоятельствах.

Вероника зажмурилась и захныкала.

— Если бы продолжила ссориться с ним, он бы вообще тебя не выпускал из этого дома, и я больше чем в этом уверен. Связал бы и уложил… это же так просто. Ножки у тебя и так спокойно лежат, а с ручками справиться легко.

— Перестань так говорить!

— Неприятно слушать, правда? — язвительно спросил Григорий. — А вот ты послушай! Я уже объяснил тебе, зачем он женился на калеке, —чтобы особо никуда рыпаться не смогла, и, конечно же, чтобы верной была. Ходить не можешь, стало быть, и гулять не сможешь! Элементарно и просто! Но вот ты гульнула со мной. Думаешь, как он на это отреагирует?

— Перестань… — визгнула Вероника, зажмурилась и начала вертеть головой. — Отстань от меня.

Она не желала его слушать, но Григорий продолжал говорить.

— А я объясню тебе. Меня он вышвырнет, а потом спокойно продолжит с тобой забавляться. И я сомневаюсь, что он наймёт ещё какого-то охранника. Будешь сидеть дома безвылазно и взапрети. Этого хочешь?

— Перестань говорить гадости! Ничего такого не будет, — визгнула Вероника.

— О, ещё как будет! Но сидеть — это ещё полбеды. Он тебя вообще сделает неподвижной, исключительно лежачей. Уже пытается это сделать. Сама не замечаешь этого? Что он сделал с твоей попкой? Не понимаешь, для чего он подставил эти хреновины? Да элементарно, чтобы ты не смогла встать со своей постели. Да ещё убедил, что нельзя это снимать.

В этот момент Григорий как раз взял в руки её накладку с пластырями с намерением прилепить обратно.

— Давай вернём это на место, чтобы ты всё-таки не смогла вставать.

— Это неправда, ты всё это сочинил! — визгнула Вероника. — Сочинил просто так, чтобы я поверила тебе, чтобы задеть меня.

— Больно оно мне надо задевать тебя! А ну-ка давай ножки сюда, — сказал Григорий, подсовывая одну руку под её ножки с намерением поднять их. — И даже не вздумай сопротивляться сейчас. Если не дашь присобачить обратно, сама будешь этим заниматься. Я даже уверен, что он накажет тебя, если узнает, что сняла без разрешения.

Вероника не стала сопротивляться, но в очередной раз зажмурилась и захныкала:

— Эхе… эхе…

— Что такое? И сама знаешь, что я прав?

Он высоко задрал её ноги, но заклеивать на неё обратно пластырь одной рукой было неудобно, и поэтому он сразу же сказал:

— Чего хнычешь? Держи свои ноги и помогай мне.

Он схватил её за запястье и притянул руки к бедру. Вероника не стала капризничать, потому что и сама хотела, чтобы он приклеил пластырь обратно.

— Ты придумываешь всё. Это лечебный пластырь, — в слезах сказала Вероника.

— Ну конечно, лечебный! От хондроза хорошо помогает. У тебя что, в дырочке хондроз? — хихикнул Григорий. Но уже в следующем мгновенье он приложил накладку вместе с пластырем на её анус и довольно сильно надавил.

— А-а-а… — закричала Вероника и вздёрнулась. Ей было очень больно.

— Да, он же ещё тебя уколами отделал, чтобы уж наверняка не присела! Ну-ну! И дальше позволяй колоть себя.

— Хватит придумывать всякие гадости о моем муже, он хороший, — решительно сказала Вероника, стараясь успокоиться. Она уже не придерживала ножки обеими руками, вытирала свои слёзы. Григорий тем временем подложил под её попку памперс.

— Ну конечно, хороший, дурында! Вот ведь ты дурында!

— Хватит так говорить, — визгнула Вероника.

— У меня нет других слов. И прежде чем сказать что-то мужу, тысячу раз подумай. И подумай над тем, кто здесь негодяй, я или твой муженёк, — нервно сказал Григорий, неожиданно пальцами тыкнув её по лбу. Он злился, потому что не был уверен, что она будет молчать. И чем больше он думал об этом, тем лучше понимал, что её молчание ему просто необходимо.

— А ты изнасиловал меня… — истерично напомнила Вероника.

— Я по крайней мере трахнул тебя нормально и не выдумывал всякое. Не тыкал в тебя иголками.

— Он не тычет в меня иголками просто так, ты дурак? Не знаю, что ты там увидел на видео, но он меня лечил.

— Видел я, как он тебя лечил, — язвительно сказал Григорий и начал хлопать её по лбу.

— Прекрати! Что ты делаешь? — возмутилась Вероника, схватив его за руку.

— Пытаюсь донести до той тупой башки, что он просто прикалывается над тобой. Впрочем, зачем я опять это говорю? Я же решил помалкивать, — подметил Григорий, как бы вслух размышляя.

— Вот именно, помалкивай! — высокомерно подхватила Вероника. Как обычно, она не желала ничего слушать о том, что Матвей её обманывает. На самом деле не лечит, а просто мучает. Иногда, когда он делал ей слишком больно, такие мысли подкрадывались в её голову, но она мигом прогоняла их прочь. Ведь он доктор, и они помирились, и он сказал, что лечит её. Она хотела верить в это, а другая правда была мучительно ужасна. Она не хотела мириться с ней.

— Пойду притащу твою коляску, а ты продолжай думать. Я же тебе уже объяснил, что будет, если ты обо всём разболтаешь мужу. Он не простит тебе то, что ты кувыркалась со мной. И ему будет похуй, что я тебя силой. Я мужик и уж поверь мне, я знаю, что говорю, — деловито разъяснил Григорий и только потом направился к выходу. Вероника слушала его, затаив дыхание, но не осмелилась сказать хоть что-то. Молча проводила его взглядом, а потом, когда он ушёл, легла на бочок и горько заплакала.

— Эхе… эхе, — хныкала Вероника снова и снова. Не могла поверить в произошедшее. Как это Григорий её изнасиловал? Просто взял, ворвался в дом и изнасиловал её. И что самое ужасное, она не может рассказать об этом мужу. Она боялась, что он действительно не простит её… но ведь она не виновата.

Вероника думала, что она не виновата. И даже думала, что Матвей должен её простить, но последние слова Григория не выходили у неё из головы. Он же сказал, что он тоже мужик… и мужики такое не прощают. Вероника боялась, что станет противной для своего мужа. Вдруг он потом и в самом деле воспротивится её, если узнает, что она была с другим мужчиной? Этого она сильнее всего боялась…

В скором времени Григорий прикатил её коляску.

— Сейчас усажу тебя и отвезу в сад. Поклюёшь немного голубики, а потом торжественно верну тебя обратно. Что скажешь? — предложил Григорий. Вероника посмотрела на него и нахмурилась. Ничего не стала отвечать, а он с улыбкой потянулся к ней.

— Иди сюда…

— Нет, ну пожалуйста…

— Что опять «пожалуйста»? Я что-то плохое предложил? — язвительно спросил Григорий. — И лучше не сопротивляйся, будет только хуже. Я ведь объяснил, вывезу тебя, чтобы заснять, как ты приходишь с улицы домой. Всё остальное мы сотрём, и твой муж ни о чём не узнает. Подумает, что я помог тебе выйти и обратно зайти. Если хочешь, и обратно провожу до постели и даже прилечь помогу.

Вероника зажмурилась и захныкала.

— Как будто это что-то изменит.

— Ты про наши шалости? — хихикнул Григорий. Неожиданно схватил её за подбородок и начал потряхивать голову туда-сюда. — Хорош строить из себя недотрогу! Тебе же понравилось! Со мной всем нравится!

— А мне не понравилось. Ты меня изнасиловал… — истерично сказала Вероника. — Воспользовался тем, что я безногая и не могу сопротивляться, не могу убежать…

Это задевало её сильнее всего. И она ненавидела себя за то, что она такая вот немощная, беспомощная, не могла даже сопротивляться и позволила это сделать с собой.

— Ты знаешь, зачем я это сделал? Не от особой жажды. Так, чисто чтобы ты помалкивала, — разъяснил Григорий. — Но знаешь, мне даже понравилось! У тебя плотненькая дырочка и сиськи ничего, губёжки прикольные.

И неожиданно указательным пальчиком он потеребил её губы. Вероника сразу же отвернулась, схватив его за запястье.

— Я, конечно, не особо люблю булочки вместо губ, но тебе идёт! — хихикнул Григорий. — И хватит уже капризничать. Ну, трахнул я тебя и что? Катастрофа?

— Ты меня изнасиловал! — истерично повторила Вероника.

— Трахнул, — подправил её Григорий, а потом сразу же начал поднимать. — Если бы изнасиловал, ты бы сейчас лежала, истекая кровью. Да, милая, насилуют так, что потом сразу в больничку или того хуже. А я с тобой нежно, даже в попку не стал брать. Так что подумай об этом.

В этот момент он посадил её на кресло, и Вероника громко вскрикнула, обеими руками схватившись за подлокотники своего кресла.

— А-а-а…

— И заметь, я не забыл твои подушки. Забочусь, чтобы твоей попки не было больно.

Вероника продолжила кричать и стонать, а он покатил к выходу.

— Он всё равно заметит, что пластырь отклеивали… я уверена, заметит, — пискляво сказала Вероника, выдержав довольно долгое молчание. Пока он катил её к саду, она только и делала, что думала об этом. Решила, что пока не станет рассказывать мужу о произошедшем. Она не была готова к очередной ссоре с ним и очень боялась, что он её не простит. Да, Григорий её изнасиловал. Она ведь по сути даже не виновата, но она боялась реакции мужа. Она даже боялась того, что будет, когда Матвей узнает, что она самовольно отклеила пластырь. А ведь она и этого не собиралась делать…

— Ну и пусть замечает. Скажешь ему, что сильно чесалось и ты решила ненадолго убрать эту хрень из своей жопы, — посоветовал Григорий.

— Нет, я не могу так сказать…

— Ещё как можешь! И скажешь именно так, если он, конечно, вопросы начнёт задавать. А вообще я постарался чётко приклеить на то же самое место, — поведал Григорий.

— Отклеивается… я чувствую, что пластырь отклеивается. Обычно он крепко держался, — сказала Вероника, тяжело вздыхая.

— Ничего страшного! Что ты так переживаешь из-за этой фигни?

— А вдруг он разозлится? — спросила Вероника.

— Он вообще не должен был приклеивать такую хуйню тебе в задницу. Перцовый пластырь туда не клеят. Неужели тебе совсем не жжётся? — поинтересовался Григорий. Он уже не один раз задаёт ей этот вопрос, однако Вероника постоянно увиливает от ответа.

— Ну жжётся… — стыдливо пропищала Вероника. — Теперь даже как будто сильнее жжётся, когда ты наклеил повторно.

— Говорю же, это хуйня не для жопы. Он просто ржёт над тобой! Приклеил его чисто для того, чтобы проверить, насколько ты у него глупенькая. А ты поддакиваешь его извращённым фантазиям.

И опять он рассказывает ей правду, которую собирался скрыть. Всё-таки не мог молчать. А Вероника, как обычно, отказывалась верить.

— Это неправда, всё не так! Это лечебный пластырь, не надо выдумывать!

— Ну раз пластырь лечебный, почему он жжёт? — сразу же спросил Григорий.

— Это такой процесс восстановления, — сказала Вероника, — так и должно.

Григорий хихикнул.

— Такой чепухи я ещё в жизни не слышал!

— Хватит уже! Я знаю, что происходит. Ты просто пытаешься настроить меня против мужа, — сказала Вероника.

— Заладила одну хуйню! Лучше помолчи, — сказал Григорий и продолжил толкать её к голубике. Они уже были на брусчатке, и он ускорился. Нервно толкал её коляску, из-за чего она тряслась. И, конечно же, в такие моменты её попка начинала болеть ещё сильнее.

— А… полегче, — жалобно попросила Вероника и руками крепко ухватилась за поручни своей инвалидной коляски.

— Выбесила меня, что сил нет. Такой дурынды я ещё в жизни не встречал.

— Хватит так говорить! Не смей меня оскорблять, иначе точно не буду молчать, — пригрозила Вероника.

— Значит, всё-таки решила молчать? — с довольно ухмылкой подметил Григорий.

— Можно подумать, у меня есть варианты.

— Молодец, деточка, я рад, что мы нашли общий язык, — сказал Григорий и начал хлопать её по темечку. Вероника сразу же вздёрнулась.

— Перестань так делать.

— Это я любя, — весело сказал Григорий, а потом снова непослушно похлопал её по голове. Вероника попыталась вздёрнуться, но второй рукой Григорий обхватил её за грудь и насильно прижал к спинке её инвалидного кресла, потом непослушно снова похлопал её по голове.

— Сиди спокойно, что ты дёргаешься? — язвительно спросил Григорий.

— Хватит, отвезти уже меня домой! Я не хочу теперь гулять, — обиженно сказала Вероника.

— Ну, как минимум нам придётся доехать до голубики. И мне надо, чтобы ты пригубила несколько ягод. Ну так, чисто для камеры, а потом поедем обратно.

— Не хочу я уже ничего.

— Меня не волнует, что ты там хочешь, а чего нет. Я же сказал, для камер, — повторил Григорий и продолжил толкать её коляску в сторону кустов с голубиками.

Вероника закрыла глаза и тяжело дышала и продолжала обеими руками крепко держаться за поручни своего кресла. Старалась не садиться на попу полноценно, чтобы не было слишком больно. И всё же удерживать тельце на весу постоянно ей было тяжело, и периодически она вынужденно присаживалась. И каждый раз в такие моменты ей становилось больно. Накладка сдавливала её анус, что ей хотелось крикнуть от боли. Но она старалась скрывать свою боль и всё же почти постоянно стонала.

— Ну вот и приехали, налетай! — игриво сказал Григорий и закинул пару ягод себе в рот. — И предупреждаю, сейчас я замолчу и отойду. Если скажешь что-нибудь не то, будем перезаписывать, а то мне надоело срезает постоянно и монтировать. Проще тебя заставить помолчать. Короче, следи за языком.

Вероника только нахмурилась и тяжело выдохнула. Ничего не стала говорить. Григорий расценил это как согласие. Снова похлопал её по темечку и сказал:

— Вот и замечательно, будем считать, что договорились.

Сказав это, он отошёл в сторонку и постоял какое-то время. Он не ждал от неё какого-то содействия в обмане. Просто надеялся на молчание. Но Вероника повела себя правильно.

Какое-то время сидела молча, кидала в рот ягодки. И пока она ела, он не торопил её. Да и в целом ему уже не полагается торопить. К тому же он подумал, что ей, возможно, хочется покушать голубики. В конце-то концов, ягодки вкусные. К тому же, ей не так часто удаётся выбраться сюда. Только поэтому он не торопил её. Но уже заранее подумал, что засидеться не позволит. Хотя, с другой стороны, какая ему разница? Он уже стёр записи своего присутствия в доме, и видеосъёмку пустых комнат запустил, как положено. Однако прямо сейчас запустить запись реального времени он побаивался, вдруг она всё-таки ляпнет чего-то не то? Он решил, что лучше немного повозится и вмонтирует эту запись позже.

Спустя какое-то время Вероника обернулась и обратилась к нему:

— Извините, Григорий, можно Вас? Можете отвезти меня домой? Что-то я устала…

Григорий обернулся и сразу же улыбнулся ей. Причём улыбнулся так неестественно. Было видно, что он нахваливает её и в то же время торжествует. Заставил её играть по своим правилам.

— Конечно, Вероника Михайловна, без проблем.

Он подошёл к ней, схватил её коляску и начал толкать в сторону дома. Вероника помалкивала, и он тоже решил не подталкивать её на разговоры. Но когда они уже приблизились к дому, он спросил:

— Вас прямо в дом отвезти в комнату или в гостиной останетесь?

— В гостиной останусь, я ещё хочу перекусить, — сказала Вероника. И она действительно хотела кушать. Подумала, что если сейчас ляжет, потом вставать точно не захочет, ведь будет больно и тяжело. К тому же Матвею может не понравиться, если он на видео увидит, как Григорий провожает её прямо до комнаты. И это минус в её копилку, если она сама об этом попросит, поэтому Вероника уверенно отказалась от предложения Григория. И всё же он протолкнул её коляску в прихожую и ещё раз заботливо спросил:

— Точно справитесь? Может, там чем-то на кухне помочь, еду подогреть?

— Нет-нет, я думаю, что справлюсь. Большое спасибо, — сказала Вероника.

— Ну тогда ладно. Если что, зовите.

— Хорошо, обязательно позову, если что-то понадобится, — сказала Вероника чисто чтобы поддержать разговор, но сама, конечно же, ни за что на свете не собиралась его звать. Даже если упадёт ещё раз, что угодно лучше, чем звать его. Стоило ей только вспомнить, что недавно произошло, и её сердце начинало колотиться в бешеном ритме.

Вероника старалась вести себя естественно, но только пока Григорий был рядом. Когда он ушёл, оставив её дома одну, она едва или успела докатиться до середины гостиной и сразу же разревелась. Ей было всё равно, что, возможно, прямо сейчас Матвей за ней наблюдает и видит это. Но если что, она же всегда может соврать и сказать, что плачет из-за того, что у неё попка болит. Или, может, сказать, что переживает из-за опухоли. Хотя это и есть одно и то же…

— Ты всё равно не догадаешься, почему я плачу, — в слезах подумала Вероника. Это её радовало, ведь она не могла не плакать. Несколько слезинок шустро покатились по её щекам, и ей на мгновение как будто бы стало легче. Но Вероника понимала, что это просто самообман. Разве может стать легче от того, что плачешь?

Она плакала и плакала, долго не могла успокоиться, а потом всё-таки заставила себя выйти на кухню и открыть холодильник. Там она увидела картофельное пюре с котлеткой в готовом контейнере и, конечно же, захотела это покушать. Но с подозрением подумала, а не испортилось ли оно? Сколько вообще могут храниться такие готовые блюда? Она посмотрела на сроки годности и удивилась, написано было, что хранится это 7 дней и, судя по всему, кушать ещё можно. Она сразу же открыла контейнер и засунула в микроволновку на одну минуту. О сладком мечтать уже не стала. Но увидела сок на нижней полке холодильника и вытащила его.

— Ну, хотя бы это, — ворчливо подумала Вероника. Конечно, сок не особо заменяет конфетку, но тем не менее он сладкий, а сейчас она очень нуждалась в сладком для поднятия настроения.

Хоть Вероника и не рассчитывала на сладкое, но она всё равно мечтательно посмотрела на верхнюю полку. А потом взгрустнула и нахмурилась, понимая, что конфетки ей не достать. Она и не знала, но Григорий уже наблюдал за ней чисто потому, что может. А ещё ему было скучно, и беспокойство не давало покоя. Ему хотелось узнать, чем там Вероника занимается? А вдруг делает что-то такое, что выдаст его? Всё-таки он не доверял ей, но надеялся, что она всё-таки не разболтает.

— Ты, конечно, дура, но, надеюсь, не настолько… должна молчать.

Григорий понимал, что если она и расскажет обо всём мужу, это произойдёт не раньше, чем тот вернётся с работы. Вряд ли она начнёт ходить по дому и разговаривать сама с собой, повторяя вслух произошедшее. Это было бы слишком нелепо. И всё равно Григорию было интересно подглядеть за ней. И, конечно же, он заметил, как она жадно посмотрела на верхнюю полку холодильника. Камеры у Матвея были установлены дорогие и снимали хорошо, даже позволяли приближать заснятое. Вот Григорий и приблизил чисто из любопытства. Хотел узнать, что там лежит на верхней полке. Понял, что шоколадные батончики, и усмехнулся.

— Вот что он от тебя прячет! По крайней мере я знаю, чем тебя порадовать.

Всё-таки он не находил покоя. Переживал, что она всё разболтает.

Неожиданно он поставил видеосъёмку в доме на паузу, а сам направился к ней. Решил ещё разочек поговорить с ней, убедиться в том, что такого не будет. Захотел показать плюсы того, что она будет молчать.

Вероника услышала, как дверь открывается, и на мгновение радостно подумала, что это её муж вернулся. Но потом она взглянула на часы, которые отображались на цифровой панели плиты и поняла, что ещё рано. Было только 3 часа дня, а Матвей так рано домой не приходят. В следующее мгновение она увидела Григория на пороге своей кухни.

— О нет! Опять ты… что тебе надо? — истерично визгнула Вероника.

— Поболтать к тебе пришёл, а ещё порадовать немного. Я тут заметил кое-что, пока наблюдал за тобой, — игриво сказал Григорий, а потом подошёл к холодильнику. Открыл его и подтянулся к самой верхней полке. Вместе с коробкой вытащил оттуда сникерсы и вытянул для неё один батончик.

Вероника подумала, что он для себя ворует. Даже и не думала, что для неё, особенно после всего произошедшего. Сразу же начала возмущаться:

— Нет, не надо это трогать, он заметит.

— Не заметит, у него там херова туча разных батончиков! — сказал Григорий и довольно шумно бросил конфетку ей на стол. Вероника уже докушала и в этот момент попивала сок. Конфетка была как раз кстати. К тому же она уже так давно мечтает скушать сладенькое.

— Хочешь сказать, что это мне? — спросила Вероника, жадно глядя на батончик.

— Но не мне же! Конечно тебе, специально вот зашёл, когда заметил, что ты не можешь дотянуться и грустишь.

Он похлопал её по темечку и присел рядом с ней на свободный стул. Веронике не нравилось, когда он так делает, когда хлопает её по голове. Она сразу же нахмурилась, опустила голову, но делать ему никаких замечаний не стала. Только нерешительно потянулась к батончику. Она очень сильно его хотела, и раз уж выпал шанс скушать, она не стала отказываться из гордости. И сейчас ей даже было всё равно, заметит Матвей пропажу или же нет. У неё в любом случае есть алиби, она же не дотянется до верхней полки. Даже если и заметит пропажу, решит, что сам скушал и забыл. Вряд ли он каждое утро считает количество своих батончиков, это было бы странно.

— Я хочу сказать, что для тебя будут кое-какие плюсы оттого, что ты со мной дружишь, — деловито разъяснил Григорий. — Могу хоть каждый день доставать тебя сладенькое.

— Если будешь доставать каждый день, он точно заметит, — сказала Вероника.

— Так мне необязательно воровать у него, чтобы угощать тебя. Между прочим, я неплохо зарабатываю! Что скажешь?

— Ты пытаешься подкупить меня сладким? — сразу же спросила Вероника, а сама уже пожёвывала «Сникерс».

— Не подкупаю, а скорее концентрирую твоё внимание на плюсах нашего с тобой сговора.

— У нас нет никакого сговора! — высокомерно возразила Вероника. — Мне не нравится, что ты приходишь теперь, когда тебе вздумается.

— Спасибо скажи. Я вообще-то пожалел тебя, подумал, что сладенького хочешь.

— Да, хотела, но это неважно…

— Ещё как важно, — возразил Григорий. — А представь, если бы не было меня, кто бы тебе вытащил конфетку?

— Обошлась бы без неё, — высокомерно сказала Вероника. Григорий разозлился и неожиданно отобрал её недоеденную конфетку с рук. Вероника сразу же визгнула:

— Эй, ты что делаешь?

— Ты же сказала, что обошлась бы, вот и обходись! И вообще, что он за жмотяра такой, конфеты для тебя жалеет с какими-то деньгами?

Вероника не очень-то хотела рассказывать, но понимала, что лучше сказать, чем промолчать.

— Просто он считает, что мне нельзя конфеты, типа высыпания выходят.

— Ну да, конечно! Оправдывает свою жадность.

— Не знаю, может быть, и жадность, — согласилась Вероника. На самом деле она тоже так думала и не раз, что Матвей просто жалеет для неё конфеты. До этого она всегда ела. И из-за этого у неё не стало больше высыпаний, но и меньше тоже не стало. Всё так, как было всегда. Хотя, с другой стороны, она ещё не так давно лечится от акне, можно сказать, судить об этом рано. Но она злилась на Матвея и поэтому хотела думать, что он просто жадничает.

— Ты же понимаешь, что не в конфетках дело, всё гораздо серьёзнее. Он маньяк, которому нравится издеваться над женщинами. Видимо, тебе кажется, что он пока ещё не перешёл черту, и ты его защищаешь. Но поверь мне, это изменится. Кто потом тебя спасать будет? — деловито спросил Григорий. — Если сейчас разболтаешь ему обо всём, он выставит меня, и ты останешься тут одна.

— Не он, а ты здесь маньяк, — возмутилась Вероника. — Ты за мной тайком подглядываешь.

— Дурында ты, дурында! — сказал Григорий и снова похлопал её по голове, потом начал вставать. — Короче, не твори хуйни и помалкивай. Иначе тебе точно пиздец. Он тебя так просто не отпустит. Ты ведь уже убедилась в этом. А если узнает, что ты со мной покувыркалась…

Григорий указательным пальцем провёл по своей шее, как бы говорил, что муж её за это прирежет. Впрочем, это также означало, что ей сильно достанется. Но Вероника и сама понимала, что ей за это достанется. И ей не хотелось это в очередной раз обсуждать.

Он уже отдалился от неё на 2 м, а потом неожиданно вспомнил, что до сих пор держит в руке её недоеденный «Сникерс».

— Да, чуть не забыл! Догрызи его и избавься от фантика. Запущу потом камеру и больше сегодня не зайду, — обещал Григорий, кинув на стол остатки «Сникерса».

— Спасибо, — немного неохотно пробормотала Вероника. Несмотря на всё произошедшее, за конфетку ей всё-таки захотелось его поблагодарить. И она понимала, что он в самом

деле пожалел её, когда увидел, что она не может дотянуться до конфеты и грустит. Она действительно грустила…

Глава 105. Обработка попки

Григорий покинул Веронику и отдыхал в своей конуре. Думал вздремнуть, ведь до возвращения Матвея ещё довольно много времени. Однако примерно через час неожиданно зазвонил его телефон, и это был Матвей. Григорий сразу же занервничал. Аж вскочил с постели и начал ходить туда-сюда.

— Да какого чёрта? Неужели узнал?

Обычно Матвей никогда ему не звонит. Делает это только в исключительных случаях, вот поэтому Григорий нервничал. Тем более что день сегодня такой, он жутко провинился, проник в его дом, трахнул его жену. Если это раскроется, одним волнением он не отделается. И Григорий это понимал. И всё же деваться было некуда, не поднять трубку он тоже не мог, ведь это уже само собой признание вины.

— Ладно, по телефону ты всё равно ничего не сделаешь. Если что, будет время сбежать, — подумал Григорий и поднял трубку. Не то чтобы он был сильно труслив, просто не хотел ввязываться в драку, тем более с боссом. Так что заранее решил сбежать, если где-то прокололся и Матвею всё стало ясно…

— Да, Матвей Николаевич, я вас слушаю, — деловито сказал Григорий, стараясь вести себя как обычно.

— Слушай, там курьер не приходил? — спросил Матвей. Григорий сразу же выдохнул со спокойствием.

— Нет, пока ещё никто не приходил, а должен был?

— Да, с почты написали, что отправили курьера. В общем, будь там повнимательнее, чтобы не упустить заказ.

— Хорошо, я Вас понял, буду повнимательнее, — ответил Григорий, улыбаясь. «Всё хорошо, он ничего не знает. Теперь главное, чтобы Ника не подвела», — подумал Григорий.

Матвей довольно быстро положил трубку, а Григорий потом продолжил лежать. Конечно же, не собирался стоять возле двери, дожидаясь курьера, в этом нет необходимости. Датчики движения сразу сообщат, если к воротам кто-то подойдёт. Да и курьер по-любому не промах, догадается нажать на звоночек. Поэтому он закрыл глаза и попытался уснуть. Когда Матвей на работе, Григорий может спокойно это делать. А в остальное время старается показать свою деятельность. К тому же он уже так соскучился по этим временам, когда может весь день беззаботно валяться. Ну, или почти весь день. Периодически он всё равно выходит, чтобы помелькать перед камерами, но чаще всего подсовывает обманную запись для начальника, в которой он стоит возле ворот. Изначально именно поэтому он научился так хитрить, не ради того, чтобы подкатывать к его женщинам, и уж тем более к Веронике.

Приблизительно ещё через час курьер принёс посылку. Это была коробка среднего размера, не сказать, что слишком тяжёлая, но вес имела.

— Интересно, что здесь? — с ухмылкой подумал Григорий. Ему, конечно, было интересно заглянуть, но он не решился на это. Понимал, что если вскроет посылку, Матвей может это заметить, потому что на ней пломба.

— Но я всё равно узнаю, что в ней! — про себя хихикнул Григорий. Впрочем, он подумал, что это наверняка очередные медицинские принадлежности, какие-нибудь приборы или лекарство. Он частенько заказывает что-нибудь такое. Казалось бы, ничего интересного, но у Григория извечная любопытство узнать, что же в чужой посылке? Можно сказать, любопытство из детства.

Он положил коробку на стол, а потом обратно прилёг в кроватку в своей конуре. Спать уже не хотел, а его глаза то и дело косились в сторону стола, на котором лежит коробка с посылкой. Ему так хотелось открыть эту посылку, но Григорий воздерживался.

Вероника в то же самое время лежала в постели. Перцовый пластырь начал ещё сильнее сжигать её травмированную дырочку, и теперь она ощущала это. А ещё она всё ещё продолжала чувствовать, что в некоторых местах пластырь отлип от её попки. А всё потому, что Григорий снимал его сегодня. Именно в тех местах её попке было хорошо, и ей очень хотелось полностью снять с себя этот пластырь и накладку заодно. Однако она сдерживалась. Снова и снова ёрзала, периодически тянулась рукой к своей попке и трогала себя там, иногда подлезала под памперс. Она лежала, не укрывшись одеялом, и Матвей мог наблюдать за ней через камеры видеонаблюдения. Так уж совпало, что именно в этот момент он освободился, сделав последнюю операцию пациенту и мог наблюдать за ней.

— Что такое, припекло? — хихикнул Матвей, ехидно улыбаясь. Он хлопнул и начал потирать в ладоши. — Ох, как я ждал этого момента! Давай-давай, подёргайся!

У него в яичках сразу же защекотало, и он расстегнул ширинку и засунул одну руку в штаны. Начал поглаживать, потирать свой член. Впрочем, мастурбировать полноценно не собирался. Делать это на работе не самое приятное занятие. К тому же и сперма его пропадёт, придётся её смыть. Теперь он щепетильно к этому относился.

— Оставлю для твоего ротика, — с хитрой улыбкой подумал Матвей. Он погладил свой член, как бы уговаривая его, а потом обратно застегнул ширинку. Как раз именно в этот момент Вероника аккуратно отстегнула липучки своего памперса и подлезла туда рукой.

— Эхе… эхе… какой кошмар, — похныкивая, думала Вероника. Она схватила рукой накладку, а потом чуточку потянула её в надежде хоть немножечко, хоть на время отлепить от своего ануса. Уж слишком сильно пластырь сжигал её там, и было тяжело терпеть. И, конечно же, в этот момент она невольно задумывалась о том, а вдруг это действительно перцовый пластырь и единственное его назначение согревать и сжигать кожу? Впрочем, сжигает он только в том случае, если передержать. А она, по сути, всегда передерживает. Матвей по 3 дня заставляет её ходить с этим пластырем. Приклеит и, можно сказать, забудет, если она сама не напоминает. Стоило ей только подумать, что это перцовый пластырь, и у неё сразу же замерло сердце от волнения. А ещё и злоба охватила за этот грустный обман.

— Нет, этот поганый охранник всё выдумывает, это восстанавливающий пластырь, — подумала Вероника, а потом продолжила лежать. Отдышалась и обратно плотнее прижала пластырь к своему анусу. Матвей тем временем внимательно следил за ней через камеры видеонаблюдения, задался вопросом:

— Что ты там делаешь? Неужели отковыриваешь? Ну я тебе задам, если окажется, что сняла пластырь. Впрочем, я тебе и так задам завтра! У тебя не будет возможности поковыряться в заднице, будешь весь день лежать и ждать меня в постельке, — злостно подумал Матвей.

Время ещё было только 5 часов вечера. Обычно он так рано не возвращается домой. Отсиживается до последнего чисто для галочки, чтобы быть примером для своих подчинённых. Впрочем, иногда он делал исключение.

— Пожалуй, сегодня можно прийти пораньше. Чем раньше я тебя упакую, тем лучше. На это тоже время нужно, — подумал Григорий. — Интересно, посылка уже пришла?

Он не хотел звонить Григорию, и поэтому не поленился и начал проматывать заснятые видео с его участка во дворе.

— Да, посылка-посылочка! На месте посылочка! — радовался Матвей. — Ну, сегодня мы с тобой развлечёмся, дорогая!

Матвей как обычно, мысленно разговаривал с женой. Григорий тем временем лежал в кроватке, поглядывая на посылку. У него прямо руки чесались открыть её, но в то же время он запрещал себе это делать и как бы даже отругал себя:

— Хватит уже совать нос куда не следует! Какая тебе разница, что у него там? Да хоть резиновый хуй!

Однако он присел и взял в руки ту посылку, покрутил её туда-сюда. Уже вот решил аккуратно открыть её, как вдруг сработал датчик движения за воротами.

— Да неужто вернулся? — удивился Григорий. Он не верил своим ушам и поскорее решил проверить, кто там. На мгновение подумал, что это почтальон вернулся. Возможно, посылки перепутал. Однако он взглянул на экран монитора и понял, что это Матвей.

— Ничего себе, а что это рано сегодня припёрся? Некого резать, что ли? — язвительно подумал Григорий. Он сразу же торопливо вышел встречать начальника с коробкой в руке.

— Добрый вечер, Матвей Николаевич. Вы сегодня рано, — с улыбкой сказал Григорий.

— Три операции сделал сегодня, можно и пораньше уйти, — похвастался Матвей и только сейчас увидел в руках охранника коробку. — О, моя посылочка.

— Да, привезли, как Вы и говорили.

Григорий аккуратно протянул ему посылку, и Матвей сразу же забрал её.

— Спасибо большое. А как там Ника? Не заглядывал к ней больше?

— Да нет. Она гуляла довольно долго, уходила бодренькая.

— Ну ладно, пойду проведаю её, — сказал Матвей, а потом отмахнулся и как бы по секрету добавил: — Не обращай внимания на её выкрутасы. Я с ней ещё поговорю по поводу сегодняшнего.

Григорий всё ждал, сделает ему Матвей замечание за сегодняшнее или нет. Даже если не учитывать то, что он проник в их дом, он и так провинился. Из-за него ведь Вероника упала и ругала его потом сильно. Хотя бы за это Матвей должен его отсчитать, и вот он заговорил об этом…

— Вы уж извините. Я привык поступать так, как мне велено, вот и растерялся.

— Да я так и понял. Говорю же, не обращай внимания. Болтать она что угодно может, но из-за её глупых женских капризов я тебя точно увольнять не стану. Так что можешь даже не задумываться по этому поводу!

— Спасибо, буду иметь в виду, — сказал Григорий.

— Но и впредь, если попросит, заходи, помоги там ей, — попросил Матвей.

— Ок.

На этом Матвей ушёл. Ему уже не терпелось вскрыть посылку и поглядеть, что ему там прислали.

Улыбаясь, Матвей пошёл домой. Сразу же огляделся и убедился в том, что Вероники рядом нет. Он не хотел сразу же к ней идти и первым же делом присел на диван и вскрыл посылку. С улыбкой принялся разглядывать блестящий латексный костюм чёрного цвета.

— О, да! Я тебя сегодня же наряжу в это! — подумал Матвей, уже заранее с восторгом предвкушая этот момент. А остальные покупочки он только бегло оглядел: обычный костюм для головы и презервативы из толстой резины, которую он заказал, чтобы надеть на её ручки.

— Это всё нескоро пригодится, вот самое главное — это.

Он убрал костюм обратно в коробку, а саму коробку положил под журнальный столик.

— Пусть пока тут полежит, потом надо будет поднять наверх.

Матвей и не догадывался, что сегодня произошло, а Григорий тем временем торжествовал, тайно наблюдая за ними. И, конечно же, он не упустил момент, когда Матвей открывал посылку.

— Вот ведь извращенец, однако ж! Мог бы и сам догадаться, что у него там в коробке, — ухмыльнулся Григорий. — Интересно, как ты собираешься напяливать это на неё.

Он был уверен, что этот чёрный костюм он заказал для неё. Подумал, что он опять собирается её обоссать. Григорий уже видел, как он любит развлекаться. Смотрел на всё это с отвращением. Но, с другой стороны, иногда его и самого посещали развратные фантазии на эту тему. Мечты, так сказать, как-нибудь описать какую-нибудь барышню, но только в ванной, конечно же. Ему бы даже на ум не пришло сделать так, как делал Матвей. Это казалось ему гнусным и

аморальным, ведь Вероника даже не знала, что делает с ней муж. Он обманул её, сказав, что ставит ей маску, а она на полном серьёзе верит.

Григорий теперь постоянно следил за их домом не снаружи, а изнутри. Ему было скучно, а за кем-то тайно наблюдать — занятие довольно весёлое. Тем более что Матвей был полон сюрпризов. Григорий уже знает, что он каждый день творит с женой что-то интересное, она и не против.

— Интересно, что ты с ней сегодня сделаешь?

Матвей тем временем отправился к жене. Вошёл в её комнату и заботливо спросил:

— Милая, ты как тут у меня? Я вот с работы пришёл сегодня пораньше.

Вероника на тот момент, как обычно, лежала на животе, уложив голову щекой на матрас. Она сразу же приподняла голову и с удивлением произнесла:

— О, ты пришёл! Ещё же даже пяти нету…

— На вечер операции не назначены, а сегодняшнюю норму я уже выполнил, троих прооперировал, — похвастался Матвей.

— Понятно. Здорово.

Он подошёл к ней, присел на край кровати и начал заботливо гладить её по голове. Он казался ей нежным, и любящим. И ей было до жути стыдно за то, что сегодня произошло. А ведь она даже рассказать об этом не может… её бросило в жар от стыда.

Вероника неожиданно схватила его руку, приложила к своей щеке и расплакалась.

— Ну, что такое?

— Что-то мне так грустно… — сказала Вероника сквозь слёзы.

— Это из-за попки? — спросил Матвей и сразу же сказал: — Не глупи. Мы ведь уже начали лечение, и поверь мне, оно тебе поможет.

Он сразу же ехидно улыбнулся и решил воспользоваться моментом, чтобы взглянуть на её попку. Хоть она и совала руку под памперс, но он надеялся, что не стала сдирать пластырь. Ему захотелось взглянуть и убедиться в этом.

— Кстати, о попке. Дай я взгляну, что у тебя там?

— Болит, очень сильно болит… — захныкала Вероника. — Сидеть очень больно, лежу в основном… и жжётся из-за пластыря, чешется.

— Ну, жжётся — это нормально. Ты же уже знаешь, восстанавливающий пластырь так работает, — деловито сказал Матвей. Он отцепил липучки с её памперса, а потом взял одну подушку и начал засовывать ей под животик, чтобы приподнять попку.

— Только не сердись, — жалобно пропищала Вероника. Её сердце уже колотилось в бешеном ритме, и она понимала, что сейчас он узнает о том, что пластырь снимали. И, конечно же, он подумает, что она его снимала.

— А за что я должен сердиться? — спросил Матвей всё ещё милым голосом.

— Просто он, кажется, отлип местами. Может быть, потому что я вспотела, — взволнованно оправдалась Вероника. Но не могла же она сказать, что сама стянула пластырь. Она знала, что за это он точно сильно её отругает. Впрочем, он и так её отругал. Уже в следующую секунду подёргал накладку и понял, что пластырь довольно легко стягивается с её попки. Уже не держится плотно, как надо.

— Что мне с тобой делать? — деловито произнёс Матвей, а потом неожиданно шлёпнул её по попке.

— Прости, я не знаю, как так получилось. Перенапряглась, когда пыталась слезть с постели, а ещё вспотела Видимо, поэтому отлип пластырь, — продолжила Вероника оправдываться. — Я правда не хотела, чтобы так получилось.

— Значит, тебе нельзя вставать. Будешь завтра в постельке отдыхать, пока я на работе, — деловито сказал Матвей.

— Нет, ну, пожалуйста… — запищала Вероника.

— Такими темпами тебе не скоро станет лучше, — сказал Матвей, а потом начал полностью сдирать пластырь вместе с накладкой. Он и так уже отлипал, и Матвей не видел никакого смысла продолжать держать это на её попке. Лучше сразу прилепить новый пластырь.

— Я правда не хотела его снимать, — пискляво объяснила Вероника. — И на самом деле мне кажется, что там уже получше, шишечка как будто уменьшилась.

— Сейчас посмотрим.

Он отложил пластырь с накладкой на край кровати, а сам принялся разглядывать её попку, раздвинув обеими руками.

— М-м… действительно лучше стало, — игривым голосом подметил Матвей. — Завтра вечером уже можно будет возобновить лечение.

Он сразу же ехидно улыбнулся и язвительно подумал: «да, милая, твою дырочку снова можно долбить! Завтра опять отделаю как следует! Бахнем полтора часа. О, да! И на этот раз я не оставлю тебя одну, будешь около меня стонать, пока я смотрю телек». Он уже заранее возбуждался таких гнусных фантазий.

— Нет, опять уколы… и массаж… — визгнула Вероника.

— Опять уколы и массаж. — деловито повторил Матвей. — Ты же знаешь, без этого никак. Мы сделали перерыв только потому, что твоя попка начала портиться. Иногда такое бывает, даже если не передержать массажёр. У некоторых кожа чувствительная.

Он всегда говорил так, как будто это его лечение применяется не только на ней, но и на разных других пациентах. Ему казалось, что это сильнее убедит её в том, что он действительно её лечит.

— Я не хочу больше, это так больно, — пискляво сказала Вероника и захныкала.

— Я знаю, милая, что больно, но нужно потерпеть, — заботливым голосом деловито сказал Матвей, а потом неожиданно начал её поднимать.

— Что ты делаешь? Куда ты меня несёшь?

— Ну как куда? На кушетку, конечно же. Надо обновить твои пластыри.

— А может быть, не надо? — жалобно спросила Вероника. — Может, можно полежать мне без пластыря и без этой накладки?

— Ну, ты же знаешь, что нельзя, попку надо лечить.

«Я уже залечил твою попку! — язвительно подумал Матвей, — сейчас мы просто поддерживаем результаты! Радуйся, что дрочить сегодня не буду! Мне пока нужно твоим личиком заняться.

— Просто от пластыря так жжётся… — жалобно сказала Вероника. Матвей в этот момент уже укладывал её грудью кушетку.

— Я уже объяснил тебе, что это нормально. Постарайся не думать об этом.

«О, да! Будешь лежать и терпеть, как обычно. Как же я обожаю заставлять тебя терпеть», — язвительно подумал Матвей.

— Но я не могу не думать! От этого пластыря как будто больнее становится.

В этот момент Матвей начал ремнём фиксировать её за талию к кушетке, потом чуть выше тоже обвязал ремнём.

— От пластыря хуже не становится, — деловито сказал Матвей, — это тебе только кажется, обманчивое ощущение. Ты ведь уже пощупала себя и сама знаешь, что шишечка стала меньше.

— Ну да, стала меньше, — согласилась Вероника.

— Больше не надо так делать. Я про пластырь, не надо его сдирать, — разъяснил Матвей, — даже если сильно жжётся, — терпи. Это важно.

— Я не сдирала его, я ведь уже объясняла! Он отлип из-за того, что я вспотела. Я, наоборот, пыталась подправить его, — соврала Вероника. Она поняла, что он поверил в то, что она вспотела и пластырь сам отлип, и поэтому придерживалась этой лжи.

— Значит, нужно исключить вероятность, что ты снова вспотеешь, — деловито сказал Матвей. В этот момент он открыл свой ящик с медицинскими принадлежностями и начал смачивать ватку спиртом.

— На что это ты намекаешь? — спросила Вероника. — Только не говори, чтобы я весь день лежала.

— Именно это я и говорю, — деловито согласился Матвей и предупредил: — сейчас будет больно.

— О нет, что ты собрался делать? — испуганно спросила Вероника и начала вертеть своей головой. Пыталась заглянуть назад, чтобы увидеть, что у него там в руках.

— Ничего особенного, просто протру, продезинфицирую, — объяснил Матвей, — у тебя тут уже лучше, но всё равно может пощипывать. Это же спирт как-никак.

Уже в эту секунду он приложил к её анусу ватку со спиртом и начал потирать.

— А-а-а… — громко протяжно закричала Вероника, сразу же задёргалась. Он не привязал её щиколотки к кушетке. И руки тоже оставил свободными. Поэтому Вероника могла дёргаться и делала это. Одно её колено сразу же сползло на край кушетки, и её нога начала падать.

— Ну вот что-то творишь? — возмутился Матвей. — Пищишь, когда связываю, а если не связываю, дёргаешься и падать начинаешь!

Он шустро отложил ватку, а потом схватила её за ногу и обратно коленом поставил на кушетку. Потом сразу же за щиколотку привязал её к кушетке.

— Вот сразу надо было так сделать, — деловито сказал Матвей.

— Эхе… эхе… — захныкала Вероника, но ничего говорить не стала. В этот момент она поняла, что он прав. Она ведь действительно падает, если он её не связывает. Сейчас она могла бы быть более осторожной, вместо этого истерично задёргалась, как маленький ребёнок. Но ей было больно… и боль была нешуточная. Но что самое ужасное, уже в следующее мгновение Матвей смочил ещё одну ватку спиртом и приложил к её анусу.

— А… а… — закричала Вероника, а Матвей жестоко начал растирать её анус этойваткой.

— Потерпи, — деловито сказал Матвей, а сам жестоко растирал её анус снова и снова.

— Может быть, хватит? Может, хватит? — истерично и быстро спрашивала Вероника, подёргивая попкой. А ещё он не привязал к кушетке вторую её ногу, и поэтому Вероника вздёрнула коленом. Однако эта её нога не сползла с кушетки.

— Дёргаться хватит, вот что хватит! — с возмущением сказал Матвей, а потом обошёл кушетку и начал и вторую её ногу затягивать ремнём.

— Пожалуйста, не надо больше протирать, так больно… — жалобно сказала Вероника.

— Обязательно нужно протереть как следует, опять твоя задница вся в дерьме, — пожаловался Матвей, — срала сегодня, пока меня не было? Или я ошибаюсь?

— Нет, конечно же нет! — сказала Вероника. — Ты же сделал мне клизму. Я теперь действительно не хочу.

— Ну, видимо какашки спустились вниз и запачкали твою дырочку, — объяснил Матвей. — А всё потому, что вставала. Небось ещё долго гуляла?

— Ну, так… довольно долго, — протянула Вероника. Матвей тем временем вытащил ещё одну ватку и начал смачивать спиртом.

— Хватит пока тебе прогулок, — деловито сказал Матвей. — Я серьёзно, завтра будешь лежать и отдыхать.

— Нет, ну пожалуйста… я не хочу весь день лежать, — жалобно запищала Вероника.

— Один день можно и полежать, это ради твоей попки, — сказал Матвей, ехидно улыбаясь, а потом без всякого предупреждения приложил заспиртованную ватку к её анусу. Просто приложил и начал держать, сильно надавливая.

— А-а-а… — со стоном закричала Вероника.

— Ничего-ничего, сейчас пройдёт, — сказал Матвей и снова начал грубо протирать ваткой её анус. А ещё при этом сильно оттягивал её попку в сторону, раскрывая её анус прямо по краям изнутри. Заставлял её кричать снова и снова.

— А… как больно… не проходит, — похныкивая, жаловалась Вероника. Матвей продолжал растирать её анус, наслаждаясь её криками. «Да, милая, покричи! Ты же знаешь, как мне нравятся твои крики, — насмешливо думал Матвей. — Сегодня для твоей попки ничего интересного не намечается. Так что это единственное наслаждение!» И он продолжил болезненно растирать её анус. И пока она снова не начала жаловаться, ругаясь, сказал:

— Ну вот опять вся ватка коричневая! Безобразие, да и только!

— Нет… только не говори, что будешь ещё раз протирать? И опять спиртом… — запищала Вероника.

— Ну не мочой же! Конечно, спиртом, — сказал Матвей, а потом начал отвлекать её разговорами: — Между прочим, в древние времена некоторые верили, что моча обладает целебными свойствами, и обмазывались ею. Ставили примочки из мочи в надежде, что это поможет.

— Фу! Даже не рассказывай, — визгнула Вероника. Матвей снова ухмыльнулся:

— Но что самое интересное, они находили в этом пользу!

— Фу-фу-фу! Даже слушать не хочу, — сказала Вероника.

— Да, я пожалуй соглашусь, это весьма противненько.

В этот момент он очередную ватку смочил спиртом и продолжил потерять её анус.

— А…а… — снова закричала Вероника.

— Всё, всё, это уже завершающее, больше не буду протирать, — обещал Матвей.

— Ой, так больно….

И в этот момент Матвей начал дуть на неё анус, чтобы хоть под конец немного облегчить ей боль, чтобы снова показаться ей добрым и милым. И конечно же, как всегда этот приём срабатывал.

— Ну что, полегче? — мило спросил Матвей.

— Да, так полегче.

— Сейчас немного подсохнешь и приклеим пластырь, а пока полежи так.

— Ну нет… ты что, уходишь? — заподозрила Вероника. Матвей неожиданно прильнул к её ушку и прошептал:

— Меня что-то так приспичило, так что извини.

— Только обещай, что быстро вернёшься, — сказала Вероника.

— Ну, говорю же, приспичило! Ты же знаешь, я не могу, как ты, мгновенно высраться, так что извини.

— Эхе… эхе… — жалобно захныкала Вероника, понимая, что ей уже и сказать нечего. Матвей неожиданно начал хлопать её по попке и игриво пригрозил:

— Сейчас отшлёпаю, если будешь ворчать.

— Я просто боюсь, что ты опять обо мне забудешь… вдруг опять ляжешь и уснёшь? — обиженно запищала Вероника.

— Нет уж, сегодня такого точно не будет! Я же тебе сказал, посру и приду. Думаю, за это время твоя дырочка уже подсохнет.

— Ну ладно, давай, иди… — немного недовольным жалобным голосочком протянула Вероника. И в скором времени услышала его отдаляющиеся шаги. Опять она лежит на этой кушетке, а он уходит… но благо сейчас хотя бы массажёр не работает, не долбит её измученную дырочку. Это единственное, что её подбадривало. Даже пластырь на данный момент не тревожит её попку, не сжигает.

Вероника поняла, что сейчас один из самых приятных моментов, когда её попку ничего не тревожит. Она так подумала и даже постаралась насладиться этим моментом. Решила, что

не будет грустить, если придётся ждать долго… и всё же она надеялась, что долго ждать не придётся.

Глава 106. Обновление ранки

На самом деле Матвей ушёл, потому что проголодался. Сразу же направился на кухню и начал выискивать взглядом, чтобы покушать. Там ещё оставался один готовый обед, но он уже не хотел его кушать, потому что заказывал давно. Отлежавшуюся еду он не очень приветствует. Другое дело колбаса. Она особо не портится.

— Ну ладно, сойдёт на сегодня…

Он сделал себе бутерброд. И уже в тот момент, пока его кушал, копался в своём телефоне, выбирая разные готовые обеды для следующего заказа.

— Пока ты у меня полежишь, не будешь ничего готовить, — ехидно улыбаясь, думал Матвей. Раньше, когда он её не лечил, заставлял готовить. Пытался извлечь от неё хоть какую-нибудь пользу. Немного он скучал по этим временам, но мучить её ему нравилось сильнее, нежели извлекать из неё пользу в качестве поварихи. В конце-то концов он может и купить еду, пусть она не идеальная, не домашняя, но более-менее съедобная. По крайней мере имитация домашней еды. Пюре с котлетой ему особенно понравилось.

Матвей вернулся к ней через 15 минут. Довольно быстро по его меркам, но Вероника всё равно пожаловалась:

— Ой, тебя долго не было…

— Еду заказывал, а то жрать нечего, — пожаловался Матвей. — Очень плохо, что ты болеешь. Мне нравилось, когда ты готовила.

Вероника сразу же зажмурилась, стыдливо отвернулась и захныкала:

— Мне тоже нравилось готовить… хочу поскорее вылечиться.

— Ну, в последнее я верю, а вот в первое… по-моему, хитришь! — весело сказал Матвей, похлопав её по попке. Он ведь всегда сам заставлял её готовить. Ругая, прогонял на кухню. Что-то это не сходится с её словами о том, что ей нравилось готовить.

— Мне и правда нравилось, — повторила Вероника.

— Ничего, скоро поправишься. Буду опять гонять тебя на кухню! — игриво пригрозил Матвей. А сам уже в этот момент с хитрой улыбкой вытаскивал перцовый пластырь из своего ящика. «Мечтать не запрещается! Но на самом деле ты у меня ещё долго будешь лечиться, — язвительно подумал Матвей. — Ещё как минимум пару месяцев, или даже дольше! Может, даже всегда будешь лечиться! О, да! Я просто обожаю тебя лечить, вряд ли смогу отказаться от этого удовольствия». И как раз в эту секунду он с восторгом заклеил перцовым пластырем её анус.

— А-а-а… — со стоном вскрикнула Вероника. Ей было больно оттого, что он делал это грубовато, сильно сдавил её анус.

— Ничего-ничего, потерпи, — деловито сказал Матвей. Он ещё какое-то время прижимал пластырь к её анусу, несмотря на то, что он уже приклеился. А ещё, как и в прошлый раз, он чуточку вставил палец вместе с пластырем. Вероника тяжело дышала, но жаловаться не стала. Матвей неожиданно начал хлопать по тому месту, где брал у неё анализ. Там у неё тоже был приклеен пластырь, и его уже давно пора снимать.

— Как здесь ощущения? — спросил Матвей.

— Очень сильно чешется и жжется, — пожаловалась Вероника. — Но я терплю… и оттуда пластырь не слезает.

— Не слезает, потому что не дёргаешь, — деловито сказал Матвей. — Молодец, но сейчас уже пора снимать. Посмотрим, что у тебя там.

С хитрой улыбкой он аккуратно поддел кончик пластыря и начал стягивать. Под пластырем её кожа была красная-красная, и он с восхищением залюбовался. «О, да! Какая у тебя попка!» — подумал Матвей. Это место у неё выглядело замученным. Он, конечно, понимал,

что это из-за пластыря у неё покраснело, но этот вид заводил его. Но что самое ужасное, ему сразу же захотелось помучить это место ещё. Он отложил пластырь в сторонку, на стол, а потом сразу же принялся надевать перчатки.

— Немножко припухло, сейчас надо посмотреть. Надеюсь, не гноится, — соврал Матвей. На удивление её попка выглядела отлично. Было видно, что заживает без всяких нагноений. Но он соврал, чтобы был повод в очередной раз её помучить.

— О нет… только не это. Почему всё время гноится? — пискляво пожаловалась Вероника.

— Я ведь уже объяснял. У тебя иммунитет ослаб из-за того, что антибиотики много пила. Это нормально, такое бывает. Возможно, придётся ещё пропить антибиотики.

— Зачем, если это из-за них не заживает? — жалобно спросила Вероника.

— Антибиотики — это палка о двух концах. Когда ты их пьёшь, все болячки исчезают. Ну или как минимум начинают излечиваться. А вот после пропития уже садится иммунитет, и новые болячки заживать не хотят, — объяснил Матвей. Уже в этот момент он пальчиками обеих рук начал аккуратно пожимать её попку в том месте, где брал анализ. Пожимал вокруг прокола и как бы оценивал ситуацию.

— Сейчас посмотрю, если гноится, придётся прочистить.

— Нет… нет… это же опять будет больно, — испуганно визгнула Вероника, уже заранее предвкушая боль и ужас. Он ведь не так давно прочищал от гноя её подмышки, и это было ужасно болезненно.

— Ну что ты пищишь? Ты же знаешь, что иначе нельзя. Если не лечить нагноение, будет только хуже, — деловито разъяснил Матвей, продолжая щупать её попку. Теперь уже не просто пожимал, легонько ущипнул вокруг того места, где брала анализ. Делал вид, что пытается выдавить гной.

— Ну что ты молчишь? Скажи хотя бы, гноится или нет? — нетерпеливо спросила Вероника.

— Вот молчу, чтобы ты не запищала ещё сильнее, — ответил Матвей. Потом он взял ватный диск, промокнул его в спирте и протёр её заживающую ранку. Оттуда не вылез гной, и это его порадовало. Для него это по сути означало, что он может и дальше мучить её попку.

«Ну, ты мне сейчас покричишь! — язвительно подумал Матвей. — Что? Думала, легко отделаешься? Раз уж легла на эту кушетку, получишь по полной!»

Как всегда, он не мог остановиться. Если начинал её мучить, хотел делать это сильнее и сильнее. Он уложил её, потратил время на то, чтобы связать как следует, а в итоге только пластырь ей поменял. Конечно, она покричала, когда он протирал её анус спиртом, но ему этого было мало. Хотел большего. Гораздо большего. Хотел, чтобы она покричала от ещё более сильной боли.

— Нет-нет… значит, всё-таки гноится? — истерично спросила Вероника.

— Ну, поначалу мне показалось, что несильно. Надеялся, что можно обойтись без чистки. Но вот, когда надавливаешь, выходит, — деловито сказал Матвей, а потом снова легонечко ущипнул ей попку в том месте, якобы выдавливая гной. Потом протёр ватным диском.

— Эхе… эхе… — захныкала Вероника.

— Успокойся, я постараюсь сделать это быстро, — обещал Матвей. И с хитрой улыбкой уже в этот момент он начал вытаскивать из своей аптечки инструмент, похожий на отвёртку.

«Вот этим мы тебя будем чистить, обновим сейчас твою дырочку, — язвительно подумал Матвей, — может быть, даже ещё одну проделаем!» В прошлый раз он втыкал эту отвёртку по направлению вверх от её прокола. На этот раз решил ещё и ниже воткнуть. Смотрел на её попку с ехидной улыбкой и думал, с чего бы начать? С обновления прокола или с проделывания нового? «Вот ведь не задача! — хихикнул он мысленно. — Пожалуй, начнём с обновления».

— Будет больно, но нужно потерпеть, — деловито сказал Матвей, уже направив острие отвёртки к её проколу. Потом сразу же начал вводить эту отвёртку ей под кожу.

— А-а-а… а… как больно, что ты делаешь? — завизжала Вероника и сразу же задёргалась.

— Прочищаю твою ранку, собираюсь высасывать гной, — деловито разъяснил Матвей, и он ещё глубже ввёл отвёртку под её кожу.

— А-а-а, нет-нет… не хочу, — истерично закричала Вероника. Одной рукой она крепко обхватила пуфик, на котором лежит, как бы обнимала его, а второй начала хлопать по нему.

«Да, дорогая, покричи, а я буду делать тебе больно», — язвительно подумал Матвей. И в эту же секунду он начал возбуждаться, в яичках защекотало. С хитрой улыбкой он продолжил мучить её попку. Он уже довольно глубоко ввёл отвёртку под её кожу, вводить ещё не хотел. Поэтому он вытащил её, а потом сразу же начал вставлять обратно.

— А-а-а, не надо чистить… пожалуйста, я не хочу, слишком больно, — заплакала Вероника.

— Надо, дорогая, надо, — деловито сказал Матвей и ввёл отвёртку ещё глубже под её кожу. Максимум он вводил 2 см в горизонтальном направлении, чисто под кожу. Вертикально, естественно, не втыкал, чтобы не причинить сильный вред. Как обычно, он хотел сделать ей больно. Нравилось слушать её неистовые крики.

— Нет, пожалуйста… я больше этого не выдержу, — снова запищала Вероника. Матвей тем временем очередной раз вытащил свою отвёртку из её прокола, а потом сразу же снова вставил, заставляя её громко вскрикнуть. На этот раз Вероника не просто кричала, но ещё подняла голову и попыталась обернуться, чтобы посмотреть, что он там делает.

— А-а-а, как больно… что ты делаешь?

Матвей сразу же схватил её за затылок и начал толкать её голову вниз, заставляя лечь прямо.

— Не дёргайся, ты мне мешаешь, — пожаловался Матвей.

— Ну, пожалуйста, не надо больше чистить, — истерично повторила Вероника. — Слишком больно…

— Больно или нет, но надо прочистить, — сказал Матвей. Как раз в этот момент отвёртка уже была под её кожей и выделялась бугорочком.

«Да, вот это кадр! Жаль, что сегодня не получится заснять», — язвительно подумал Матвей. Не вытаскивая отвёртку из-под её кожи, пальчиками второй руки он начал пожимать это место, как бы с восхищением массировал.

— Эхе… эхе… пожалуйста, — плакала Вероника. Опять у неё в том месте возникла ноющая боль. Ей было больно даже сейчас, когда он не шевелит эту отвёртку. Она чувствовала её внутри. Даже чувствовала, как её кожа растягивается.

«Сейчас ещё немножечко подрочу твою дырочку отвёрткой, а потом проделаю ещё одну чуть пониже», — злостно решил Матвей. Потом он сразу же вытянул отвёртку из-под её кожи и вскоре начал обратно вводить туда же.

— А-а-а, — вскрикнула Вероника и снова вздёрнулась. — А-а-а, пожалуйста, так больно… хватит. Я не хочу, чтобы ты мне что-то там чистил. Пусть гноится, само ещё пройдёт.

— Вот уж нет, это нельзя пускать на самотёк, — строго сказал Матвей, а потом нарочно снова вытянул отвёртку из-под её прокола и сразу же вонзил обратно. Захотел, чтобы она ещё раз вскрикнула. И Вероника, конечно же, вскрикнула и вздёрнулась.

— А-а-а, не надо… я не хочу, не хочу, — ещё более истерично визгнула Вероника.

«Зато я хочу, милая, и даже очень сильно хочу!» — язвительно подумал Матвей.

— Успокойся, тут уже немного осталось, — соврал Матвей. На самом деле он ещё с этой дрочкой не закончил. Запланировал вонзить отвёртку в нижней части этого прокола.

— Нет, пожалуйста-пожалуйста… — визгнула Вероника, а он проигнорировал её мольбу. Снова вытянул отвёртку из-под её прокола и снова ввёл обратно на то же самое место.

— А-а-а, — в очередной раз истерично прокричала Вероника, задёргалась и на этот раз рукой потянулась к своей попке. — Хватит, что ты там делаешь? Так больно…

— Я ведь уже сказал, что я делаю: высасываю гной специальным аппаратом, — соврал Матвей, а сам нервно схватил её за запястье. — А ты мне тут мешаешь. Так и знал, что не дашь нормально работать, если не свяжу тебя.

И в этот момент он начал привязывать её руку к кушетке, чтобы она больше не смогла даже попытаться ему помешать. «Зря начала шалить своими ручками, теперь твоя попка получит вдвойне», — язвительно подумал Матвей.

— Пожалуйста, нет… не надо связывать, — визгнула Вероника.

— Ещё как надо, иначе ты мне не дашь прочистить твою попку.

— Не надо её чистить… ну, пожалуйста, очень больно, — истерично умоляла Вероника. Матвей тем временем обошёл кушетку и попытался схватить её вторую руку. Но тут он неожиданно столкнулся с сопротивлением. Вероника начала активно шевелить рукой, пытаясь помешать ему схватить её за запястье.

— Нет… нет! Пожалуйста… — кричала Вероника. Она понимала, если он сейчас свяжет её руки, сделает ещё больнее. Именно поэтому он и хочет связать её руки, чтобы у неё не было шанса сопротивляться.

— Что мне с тобой делать? На нервах решила поиграть? — вскрикнул Матвей. Конечно же, он схватил её за руку. Погонялся сначала немного за её запястьем, а потом одной рукой схватил чуть ниже плеча и крепко сжал. Теперь уже Вероника не могла так активно дёргать рукой, и второй рукой он схватил её за запястье.

— А-а-а… пожалуйста… — взмолилась Вероника.

— Я же сказал, это недолго. Так сложно потерпеть? — деловито спросил Матвей, уже и вторую её руку привязывая к кушетке.

— Больно… очень больно, — истерично сказала Вероника вымученным голосом и сразу же разревелась. Она опять связана по рукам и ногам, лежит вытаращив попу и никак не может помешать ему делать ей больно. И что самое интересное, она продолжала верить в то, что всё это необходимо, но всё равно не хотела терпеть. Боялась боли.

— Успокойся. Если бы ты не мешала мне, я бы уже прочистил весь гной из твоей ранки. Да и ранка-то не ранка, небольшой прокол, а ты визжишь как ужаленная, — отругал её Матвей. И он специально так говорил, чтобы она думала, будто бы он не делает с ней ничего ужасного, из-за чего можно так орать.

— Пожалуйста… — в ужасе произнесла Вероника и затаила дыхание. Понимала, что сейчас он снова сделает ей больно и это неизбежно.

— Тихо, — сказал Матвей, а потом с ехидной улыбкой снова поднёс отвертку к её попке. Хотел было ввести ей под кожу в том же месте, где уже многократно вводил, но передумал. «Пожалуй, на этот раз вставлю в другое место», — язвительно подумал Матвей.

— Сейчас буду прочищать с нижней стороны, лежи тихо, — предупредил Матвей. Она, конечно, не могла особо дёргаться, но ему всё равно захотелось так сказать, чтобы напугать её ещё сильнее.

— Пожалуйста… — начала было говорить Вероника и как вдруг почувствовала, как холодный металл пронзает её плоть. Она широко открыла рот и искривила лицо в болезненной гримасе. Она прямо чувствовала, как он что-то вонзает в неё, но не могла ни в чём его обвинить. Не могла сказать, что это не чистка… и она в очередной раз неистово закричала.

«Да, милая, да! Кричи! — язвительно подумал Матвей. — Кричи и дёргайся! Вставлю, пожалуй, ещё глубже». И сразу же с ещё большим удовольствием он продолжил вводить отвёртку ещё глубже ей под кожу. Вводил как обычно, удерживая отвёртку в горизонтальном

положении на глубине 5—7 мм под её кожу. Так как он сейчас делал ей новый прокол, отвертка входила туго. Одной рукой он толкал отвёртку, а второй придерживал её попку.

— А… а… хватит! Хватит! — умоляла Вероника. Она дрыгала попкой, пыталась дёргаться, но как обычно это было бессмысленно. Она не пыталась убежать. Просто не знала, как пережить эту ужаснейшую боль.

— Ещё не хватит, милая. Я пока ещё только вставил прибор, даже гной всасывать не начал, — сказал Матвей, ехидно улыбаясь.

«Интересно, чтобы такое придумать, чтобы ты подумала, будто бы я гной там твой высасываю?» — задумался Матвей. Впрочем, хорошая мыслишка пришла ему на ум сразу же. «Точно! Можно крутануть отвертку!» Он ехидно улыбнулся и сразу же начал реализовывать свой чудовищный план. Он уже ввел отвёртку примерно на 2 см ей под кожу и начал медленно её крутить.

— А…. а… больно, больно! — закричала Вероника, дёргаясь.

— Уже началось. Чувствуешь, высасываю гной? — спросил Матвей, ехидно улыбаясь.

— А… а… не знаю, но так больно… так больно, я не хочу… пожалуйста. Может, уже хватит чистить? — истерично умоляла Вероника. Она говорила вымученным голосом и тяжело вдыхала после каждого сказанного слова. И это говорило о том, что ей уже действительно очень-очень больно.

«Терпи, дорогая, терпи! Тебе никуда от этого не деться! — язвительно подумал Матвей. — Буду дрочить тебе отвёрткой столько, сколько пожелаю!» Он покрутил отвертку под её кожей, а потом чуть вытянул и снова покрутил. Потом полностью её вытянул и вставил обратно вдоль прокола.

— А… а… пожалуйста-пожалуйста… — умоляла Вероника. Снова она дёргалась, пытаясь показать, насколько ей больно. А Матвей смотрел на это и только наслаждался, глядя на её страдания. Продолжал водить отвёрткой под её кожей. То вытаскивал отвёртку, то вводил обратно, а потом ещё крутить её начинал.

— А… ну, пожалуйста, перестань, — снова взмолилась Вероника.

— Извини, но пока не могу перестать, — деловито сказал Матвей. И всё же в этот момент он вытащил отвёртку из-под её кожи и отложил её в сторонку. Взял чистый ватный диск, продезинфицировал и начал протирать то место, где ей тыкал. Он уже протирал ей там спиртом, но решил повторить на всякий случай.

«Вот так вот подготовим попку к очередной очистке», — мысленно хихикнул Матвей. И вот он снова взял в руки отвёртку и приложил поверх её прокола поперёк. Как бы примерялся. Думал, стоит ещё и так вонзать в неё отвертку или же нет. «Конечно же, да! — хихикнул он мысленно. — Ты сегодня провинилась, так что попка должна получить как следует».

Вероника тем временем лежала и чувствовала, что он помышляет что-то ещё.

— Пожалуйста, только не надо больше чистить, — жалобно сказала Вероника.

— Так я ещё не дочистил, как же не надо? — деловито сказал Матвей. Сделал своё злобное выражение лица, улыбнулся краем губы и снова начал вводить отвёртку ей под кожу. Теперь уже вводил на новое место, поперёк остальным проколам.

— А… а… — закричала Вероника. На этот раз она задёргалась особенно сильно. Обычно она только вперёд дёргалась, а на этот раз начала вилять попкой из стороны в сторону. И когда она так сделала, его отвёртка чутка вылезла из прокола. И это при том, что он не успел углубить её настолько, насколько собирался.

— Лежи спокойно, — сказал Матвей, а потом как вдруг шлёпнул её по попе прямо в своих медицинских перчатках.

— Больно… эхе… эхе… — захныкала Вероника, — пожалуйста, перестань! Ты меня как будто вообще не слышишь…

«Слышу, дорогая, но игнорирую!» — язвительно подумал Матвей. Ей, конечно же, ответил иначе.

— А какого ответа ты от меня ждёшь? Надо прочистить, — деловито сказал Матвей, а потом в очередной раз вонзил в неё отвёртку. Довольно быстро ввёл приблизительно 2 см под её кожу в тот прокол, который проделал недавно, начал потом крутить отвертку. Несмотря на то, что диаметр отвертки от кончика и по всей длине был одинаковый, ей всё равно в этот момент было больно. Она чувствовала, как металл скользит под её кожей, и кричала:

— А… а… хватит, пожалуйста, — повторяла Вероника.

«Не так быстро, дорогая! — язвительно подумал Матвей. — Я ещё только-только вошёл во вкус!» Он мысленно ухмыльнулся, а потом продолжил своё злостное деяние. Ещё покрутил отвертку в несколько оборотов, потом полностью вытащил её и снова вставил. И когда вставлял, ей было особенно больно. Изнутри он царапал её плоть, дополнительно повреждая её нервные окончания. Вероника не выдержала, громко закричала и снова подёргала попкой из стороны в сторону.

— А… пожалуйста…

Она плакала и говорила вымученным голосом, а Матвей, вместо того, чтобы пожалеть её, наоборот, только отругал.

— Я же сказал не дёргаться!

Он воспользовался моментом, чтобы шлёпнуть её. Опять ударил сильно, а сам довольный улыбался.

— Эхе… эхе… так больно, пожалуйста… — захныкала Вероника.

— Ты же знаешь, это меня заводит, — неожиданно сказал Матвей и в очередной раз сильно шлёпнул её по попе. От боли Вероника не сразу сообразила, о чём это он. Подумала о самом ужасном. Решила, что ему нравится причинять ей боль, что это его заводит.

— Что? Что ты сказал? — в ужасе переспросила Вероника. Матвей шлепком приложил ладонь к её попке, а потом начал потряхивать рукой.

— Вот это меня заводит, твоя голенькая попка! Заставляешь наказывать тебя. А знаешь, чем это грозит для тебя? — игриво спросил Матвей. В этот момент он прижался к её бедру своим выпирающим членом. Он был в домашних шортах, но Вероника всё равно почувствовала, что он возбуждён. Ещё пуще захныкала. Она не была готова заниматься сексом. Только не сейчас, ведь ей так больно и страшно. И что самое ужасное, он возбудился именно сейчас, когда начал чистить её ранку от гноя. Это настораживало её, но она всё равно верила в то, что он действительно вычищает её рану от гноя.

— Эхе… эхе… я не хочу сейчас… — пискляво пробормотала Вероника, опустив голову.

— А вот я хочу, милая. Ты такая классная, сексуальная, — сказал Матвей, поглаживая её попку, — мне сложно лечить тебя и не заводиться. Так что ты уж не обижайся…

Он решил не скрывать своё возбуждение, ведь у него появилось этому оправдание. Он ведь сказал, что его возбуждает её голенькая попка, и она должна в это поверить. «А на самом деле вот что меня заводит», — язвительно подумал Матвей. В этот момент он снова начал вводить кончик отвертки ей под кожу. Сделал это, даже не предупредив, и Вероника в очередной раз неистово закричала:

— А… а.. а… опять… пожалуйста, не надо…

Она уже не могла спокойно лежать, снова задёргалась. «Ну, давай, дёргайся! Дергайся, моя дорогая, у меня будет повод делать так», — язвительно подумал Матвей и в очередной раз шлёпнул её. Он нарочно шлёпал её сильно, чтобы ей было хоть немножечко больно. Но главное, он хотел, чтобы это показалось ей наказанием, а не заигрыванием.

— Что я тебе говорил? Хватит уже дёргаться, — деловито сказал Матвей. — Сейчас закончу, а шалости потом.

— Я не хочу… не хочу никаких шалостей… так больно, — истерично пропищала Вероника.

— Зато я хочу, милая! А то с этим твоим бесконечным лечением даже пошалить не успеваем, — пожаловался Матвей. — С такими темпами я скоро вообще забуду, что ты моя жена. Буду смотреть на тебя только как на пациентку.

Он говорил деловито, будто бы и всерьёз так думает. И, конечно, Вероника тоже задумалась об этом. Подумала, что не может постоянно увиливать от секса. Но стоило ей задуматься о том, что он снова даст ей в рот, она с отвращением открывала рот и заранее хотела плеваться.

Матвей говорил с ней, а сам в очередной раз смочил ватный диск и прошёлся по её коже. Потом ещё раз протёр спиртом отвёртку, а после сделал ужасное. Начал вонзать отвёртку на новое место, в противоположное от предыдущего прокола.

— А-а-а… — в диком ужасе закричала Вероника. Она не и не думала, что он снова сделает ей так больно. Думала, что он уже заканчивает…

— Тихо, милая, уже почти всё, — обещал Матвей.

— А… пожалуйста, хватит… я скоро умру от боли, — в слезах пожаловалась Вероника. — Эта чистка даже больнее, чем анализ.

«Конечно же, больнее! Только догадалась, глупенькая? — язвительно подумал Матвей. — Я в тот день скромничал, только в одну точку воткнул отвёрточку, а сейчас получаешь по полной программе! Дырочки в четырёх местах: сверху, снизу, по бокам! О да!» В этот момент он вытащил отвёртку из-под её кожи и указательным пальчиком погладил кожу вокруг прокола.

— Я же сказал, почти уже всё, — деловито сказал Матвей, а сам в эту же секунду снова ввёл отвертку ей под кожу.

«Новую дырочку ещё не раздрочили! — язвительно подумал он тут же, ухмыляясь. — Да, милая, мне не достаточно твоего ротика и попки, я ещё под кожу люблю подлезть! Вот не будешь на докторов заглядываться! Мы любим тыкать иголочками!» И с большим удовольствием он начал крутить отверткой под её кожей, потом ещё подвигал её вперёд-назад, не полностью вытаскивая из-под её кожи.

— А… а… — в ужасе кричала Вероника и дёргалась и дёргалась. И неожиданно он снова шлёпнул её по попе.

— Хватит, я сказал, — сердито сказал Матвей, как бы запрещая ей дёргаться. Он шлёпнул её, а сам на этот раз даже не стал вытягивать отвёртку. Её кончик оставался у неё под кожей.

— Прошу, очень больно… скоро ещё закончишь чистить? — писклявым голосочком спросила Вероника.

— Уже скоро, — как обычно сказал Матвей, а сам продолжил мучить её попку. «Кажется, в этой дырочке я ещё мало поковырялся», — подумал он язвительно, а потом ввел отвёртку в первый прокол. Снова пошевелил ею вперёд-назад, как бы эмитируя движения как во время секса. «О да! Да! Я обожаю дрочить тебе так. Интересно, ты чувствуешь, как у тебя там скользит под кожей?» — язвительно подумал Матвей. Вероника тем временем неистово орала:

— А… а… ну хватит…

И опять она задёргалась. Сжимала свои маленькие кулачки, кричала и тяжело дышала. «Терпи, милая, терпи! — с ехидной улыбкой подумал Матвей. — Мне ещё не надоело заставлять тебя кричать». И он продолжил. Вытянул отвертку из её верхнего прокола и начал вставлять вниз. И так он ещё раз прошёлся по всем её проколам. И теперь уже не просто вставлял и вытаскивал отвертку, а крутил её и шевелил вперёд-назад.

— А… а… а… — кричала Вероника снова и снова, а он не останавливался. Насмехался над ней мысленно и продолжал мучить. «Да, милая, мне несложно это делать. А тебе сложно кричать?»

Ей уже было настолько больно, что она была не в том состоянии, чтобы разговаривать с ним. Она теперь уже даже не умоляла его остановиться. Только кричала и кричала, прерываясь

лишь для того, чтобы вдохнуть. Её попа теперь ныла сильной ноющей болью даже в те моменты, когда он ничего не делал.

Матвей вытянул отвертку из-под её кожи, а она всё равно ещё продолжала кричать:

— А… а…

— Что я тебе говорил? — спросил Матвей и снова неожиданно её шлепнул.

— А… а… так больно… — пробубнила Вероника и разревелась.

— Так и хочется отшлёпать тебя за то, что не лежала спокойно.

— Скажи, что закончил? Пожалуйста, скажи… я больше не выдержу, — истерично взмолилась Вероника.

— Я закончил, — наконец-то сказал Матвей. И сразу же он ещё раз протёр её попку заспиртованной ваткой в том месте, откуда вводил внутрь отвёртку. Ранка там у неё была маленькая. Всего лишь точечка, но сколько боли она пережила… даже сейчас, когда уже всё закончилось, она продолжала покрикивать и плакаться, тяжело и часто дышала.

Матвей приложил заспиртованную ватку к её ранке и начал потряхивать рукой. Деловито повторил:

— Успокойся, я закончил.

— Это было так больно… ужасно больно… — дрожащим голосом сказала Вероника.

— Так бывает, иногда места анализов гноятся и приходится чистить.

— Я никогда так больше не хочу… не надо больше брать у меня анализы.

— Пока не надо, — деловито сказал Матвей. — Мы ведь уже взяли.

Вероника слезливо продолжила хныкать и больше ничего не говорила. Он убрал ватку с её попки. Уже действительно больше ничего не делал, но ей всё равно было больно. Из-за спирта её ранка начала сильно-сильно пощипывать, и болела не только одна точка. Боль распространялась глубже, он ведь изнутри у неё там поковырялся отвёрткой.

— Наложу обычную повязку с марлей и кремом, — предупредил Матвей и уже копошился в своей аптечке. — Восстанавливающий пластырь пока нельзя клеить, твоя кожа и так красная.

Вероника ничего не сказала, только продолжила хныкать.

— Это я к тому, чтобы ты была очень аккуратной. Такая повязка легко может стянуться, и под одеждой даже не заметишь. Нельзя, чтобы в ранку попала инфекция.

— А ты не можешь приклеить обычный пластырь? — спросила Вероника. Вот сейчас она начала бояться, что его повязка упадёт и в её ранку попадёт инфекция.

— Нет, обычный пластырь сейчас не нужно клеить, — деловито возразил Матвей. — Я хочу подсушить немного твою ранку, чтобы больше не гноилась. А ещё намажу кремом с антибиотиком. Это точно должно помочь.

— Правда? Такой крем существует? — удивилась Вероника и сразу же жалобно спросила: — Почему же тогда ты раньше не мазал мне таким? Может быть, не загноилась бы.

Она сразу обижена подумала, что могла бы избежать всех этих мучений, если бы он раньше помазал её таким кремом.

— Я надеялся, что можно обойтись без этого крема. Я ведь объяснял, с антибиотиками особо увлекаться нельзя… но сейчас уже у нас особого выбора нет, так что на мажу.

Как раз в этот момент он вытащил из своей аптечки крем, выдавил буквально капелюшечку и прошёлся по её ранке. Намазал тоненьким-тоненьким слоем, а остатки крема вытер, об марлевую накладку, которую собирается прикладывать к её ранке.

«Хорошо я поковырялся в твоей попочке! Ох, как хорошо!» — язвительно подумал Матвей. И конечно сейчас он просто перестраховывался. И сам боялся, что у неё там может загноиться. Это частое явление. Даже если соблюдать все правила дезинфекции, кожа может загноиться чисто из-за того, что повреждена. А он ведь в четырёх местах вонзил в неё отвёртку.

Это будет катастрофа, если у неё начнётся нагноение. Тем более это место такое… не какой-нибудь пальчик, который если что можно отрубить. С попкой нужно быть осторожнее.

— Ну всё, милая, попку обработали, — сказал Матвей, прикладывая бинт к её ранке. Сам, как обычно, улыбался.

«Ах, как хорошо обработали! Я аж сам в восторге», — думал Матвей. Конечно, он не собирался настолько сильно мучить её, однако увлёкся, перестарался. Впрочем, не жалел. Ему очень понравилось, как она кричала и дёргалась. Сжимала свои кулачки от боли. Даже сейчас, прикладывая бинт к её попке, он вспоминал те моменты и заводился. И его член уже стоял, в яичках снова защекотало от приятных воспоминаний.

«Зря я, конечно, твою дырочку заклеил, а то бы сейчас трахнул, — подумал Матвей, мечтательно кусая свою губу. — Или всё-таки снять пластырь и трахнуть? А что? Можно и так сделать».

Одно его только сдерживало: он ведь говорил ей, что эти восстанавливающие пластыри дорогие. Будет странно, если он сейчас сдёрнет пластырь, который наклеил только что ради того, чтобы её трахнуть. И он не хотел разрушать миф о дорогостоящем пластыре.

«Но твой ротик не заклеен! Так что можно трахнуть тебя в ротик», — подумал Матвей. Но минет он никогда не считал полноценным сексом чисто потому, что он не сможет как следует вставлять. Даже если вставит глубоко пару раз и вытащит, это всё равно будет не то. Ощущения другие, и плюс постоянно нужно думать о том, чтобы она не задохнулась. Придётся прерывать процесс и позволять ей вдыхать… ему сейчас хотелось заняться полноценным сексом, но он пожалел перцовый пластырь, который наклеил на её попку.

«Ну ладно, успеешь ещё трахнуть её», — сказал он самому себе. Потом взял накладку из треугольной стопки и начал прикладывать к её попке. Конечно же, накладка уже была в резиновом чехле из секс-игрушки и обмотана марлей. Так он спрятал от неё саму стопку, чтобы она не знала, что это не какая-то там особая медицинская накладка, а всего лишь навсего обычная стопка. И он специально приклеивает эту стопку к её анусу, чтобы ей было больно садиться.

«Да, милая, никаких похождений по дому! Теперь всегда будешь с криком садиться», — язвительно подумал Матвей, а сам милым голосом сказал ей:

— Ну всё, милая, сейчас приклею накладку и спущу тебя отсюда.

— Эхе… эхе… — захныкала Вероника. — Даже сейчас ещё болит.

Она никак не могла отойти от произошедшего, всё ещё тяжело дышала и похныкивала.

— Ничего, пройдёт. Сразу после чистки может немного поболеть, но это нормально.

Глава 107. В ротик

Матвей приклеил накладку к её анусу, а потом начал поглаживать её попку. Залюбовался и мечтательно подумал: «в следующий раз и отсюда надо будет взять анализ сразу же с двух сторон. Уже представляю, как ты орёшь! Да, дорогая, я не скоро отстану от твоей попки, она у тебя много и повидает!»

— Что ты делаешь? — спросила Вероника.

— Да так вот, залюбовался, — сказал Матвей и с хитрой улыбкой похлопал её по попке обеими руками. Опять мечтал, как будет тыкать ей там иголками, заставляя её кричать снова и снова, как делала это сегодня. Его член стал ещё твёрже, и в шортах ему уже стало неудобно.

— Не надо… ты же сказал, что сейчас наклеешь и спустишь меня, — жалобно напомнила Вероника.

— Ну конечно, милая, уже развязываю, — сказал Матвей и действительно принялся снимать ремни. Сначала освободил её щиколотки, потом спинку у талии, а руки оставил напоследок. Потом он аккуратно поднял её и понёс на кроватку. Попытался уложить её на спину, но Вероника сразу же запищала:

— Ой, только не сажай меня.

Теперь она до жути боялась садиться, потому что из-за накладки её попка очень сильно болела.

— Хочешь на животик прилечь? — спросил Матвей и тут же поведал: — А я хотел показать тебе кое-что.

— Что ты хотел показать? — спросила Вероника. Матвей всё-таки уложил её на живот, а потом схватил её за запястье и подвёл руку к своему члену.

— А вообще показывать не обязательно! Ты можешь сама почувствовать.

— Ну нет… я сейчас не готова. — жалобно протянула Вероника.

— Ты всегда не готова! — пожаловался Матвей, а сам уже в этот момент начал раздеваться. Снял шорты, а потом футболку тоже. На этот раз ему захотелось остаться голеньким, ведь сам процесс раздевания делает соитие более интимным. А учитывая то, что он не сможет войти в неё нормально, это очень важно.

Матвей полностью разделся, а потом начал присаживаться на самый верх кровати.

— Нет! Что ты делаешь? Не надо! — продолжила Вероника пищать. Чтобы присесть, он обхватил её за плечи и чуточку приподнял её тельце, потому что его голова мешала ему протиснуться между нею и спинкой дивана.

Он убрал её подушку и огляделся. Сначала он думал, куда бы временно бросить эту подушку, а потом засунул под свою спину.

— Вот так будет лучше.

— Пожалуйста, я же сказала, что сейчас не готова.

— А ты всегда не готова! Который раз уже ты меня динамишь? — деловито спросил Матвей. В этот момент он уже обхватил свой член и начал активно его тереть, второй рукой потянулся к её голове, начал хватать за волосы.

— Эхе… эхе… — захныкала Вероника, понимая, что на этот раз ей точно не увильнуть.

— Ну, чего молчим? — деловито спросил Матвей.

— Ну пожалуйста… — пробубнила Вероника, стараясь не открывать рот слишком сильно. Боялась, что он вставит прямо сейчас, воспользовавшись моментом, что она немножечко открывает ротик, пока отвечает ему. Она не была готова к такому. Да и в целом не хотела сосать… как всегда, мечтала избежать этого неприятного момента.

— Ну, отвечай, сколько раз продинамила? — деловито переспросил Матвей. — Или, если не хочешь говорить, тогда открывай свой ротик. Ты же всё равно это сделаешь. Зачем тянуть?

С ехидной улыбкой он начал поглаживать её губы указательным пальчиком, а Вероника замерла от волнения, ничего не говорила. Ну и сопротивляться боялась.

— Открывай, — игриво повторил Матвей. — Надеюсь, ты не заставишь меня применить силу?

По её телу сразу же пробежался холодок. Она не хотела с ним ссориться. Но понимала, если откажет, он начнёт злиться и обязательно силой заставит её открыть рот. Он уже так делал… всегда заставляет, если она отказывает. Ещё зачем-то спрашивает, сколько раз она его продинамила? А ведь, если задуматься, — нисколько. Всякий раз, когда он хочет, берёт её силой.

Стоило ей так подумать, и обида сразу же кольнула по её самолюбию, но особо задумываться времени у неё не было. Матвей уже устал ждать, несмотря на то, что не прождал даже двух минут. Неожиданно он перестал гладить её губки пальчиком, вместо этого схватил за челюсть и начал сжимать.

— У меня хорошая идея. Давай наденем те замечательные протезы, которые я сделал для тебя. Давно я не трахал тебя в них.

Едва ли он успел договорить и сразу же начал вставать.

— Пойду принесу их.

Протезы были на втором этаже, но он не ленился сходить за ними. Стоило только вспомнить, как её зубки царапают его член, когда он пытается запихнуть глубже, и лень сразу же улетучилась. Лучше надеть на неё протезы и взять её спокойно.

— Нет, только не это! Ну пожалуйста! — визгнула Вероника. — Я открою рот.

— Ну конечно откроешь, — немного язвительно произнёс Матвей, а потом похлопал её по затылку.

— Нет, ну пожалуйста! Я не хочу надевать эти ужасные протезы.

— Хватит капризничать, ты уже надевала их, — напомнил Матвей. — И как я о них забыл? Они как раз не позволяют тебе сильно закрывать ротик. Плюс защищает мой инструмент от твоих острых зубок.

— Эхе… эхе… ну пожалуйста, — жалобно повторила Вероника. — Мне они не нравятся.

— Зато мне очень даже нравятся! Не скучай, я скоро вернусь.

— Нет, ну нет… — повторяла Вероника. Матвей тем временем уже отдалялся.

Он отсутствовал приблизительно 3 минуты. Шустро поднялся, взял протезы и спустился обратно. Заглянул в ванную комнату, чтобы прополоснуть их, а после вернулся к ней.

— Вот они, твои прекрасные протезы! То, что нужно для твоего ротика, — с ухмылкой сказал Матвей, присаживаясь на своё место рядом с ней. Потом сразу же раскрыл ладонь и показал ей эти протезы.

— Фу, какая мерзость! — нахмурив бровки, сказала Вероника и сразу же начала отворачиваться.

— Что за глупости, никакая не мерзость, — возразил Матвей. — Между прочим, я только что ходил в ванную и вымыл их как следует. Я же знаю, что ты у меня брезгливая девочка, всё тебе чистенькое подавай.

— Они всё равно противные… вместо зубов эта резина! Хочешь вставить это мне в рот, чтобы превратить меня в свою секс-игрушку? — обиженно сказала Вероника. Именно так она воспринимала ситуацию.

Матвей хихикнул.

— Мне даже в голову не приходило так подумать. Но если посудить, то ты права, сейчас ты у меня превратишься в секс-игрушку, в мою секс-куколку! — насмешливо, но в то же время игриво сказал Матвей. Он хитро улыбнулся, а потом схватил за волосы и заставил приподнять голову, второй рукой начал подносить протез к её губам.

— Давай, открывай свой ротик.

— Нет, ну нет… — жалобно протянула Вероника и начала отворачиваться.

— Позлить меня решила? — возмутился Матвей. Он сразу же ещё крепче схватил её за волосы и заставил насильно уложить голову прямо, снова начал прижимать протез к её губам.

— Я же ведь говорил тебе, ротик мой, и ты с этим не споришь. Или ты хочешь, чтобы я содрал пластырь и взял тебя в попку? — спросил Матвей.

— И тогда ты не станешь засовывать мне в рот эту гадость? — сразу же спросила Вероника.

— Вот ты хулиганка! Я это просто так сказал, думал, откажешься. А ты всерьёз думаешь разрешить в попу? — возмутился Матвей. — Не жалко попку? Будет больно!

Вероника закрыла глаза и, похныкивая, сказала:

— Эхе… эхе… мне было сегодня так больно, когда ты там чистил… так ужасно больно, что секс с этим не сравнится.

Она с содроганием вспоминала этот момент… не хотела вспоминать, но всё равно вспоминала. А Матвею было неприятно слушать. Он не жалел её, но звучало это как обвинение. Именно поэтому ему не понравилось. Но всё же он не стал как-то ругать её за такие слова, ещё сильнее поднял её голову выше и в очередной раз прижал протез к её губам.

— Открывай рот и хватит капризничать, иначе сейчас сердиться начну, — сказал Матвей.

— А ты точно её помыл? — недоверчиво переспросила Вероника. Впрочем, на самом деле она просто попыталась оттянуть время, но не вышло. Матвей терпеть не может, когда проявляют недоверие. Он ведь уже сказал, что помыл, и поэтому даже отвечать не стал. Ещё крепче прижал протез к её губам и сердито повторил:

— Открывай.

Вероника начала медленно неохотно открывать рот, издавая звуки недовольства. То ли покрикивала, то ли стонала, а он уже в этот момент вставлял в её ротик протез. Довольно грубо запихнул, но сел он идеально, ведь был изготовлено специально для её ротика.

— Вот так вот, другое дело! — удовлетворённо сказал Матвей. Он сразу же засунул ей в рот указательный палец и начал поглаживать её язычок, а также гладил зубки, уже прикрытые силиконом от протеза.

— Сразу же мягонькая стала! — довольным игривым голосом сказал Матвей. — А теперь давай соси его поскорее.

Он сразу же обхватил свой член и направил в её ротик.

— А… м… — с жалобным стоном промычала Вероника. Нахмурилась, осознавая, что это неизбежно. Он сейчас точно вставит ей в рот, и этого никак не избежать. Как обычно, она воспротивилась, несмотря на то, что уже раньше это делала. Уже много раз это делала… и всё равно не могла перестать противиться.

Из-за протеза её рот не закрывался полностью. По сути, она даже не открыла рот, просто не могла его полноценно закрыть, и он этим воспользовался. Прижал залупу к её полуоткрытому ротику и начал давить на её затылок. Вероника не могла сопротивляться, и её ротик открылся сам по себе, и уже в следующее мгновение она ощутила на языке его мягкую влажную залупу.

— Соси, — приказал Матвей, и вставил в её ротик ещё глубже.

— М… — еле слышно мыкнула Вероника и затаила дыхание. Она уже приложилась языком к его залупе и замерла от омерзения. А ещё ей показалось, что она чувствует какой-то вкус, немного солоноватый, но ещё какой-то противный… он даже не подмылся и суёт ей в рот. Это первое, о чём она подумала, и ещё сильнее воспротивилась.

— Соси или ты хочешь, чтобы я сделал так? — спросил Матвей, а потом начал сам двигать её голову вперёд-назад. Вероника почувствовала, как его залупа скользит по её языку. Она снова и снова мычала, покрикивая, а он продолжал двигать её голову.

— В принципе, можно и так! Пожалуй, я не буду сильно ругать тебя за медлительность, — ухмыльнулся Матвей. И он специально назвал это медлительностью, чтобы не было причин сердиться и наказывать её. В конце-то концов, он ведь вставил и трахает её ротик, и она не особо сопротивляется, хотя может это делать.

— Да, вот так вот! Да! Это классно, твои зубки теперь не царапаются! Мне нравится, — довольным голосом сказал Матвей в очередной раз подвигав её голову вперёд-назад. — О, да! Очень нравится!

Глубоко он не запихивал, однако Веронике всё равно было тяжело дышать. Стоило ей попытаться вдохнуть, и она чувствовала у основания языка его залупу. Иногда он забывался и пытался протолкнуться глубже, и она не могла сопротивляться, потому что он давил на её затылок. Впрочем, она даже не пыталась сопротивляться. Знала, что он разозлится, и поэтому терпела. Терпела сколько смогла, но потом, когда недостаток кислорода стал критическим, она вздёрнулась и закашляла.

— Кхе… кхе…

— Ты чего это? Я ещё даже не вставил нормально! — с недовольством сказал Матвей, а сам злобно подумал: «надо бы сделать с этим что-нибудь!» Конечно, здравый ум подсказывал, что с этим ничего не поделаешь. Девушка не может не задыхаться, если запихнуть ей по самое гланды, но он ведь доктор и может найти решение.

«Нужно будет сделать тебе трахеотомию!» — с ухмылкой подумал Матвей. Он уже давно мечтает трахнуть девчонку, которой установили трахеостому, только где такую найти? Раньше это было невозможно, но сейчас у него есть жена, которая позволяет творить с ней всякое.

Впрочем, он понимал, что это серьёзная процедура, и пока ещё он не осмеливался на такие медицинские вмешательства, тем более не санкционированные вне больницы. Всё-таки побаивался. Манипуляции с её попкой он ещё как-то может объяснить. И вообще он же может отрицать, что жёстко тыкал её… ну, это в случае, если у неё пойдёт заражение, и он не сможет её излечить. Он и о таких последствиях думал. Но это его всё равно не останавливало.

А вот трахеотомию просто так не сделаешь. Это должно как-то быть зафиксировано в её карте. Должна быть серьёзная причина для установления трахеостомы. «Но ничего, я найду причину!» — ухмыляясь, подумал Матвей.

Она откашлялась, и он снова вставил в её ротик и продолжил двигать её голову вперёд-назад снова и снова. И сам при этом мечтал о том, чтобы сделать ей трахеотомию.

«Потом смогу пихать беспрепятственно! О, да! Это точно будет круто, — восторженно подумал Матвей. — Могу даже вставить и не вытаскивать часами! Хочу-хочу!» И опять он начал возбуждаться от своих собственных фантазий.

Минут через 5 Матвей почувствовал, что она сильнее сжимает своими протезами его член. Вроде бы и приятно, но иногда не очень. Всё же ему показалось, что будет лучше, если она сильнее откроет рот. Неожиданно он вытащил член из её рта и с ухмылкой спросил:

— Что такое, устала? Ротик уже плохо открывается?

В этот момент он похлопал её по щеке, что особенно не понравилось Веронике. Выглядело как насмешка. Но она ничего не сказала, только нахмурилась и захныкала. С тех пор, как он вставил ей в рот эти протезы, она даже не пробовала говорить. Помнила о том, что тяжело разговаривать с этими протезами во рту… да и желания у неё такого не возникало. Что она может ему сказать? Если попросит его прекратить это, он опять разозлится. Снова скажет, что она его динамит.

— Постарайся ради меня, — игриво сказал Матвей и снова вставил ей ротик. Начал в активном режиме двигать её голову вперёд-назад.

Ещё пару минут так он трахал её ротик, а потом захотел ставить глубже. Впрочем, без предупреждения делать этого не стал, сначала игриво спросил:

— А как насчёт глубже?

Вероника сразу же вздёрнулась. Хотела вытащить член изо рта, чтобы сказать: «не надо». Однако Матвей не позволил.

— Нет-нет-нет, не надо убегать! — игриво сказал Матвей и начал давить на её затылок. — Давай, глотай его вот так вот, целиком.

Уже в следующем мгновенье его член протиснулся глубоко в её ротик. Вероника почувствовала, как он своим членом сдавил основание её языка и полностью перекрыл её кислород. Он замер, прижимая залупу к её горлу, а Вероника ничего не могла поделать. Она боялась сопротивляться и просто терпела.

— Вот так вот, замечательно, — удовлетворённо произнёс Матвей.

Вскоре он вытащил член из её рта, а потом продолжил двигать её голову вверх-вниз, вверх-вниз снова и снова. Он даже не позволил ей отдышаться, и поэтому Вероника начала покашливать. Но даже в этот момент она не сопротивлялась. Она кашляла, а он всё равно засовывал в её ротик, будто бы не замечая этого.

— Вот так вот, да, соси! — возбуждённо повторял Матвей. Вопреки её обиженным фантазиям, он замечал её кашель и нарочно не позволял нормально отдышаться. Ему нравилось трахать её кашляющую. Забавляла то, что она не решается сопротивляться.

«Вот так вот, милая, терпи. Для этого ты здесь, чтобы терпеть! — язвительно подумал Матвей. — Наконец-то отдала мне свой ротик, даже вздёрнуться боишься!» Он ведь всё время повторял, что это единственное, чего он хочет, — чтобы она сосала ему и не сопротивлялась. И вот, наконец, этот момент настал. Она не сопротивляется и позволяет ему трахать свой ротик снова и снова.

— О да, да! Бери глубже, — произнёс Матвей и в очередной раз вставил глубоко, по самые её гланды. Как обычно в такой момент замер, прижимая её голову к себе. Замер буквально на 5 секунд, а потом снова обеими руками схватил её голову и принялся двигать вверх-вниз. И опять он это сделал, не позволив ей отдышаться.

— Вот так вот, молодец, — нахваливал Матвей. На этот раз он был ещё более грубым и резким. Вероника не сдержалась и начала сильно кашлять. Поперхнулась своими собственными слюнями. Она вынужденно вздёрнулась и громко закашляла.

— Кхе… кхе…

Матвей неожиданно начал хлопать её по затылку, а сам при этом ничего не говорил. Зато он язвительно подумал: «трахеотомия тебе обеспечена! Это только вопрос времени. Сейчас немножко подлечим твою попку, а потом отправишься на операцию с „осложнениями!“»

Он уже придумал, как сделать ей трахеотомию по медицинским показаниям. Можно искусственно вызвать у неё осложнения с дыханием. Например, в результате аллергической реакции. Конечно, он запросто может провести процедуру по установке трахеостомы даже дома, однако боялся последствий. Вдруг ей всё-таки удастся сбежать от него, и вдруг полиции нажалуется, что он делал с ней всякое. А так на её карте будет написано, что трахеотомию сделали по медицинским показаниям, и он будет чист.

Матвей подождал, пока она отдышится, а потом снова вставил в её ротик. Снова начал двигать её голову вверх-вниз в активном режиме. И Вероника терпела, совсем не сопротивлялась. Он пару раз вставил глубоко и довольно долго не позволял ей дышать. И Вероника опять не сдержалась. Задёргалась уже в тот момент, когда он прижимал её голову к себе.

— Вообще не умеешь сдерживать дыхание, — пожаловался Матвей.

— Эхе… эхе… прости, — пробормотала Вероника. Это первое, что она произнесла после того, как он вставил в её ротик эти странные протезы. И, конечно же, это звучало невнятно, по-другому. Ей даже показалось, что её голос изменился. Было ужасно разговаривать, не имея возможности полноценно закрыть рот. А ведь он ещё подточил эти протезы, чтобы её рот хоть немножечко закрывался. Она помнит, как он вставил их впервые. Она вообще тогда не могла закрыть рот, протезы прямо сильно раздвигали её челюсть. Сейчас её рот хотя бы наполо-

вину закрывался… может, даже больше чем наполовину. При сильном желании она даже могла сомкнуть губы, но это не особо её утешало.

— Ну конечно прощаю, потому что сейчас снова сделаю так, и ты не будешь сопротивляться, — язвительно сказал Матвей, уже в этот момент толкая её голову к своему члену. Вероника послушно открыла ротик и позволила ему вставить, и снова он начал двигать её голову вверх-вниз. Теперь он делал это резко и грубо. Чаще всего не заталкивал слишком глубоко, но когда это делал, Вероника всегда пугалась. Это всегда было неожиданно и очень грубо. У неё болело горло всякий раз, когда он запихивал.

— Вот так вот, соси, — восторженно произнёс Матвей, в очередной раз вставив в её ротик. И Вероника никогда не понимала, зачем он всё это говорит? И всегда говорит так, как будто она сама сосёт. А ведь на самом деле всё не так. Он сам держит и двигает её голову, и она вообще в этом не участвует. Только лежит и терпит, ждёт, когда же это всё закончится… однако это не заканчивалось. Она снова и снова продолжала чувствовать, как он членом скользит по её языку.

Ещё минут 10 он мучил её ротик, но кончать всё равно не хотел. Потом вытащил член и начал мастурбировать себе.

«Сделаем тебе трахеотомию, и мне не придётся так делать!» — мечтательно подумал Матвей. Уже сейчас он представлял, как трубочка торчит из её горлышка, и он дерёт её так, как захочет.

«Потом даже можно будет горлышко твоё лечить всякими примочками, — язвительно подумал Матвей. — Смогу носочки запихнуть по самое не хочу, и будешь лежать, чувствуя их в своём горлышке. О, да! Будут у тебя хорошенькие деньки со мной!»

Уже сейчас он представлял, как снял носки и запихнул прямо в её горло, сдавливая ими её гланды и маленький язычок. «Потом даже мыкнуть не сможешь! — мысленно хихикнул Матвей. — Можем ещё одновременно лечить твои ручки, чтобы не смогла шалить. И будешь валяться с открытым ртом целыми днями, молча стонать. О, да! Хочу! Я уже хочу сделать это с тобой, уже прямо сейчас…»

Впрочем, прямо сейчас делать это с ней он точно не собирался. И даже в ближайшие недели не собирался. Но это только потому, что он ещё не закончил лечить её попку. «Ещё нужно взять анализ с твоей попки, пока она чувствительная», — подумал Матвей, хитро улыбаясь.

Он всё быстрее и быстрее мастурбировал, планируя всякие ужасы над ней. А ведь это не просто фантазия, он прямо планировал сотворить всё это с ней. Собирается сделать ей трахеотомию чисто для того, чтобы было комфортно трахать в рот.

«И обязательно сделаем!» — повторял он в мыслях снова и снова. А ещё он представлял её ужас и отчаяние, когда она не сможет нормально кушать и разговаривать. «Сделаем временно, а останется навсегда!» — язвительно подумал Матвей.

От собственных гнусных фантазий он возбудился ещё сильнее. Наконец, его залупа вздулась, а член уже был готов кончить.

— Давай, бери его скорее в ротик, — сказал Матвей, торопливо притягивая её голову к себе.

— Пожалуйста, только не в рот… — успела произнести Вероника, нахмурилась и попыталась отвернуться, но это ей, конечно же, не удалось. Матвей уже хватал её за волосы и прижал залупу к её полуоткрытому ротику.

— Конечно же, в рот! Даже не вздумай сопротивляться, — предупредил Матвей. Второй рукой он сразу же надавил на её подбородок и насильно заставил открыть рот.

— А… м… — со стоном прокричала Вероника. Так хотела сопротивляться, но очень боялась. Знала, что если не позволит ему кончить в рот, он сильно разозлится и наверняка всё

равно кончит… он и в прошлый раз кончил ей в рот насильно и грубо, а потом ещё заставил проглотить сперму. И они поругались…

Вероника подумала, что если не будет сопротивляться, они, по крайней мере, не поругаются. Раз он в любом случае сделает это, может быть, не стоит сопротивляться? Вероника так думала, и поэтому не дёргалась, но сама затаила дыхание от волнения. Ей было обидно понимать, что это неизбежно. И так не хотела позволять это… Он ведь сейчас кончит прямо ей в рот и точно попытается заставить всё проглотить, а она не может сопротивляться. Не может запретить ему это. Уже сейчас её глаза наполнялись слезами.

Когда она выходила замуж, не думала о том, что муж может требовать такое. Легкомысленно думала, что сможет отказать, а оказалось, что нет… ему невозможно отказать. Он кончает ей в рот снова и снова. Она уже потеряла счёт тому, сколько раз он это делал. Но каждый раз ей было противно, как в первый.

— Да! Да! — возбуждённо простонал Матвей, испуская семя прямо в её ротик. Попало на её язычок и в горлышко. Вероника вздёрнулась, хотела закашлять, но Матвей не позволил ей вытащить член изо рта. Он, наоборот, вставил максимально глубоко и начал кончать прямо внутрь, прямо в её желудок.

— А, нет! Убежать я тебе не позволю! — игриво сказал Матвей. Его член уже пульсировал, испуская семя в её ротик. Веронике даже казалось, что она чувствует это своим языком, — тёплые ритмичные брызги. Но самое отвратительное — она чувствовала вкус его спермы на языке. Солоновато-сладкий, с горьковатым остаточным привкусом. Нахмурилась от омерзения, а сама замерла и волнительно ждала, когда это всё прекратится. Впрочем, длилось это недолго. Он кончил, а потом сразу же вытащил член из её рта.

— Вот так вот, а теперь глотай то, что у тебя на языке, — приказал Матвей, надавив на её подбородок.

— М… м… — обиженного замычала Вероника, ещё сильнее нахмурив бровки.

— Никаких «му»! Не надо меня злить, — сердито сказал Матвей. — Глотай, и отстану от тебя.

Впрочем, на самом деле он не собирался отставать, у него ведь ещё много чего надумано на этот вечер. Он ещё даже не примерил на неё латексный костюм, который недавно привезли. Но он не рассказывал о своих задумках заранее, чтобы она не начала ворчать.

— М… м… — жалобно мыкнула Вероника. Очень не хотела подчиняться. Даже понарошку не хотела, но понимала, что иначе он не отстанет. Поэтому она притворилась, что сделала глоток. Немножко сжала губки, сколько смогла, и дёрнула своим кадыком.

— Вот так вот, замечательно, хорошая девочка! — сразу же похвалил её Матвей. — Наконец-то учишься быть хорошей женой.

— Можно это снять? — сразу же спросила Вероника, рукой потянувшись к своим губам. Она ощущала в горле его сперму, а ещё и под языком. И ей хотелось как можно скорее сплюнуть остатки изо рта. Думала сделать это как-нибудь так, чтобы он не заметил. И, конечно же, для этого нужно, чтобы он вытащил из её рта этот ужасный протез.

— А можно и не снимать! — игриво сказал Матвей, потеребив её подбородок, словно кисёнку. — Между прочим, мне очень даже нравится, когда твой ротик немного приоткрыт. Выглядит очень сексуально, губки кажутся пухлее!

И с ехидной улыбкой он погладил её губки по контуру.

— Мне неудобно, — пробубнила Вероника. Она была немногословной. И это говорило о том, что ей сложно разговаривать.

— Ну ладно-ладно! Давай сниму, — сдался Матвей и сам начал вытаскивать протез из её рта. Потом он дотянулся до тумбочки и взял оттуда специальный контейнер для протезов. Он был наполнен жидкостью. Матвей аккуратно погрузил туда её протезы и сказал:

— Пусть лежат в твоей тумбочке рядышком, всегда наготове.

— Эхе… эхе… — обиженно захныкала Вероника. Это явно звучало так, что теперь он всегда собирается брать её в рот, вставив сначала эти протезы. Обидно и унизительно. И что самое ужасное, она даже возразить не может.

— Что такое, хочется поскандалить? — язвительно спросил Матвей. Он слез с кровати, а потом открыл тумбочку и засунул протез вместе с контейнером на самую нижнюю полку. Затолкал поглубже, чтобы она не смогла вытащить, лёжа в постели. Впрочем, он точно знал, что она в любом случае ничего с протезами не сделает, ведь тогда ей точно достанется. Он знал, что она его боится.

Он убрал протезы, а потом погладил её по головке.

— Всё прекрасно, милая, мне всё понравилось! — сказал Матвей, прильнув к ушку. — Не надо всё портить своими запоздалыми капризами. Я уже трахнул твой ротик. Бессмысленно просить, чтобы я этого не делал.

— Я не хочу, чтобы ты всегда так делал! — визгнула Вероника.

— Но я и так не всегда это делаю, иногда в киску тебя беру, иногда в попку, — напомнил Матвей. — Пока в попку нельзя, мы же ведь пластыри туда наклеили. И в киску тоже было нельзя. Ты же даже прилечь боишься с накладкой в попе. А представь, я бы тебя насильно уложил, ещё и ноги начал поднимать. Да ты бы тогда точно разоралась ещё громче!

— Я понимаю, что туда нельзя, но мне не нравится с этими протезами… — пожаловалась Вероника и сразу же захныкала, опустив голову.

— Ничего, привыкнешь.

— Ага, тебе легко говорить!

— Опять капризничаем? — игриво спросил Матвей.

Вероника понимала, что бессмысленно спорить. К тому же он ведь уже сделал то, что хотел. Взял её в ротик, вставив в неё эти протезы. Это уже случилось. И бессмысленно заранее ругаться с ним, чтобы он в будущем этого не сделал. Вероника знала, что он ещё не один раз возьмёт её в рот с этими протезами. Подумала, что он наверняка ещё много времени потратил на их изготовление. И не только время потратил, но ещё и деньги на материалы. И он всегда делает то, что захочет… это обижало её сильнее всего. Бессмысленно просить. Всегда будет так, как хочет он.

Она обиженно захныкала и больше ничего ему не сказала.

Глава 108. Подготовка к процедуре

Матвей оделся, а потом неожиданно начал её поднимать.

— Что ты делаешь? — спросила Вероника.

— Уже 3 дня прошло с тех пор, как мы ставили тебе маску, так? Или даже четыре? Я уже со счёта сбился, — сказал Матвей, а потом неожиданно начал усаживать её в кресло. Оно как раз было рядом. Вероника даже не успела возмутиться насчёт того, что он собирается ставить ей маску. Всё её внимание было теперь на другом, — на своей попке. Он ведь сажает её прямо на жёсткое кресло без подушки.

— Нет… нет, только не сажай… я не хочу сидеть, пожалуйста, — испуганно визгнула Вероника.

— Что значит «я не хочу сидеть»? — деловито спросил Матвей. Она обеими руками схватилась за подлокотники кресла и мешала ему сажать себя.

— Там очень жёстко, будет больно, подложи хотя бы подушку… я подушку подкладывала, когда садилась, — призналась Вероника.

«Вот ты и попалась! Сама призналась в этом», — язвительно подумал Матвей. А он всё думал, как её отругать за то, что она подкладывала подушку, и не признаваться в том, что он постоянно следит за ней через скрытые камеры видеонаблюдения. А она бац, и сама призналась в том, что хитрила.

— Ты что, ни в коем случае нельзя так делать! — серьёзным голосом сказал Матвей. — Никогда больше не сиди на подушке, иначе от накладки не будет никакой пользы.

— И какая же от неё польза? Чтобы делать мне больно? — возмутилась Вероника, продолжая сопротивляться. — Хватит! Хватит! Не надо меня сажать. Я не хочу.

Она упрямо хваталась за подлокотники кресла и отталкивалась, но Матвей не отступал. Вскоре начал сердиться.

— Живо убрала оттуда руки, — сердито приказал Матвей, а потом схватил её за руку и насильно уложил на своём плече. — Лучше вот, хватай меня.

— Нет, только не сажай… — визгнула Вероника и снова захныкала.

— Я ведь уже объяснял, что накладка должна придавливать твою дырочку. А когда ты садишься на что-то высокое, очень мягкое, как подушка, накладка просто проваливается в ней. Это всё равно что сидеть вообще без накладки. Пользы никакой не будет.

— Ну пожалуйста… я не хочу тогда садиться, слишком больно, — жалобно визгнула Вероника, но Матвей уже в этот момент схватил её вторую руку и насильно уложил на своём плече, а её начал усаживать полноценно на её кресло с жёстким сиденьем. При покупке у кресла было мягкое сиденье. Но со временем поролон в нём сдулся, и оно стало жёстким.

— Тебе нужно сидеть хотя бы пару часиков в день обязательно, так что хватит упрямиться. Тем более что я не прошу тебя долго сидеть. Сажаю чисто для того, чтобы докатить тебя до лестницы, а то устаю постоянно нести тебя на руках. Тем более после работы тяжеловато, — пожаловался Матвей. Но прямо в эту секунду ей было не до его жалоб. Он усадил её, и накладка начала сильно-сильно давить её анус.

— А-а-а… а… — кричала Вероника. Она попыталась снова схватиться за подлокотники своего кресла, но Матвей не позволил. Он схватил её за обе запястья и уложил руки на коленях.

— Держи руки вот так вот.

— А-а-а… больно! Я не хочу сидеть… эхе… эхе… — захныкала Вероника.

— Тебе надо почаще сидеть, чтобы привыкнуть. Надо будет мне устраивать для тебя дни посиделок, чтобы не было такого, — деловито сказал Матвей и ехидно улыбнулся. В этот момент он уже схватил её кресло и толкал к двери, и она не видела его улыбку. Он в очередной

раз задумал кое-что гнусное и очень интересное. Интересное для него. Подумал, что можно нарочно сажать её на жёсткое, высоко поднимая ножки. «Чтобы как следует отдавила попку!»

Сначала он фантазировал, как сажает её на какой-нибудь стульчик. Естественно, на жёсткий, с деревянным сиденьем. А потом поднимает её ножки и связывает, чтобы она не смогла их опустить и облегчить нагрузку. «Например, можно привязать тебя к стене», — с улыбкой фантазировал Матвей. Но всё-таки это казалось ему сложным.

«Точно! Можно усадить тебя на какую-нибудь бочку. И будешь сидеть скрученная, высоко задрав свои ножки! Будешь покрикивать, а вылезти не сможешь!» — хихикнул Матвей. Но с другой стороны, у бочки тоже есть свои минусы. Она же сможет отталкиваться ногами за края бочки и приподнимать попку. И тогда на её дырочку нагрузка будет не слишком большая.

«Ничего, я ещё подумаю над тем, какую тренировку устроить для твоей дырочки!» — подумал Матвей.

Он активно катил её в сторону лестницы, а Вероника тем временем снова и снова покрикивала:

— А-а-а… а… так больно сидеть… Я не хочу так сидеть.

В один из моментов она снова попыталась потянуться к подлокотникам кресла, а Матвей сразу же её отругал:

— Только попробуй приподнять попу, сразу по рукам получишь.

— Эхе… эхе… зачем ты так? Мне больно… — заплакала Вероника.

— Так и будет больно, если не начнёшь нормально сидеть. Так что сиди нормально, хватит ныть, — деловито сказала Матвей. — Тем более что мы уже почти на месте.

И действительно, до лестницы оставалось всего пару метров. И это означало, что сейчас он спустит её с коляски, поднимет на руки и понесёт наверх. Он ведь сказал, что собирается понести её наверх. Наверное, для того, чтобы наложить на лицо маску. Из-за боли в попке она на время забыла об этом, и только сейчас запоздало сказала:

— А может, больше не надо ставить эти маски? Что-то они мне не очень нравятся.

— Маску обязательно поставим, нельзя прервать курс лечения. Маски тоже ставят 10 дней. Но это стандартно, иногда семь, кому хочется сэкономить, — объяснил Матвей.

— Мне много не надо, я вообще уже не хочу, — повторила Вероника. Теперь она прекрасно понимала, что означает поставить маску. Он сейчас опять наденет на её голову тряпочную маску, зальёт жижей, а потом резиновую натянет, полностью закрыв её глаза. И заставит так лежать долго-долго. Она потом даже кино посмотреть не сможет…

И что самое ужасное, Вероника была уверена, что он завтра с утра не станет снимать с неё маску, только вечером это сделает. Стоило ей только представить ужасы, которые ей придётся пережить, и она запищала ещё сильнее:

— Я не хочу лежать с этой маской… опять же долго придётся лежать.

— Ты всё равно завтра будешь лежать. Я ведь уже сказал, твоей попке нужен покой и чтобы твой пластырь не слетал, — деловито помнил Матвей.

— Эхе… эхе… ну пожалуйста… ведь если ты сейчас поставишь эту маску, только завтра вечером снимешь?

Она знала, что именно так и будет, но всё равно захотела уточнить.

— Ну, само собой! Завтра после работы, — деловито согласился Матвей. — Что тебя не устраивает?

— Я не хочу весь день лежать с завязанными глазами.

— Ну так я не буду их завязывать, они просто останутся под маской, — подправил Матвей, ехидно улыбаясь. Пока она жаловалась и пищала о том, что не хочет ставить маску, Матвей уже поднял её по лестнице и вот занёс в свой кабинет. Начал укладывать на пыточную кушетку.

«Вот так, милая, ты у меня на месте! Сейчас упакую твоё личико, а потом займусь подмышечками. Твои ручки сегодня пошалили, так что подмышки точно должны получить», —

злобно решил Матвей. Уже в третий раз он собирается ковыряться в её подмышках. Он и сам находил это жестоким. Они у неё только-только зажили, а он снова собирается расковырять её проколы. Но именно эта жестокость заводила его.

«И ничего не сможешь поделать! Завяжу ручки и снова сковырну как следует!» — решил Матвей, с улыбкой предвкушая этот момент. Каждый раз он мучил её подмышки по-разному. И на сегодня у него была особенная затея, как именно поковыряться.

Пока он мечтал о том, как будет мучить её подмышки, Вероника переживала из-за того, что он собирается ставить ей маску.

— Эхе… эхе… опять… я не хочу. Может, не будешь ставить эту маску? — жалобно продолжала Вероника пищать.

— Так, это что ещё за капризы? Я тебе и так давал много дней на отдых. Мы уже вчера должны были ставить маску. И так уже был большой перерыв, тянуть больше нельзя.

Он уложил её и сразу же начал затягивать бёдра и талию ремнями.

— Не надо… ты опять связываешь, — захныкала Вероника.

— Чтобы не упала, — как обычно объяснил Матвей. — А ручки связываю, чтобы не шалила.

Он ехидно улыбнулся, а потом схватил её за запястье и начал поднимать руку высоко вверх.

— Нет, ну не надо… — вскрикнула Вероника и даже дёрнула рукой.

— Хочу твою подмышку ещё посмотреть. Нужно её перевязать, поэтому и связываю. Поднимай ручку вверх, — объяснил Матвей. Но это её не особо успокоило. Последняя перевязка её подмышек была безболезненной, и она сразу же забеспокоилась.

— Эхе… эхе… я не хочу, хотя бы не связывай, — запищала Вероника. — Это всегда меня пугает.

— Пусть не пугает, — деловито сказал Матвей, уже схватив вторую её руку. Высоко поднял и начал затягивать ремнями. Как обычно, затягивал в двух местах: в области запястья и чуть выше локтя. Это давало гарантию того, что она точно не вздёрнется и не помешает ему мучить свою подмышку. Даже если будет дёргаться, это, наоборот, будет выглядеть красиво, как её отчаянная попытка избежать боли.

«Никуда не денешься, подмышечки мои! Всё теперь моё! — язвительно подумал Матвей, ехидно улыбаясь. — Будешь лежать и покрикивать!» В этот момент он уже крепко привязал и вторую её руку, а потом мечтательно приложил пальчики к её подмышке.

— Подмышки обязательно нужно перевязать и посмотреть. Не дай бог опять загноятся.

— Вроде они уже меньше болят, — сказала Вероника.

— Это может быть обманчиво, но в любом случае я осмотрю и всё скажу.

— Осмотри прямо сейчас, пока не надел на меня эту дурацкую маску, — сказала Вероника. — Я хочу посмотреть, как ты делаешь перевязку.

Как только она это сказала, он сразу же пальчиком стрельнул бы её носику.

— Это кто тут маску дурацкой называется? Она очень дорогая, между прочим! И ты должна радоваться, что я ставлю её тебе.

— Я благодарна, правда. Но с ней тяжело лежать, — пожаловалась Вероника.

— Тяжело ей лежать! — язвительно повторил Матвей, а сам отошёл к своему шкафчику с медицинскими принадлежностями. — Уже третий день ставим, должна была привыкнуть.

— Нельзя привыкнуть лежать с мокрым лицом и с резиновой маской на голове, которая даже глаза закрывает и нос, — с возмущением пожаловалась Вероника.

— Можно привыкнуть. Остальные же привыкают и не жалуются. А ты у меня капризулька, лишь бы пожаловаться.

— Ну прости… — стыдливо протянула Вероника.

Матвей тем временем уже нёс из шкафчика махровую накладку для лица и тряпочную маску. Все остальные принадлежности уже лежали на его передвижном столике.

— Сначала поставим маску, и только потом я займусь своими подмышками, — деловито сказал Матвей.

— Ну пожалуйста, я хочу увидеть, что там с моими подмышками.

И она знала, почему он вредничает и не хочет сначала сделать ей перевязку. Это для того, чтобы она не увидела, что там творится с её подмышками. Наверное думает, что там всё плохо… хочет сначала сам осмотреть. При мысли об этом по её жилам пробегался холодок.

— Ничего, насмотришься ещё на свои подмышки.

— Я уже видела их и видела эти точки…

— Я сейчас устану возиться с твоими подмышками, и у меня не останется сил ставить тебе маску. Ты же знаешь, это не так-то просто и не быстро, — напомнил Матвей.

И в этот момент он неожиданно схватил её за подбородок и заставил положить голову ровно. Потом начал ремнём стягивать её голову за лоб.

— Нет! Что ты делаешь? Зачем связываешь мою голову? — возмутилась Вероника. Сразу же заподозрила дурное. Раз он связывает, значит, не просто так. Наверняка хочет сделать то, что ей не понравится.

— Чтобы ты не дёргалась, разумеется, — деловито ответил Матвей.

— Ну, пожалуйста, скажи, зачем ты связываешь мою голову? В прошлый раз не связывал, я же не дёргалась.

— Сегодня поставим тебе полноценную маску с примочками для глаз, — разъяснил Матвей, а потом подушечкой большого пальца погладил область под её глазом. — Всё-таки есть у тебя тут синяки, мне это не нравится.

— Нет-нет, только не это! Только не эти ужасные примочки для глаз! — визгнула Вероника и сразу же задёргалась. Впрочем, это было бесполезно. Он крепко-крепко привязал её к кушетке, и освободиться у неё не было ни малейшего шанса.

— Успокойся, милая. Я ведь уже объяснял, что в примочках нет ничего ужасного. Твои глазки обязательно привыкнут, если мы будем регулярно их ставить, — сказал Матвей, ехидно улыбаясь.

«Да, милая, сегодня и глазки твои помучаю!» — язвительно подумал Матвей. Он продолжал гладить её веки, то верхние, то нижнее. Уже мечтал, как запихивает под её веки ватные диски, смоченные своей мочой. «Или твоей собственной мочой! — язвительно подумал Матвей, — и так можно, я не возражаю!»

— Писать не хочешь? — неожиданно спросил Матвей.

— Не знаю, может быть, немного хочу, но я потерплю… не надо ставить мне катетер, — сказала Вероника.

Этот вопрос её не особо насторожил. Почти каждый раз, укладывая её на эту кушетку, он ставит ей катетер. Переживает, что она может описаться. И она даже не злилась за эти подозрения. Его недоверие вполне справедливо, ведь она однажды бессовестно описала постель, когда он надолго оставил её одну… ей до сих пор было стыдно за это.

— Ну ладно, если не хочешь писать, тогда не будем ставить. Спросил на всякий случай, чтобы ты не мучилась. Но если захочешь писать, обязательно скажи, — предупредил Матвей.

Он не стал настаивать на катетере чисто потому, что ленился его ставить. Ему проще самому пописать, чтобы добыть мочу. Нужно только отойти в сторонку, чтобы она не видела, как он «готовит» для неё лекарство. К тому же ему в любом случае нужно спускаться вниз, потому что новая маска для всего тела осталась там. «Заодно там и приготовлю для тебя лекарство, — язвительно подумал Матвей, — точно не узнаешь, из чего оно сделано!»

Вероника тем временем продолжала волноваться из-за того, что он сказал. Из-за того, что он собирается ставить примочки на её глаза.

— Ну пожалуйста, только не надо лечить мои глаза. Я не хочу никакие примочки, — истерично сказала Вероника.

— Успокойся. Я ведь уже сказал, что это обязательно нужно. Значит, нужно, — деловито разъяснил Матвей.

— Нет, не нужно! Я не хочу! — визгнула Вероника.

— Ещё как нужно. И лучше не спорь, а то уже нервировать начинаешь, — сердито сказал Матвей. И в этот момент он зашебаршил на своём передвижном столике.

— Что? Что ты там делаешь? Готовишь эти ужасные примочки? — сразу же спросила Вероника, пытаясь косить взгляд в ту сторону. Её голова не крутилась, но краем глаз она видела, что он разматывает бинт.

— Для начала засунем затычки в твои ноздри, а потом уже всё остальное. Помнишь, зачем это делать, или тебе снова нужно разъяснять? — деловито и в то же время язвительно сказал Матвей.

— Помню, — обиженно сказала Вероника. — Ещё смеёшься надо мной.

— Ты же ведь любишь по 10 раз спрашивать одно и то же, я уже как бы заранее к этому готовлюсь, — разъяснил Матвей.

— А вот и не надо готовиться! — высокомерно сказала Вероника.

Матвей не собирался слушать её жалобы, тем более отвечать на них. Уже подготовил две марлечки-затычки для её носика. Промокнул в специальном растворе, а потом схватил пинцетом и поднёс к её личику.

— Хватит уже ворчать, ну-ка давай сюда носик, — деловито сказал Матвей.

Она не могла отвернуться, ведь он крепко-накрепко затянул её голову ремнями к кушетке. Лежала ровно, как и надо, и поэтому он беспрепятственно сразу же начал заталкивать в её носик марлечку.

— А… ну опять… — жалобно визгнула Вероника.

— Ну что опять? Опять! — деловито сказал Матвей. Он довольно грубо начал запихивать в её нос эту марлечку, впихнул прямо с пинцетом. Вставил пинцет настолько, насколько смог, а потом частично вытянул и схватил марлечку в другом месте, чтобы впихнуть его ещё глубже, полностью.

— А… больно, полегче, — жалобно взвыла Вероника, нахмурив бровки.

— Не переживай, я не проткну твой носик, делаю осторожно, — сказал Матвей. Он уже почти всю марлю затолкнул и в её ноздрю, но 1 см ещё оставался торчать. Вытянул пинцет, а потом схватил этот кончик и насильно пропихнул внутрь.

— А… а… — вскрикнула Вероника, чувствуя, как её ноздря расширяется и болит. — Ты опять взял слишком толстую марлю…

— Я знаю, какого размера затычка нужна твоему носику, так что не надо меня учить, — деловито сказал Матвей, а потом взял со своего столика вторую подготовленную марлечку и тоже начал запихивать в её нос. Как обычно схватил пинцетом и вставил в её свободную ноздрю. Вероника, нахмурив бровки, смотрела на эту марлечку и понимала, что она большая и опять сильно растянет её ноздрю. Теперь ещё и вторую.

— А… она очень большая, — жалобно вздыхая, повторила Вероника.

— Такая, какая должна быть. Если будет маленькая, она просто не заткнёт твой носик как следует, — разъяснил Матвей, а сам уже в этот момент запихивал марлю в её вторую ноздрю. Опять делал это грубо и быстро, глубоко вставив в её ноздрю свой пинцет вместе с марлей. Потом аккуратно вытянул пинцет наполовину, схватил марлю чуть ниже и продолжил впихивать в её ноздрю. Он повторил эти действия несколько раз и вскоре и вторую марлю полностью запихнул в её ноздрю.

Вероника стонала и покрикивала от боли и страха, но он игнорировал её жалобы. Он буквально набил её ноздри этими марлями, широко-широко их растягивая. И на этот раз он действительно взял больше марли. Нарочно. Хотел ещё и носик её помучить.

— Ну вот и всё, носик теперь защищен, — язвительно сказал Матвей. Неожиданно он двумя пальчиками схватил её за нос и, поглаживая, прошёлся от серединки к кончику. На самом деле он насмехался, восхищался своей работой, а именно тем, как помучил её носик. А ведь если посудить, это тоже издевательство. Если бы он просто хотел заткнуть её нос, действительно использовал бы марлю поменьше. Но ему хотелось именно помучить её носик, поэтому он взял более толстую марлю и грубо набил её ноздри, причиняя боль.

— А… а… больно, — жалобно покрикивала Вероника. Он уже ничего не делал, но её носику изнутри было больно. Эти марли царапали её нежную кожу и причиняли дискомфорт.

«В прошлый раз я забыл это сделать, но на этот раз сделаю!» — подумал Матвей, неожиданно взял в руки обычный тканевой пластырь и отрезал полоску длиной приблизительно в 7 см. Он решил дополнительно заклеить её ноздрю пластырем, чтобы она уж точно не смогла сдуть из носика его затычки. Вдруг ей надоест лежать и она начнёт упрямиться, попытается сдуть эти затычки? А ведь тогда она учует запах мочи, и это будет скверно. Догадается, что это за лечебная маска, а он не мог этого допустить.

— Что ты делаешь? — заволновалась Вероника. Краем глаза она видела, что он отрезает кусочек пластыря, причём довольно длинный кусочек. Она даже догадывалась, что он собирается делать, но всё равно спросила.

— Дополнительно заклею твой носик, чтобы затычки уж наверняка не вылезли.

— Они не вылезут, в прошлый раз же не вылезли, — сказала Вероника. Но Матвей уже в этот момент приложил пластырь к её носику и дополнительно обклеил её ноздрю. Он приложил пластырь к её набитой ноздре, а остальные кончики пластыря наклеил по бокам её носика. Сразу же подумал, что сверху надо ещё прилепить пластырь, чтобы уж наверняка не выдуло затычки. Тут же начал отрезать ещё кусочек пластыря.

— Сегодня ты будешь спать с маской на лице, поэтому я перестраховываюсь. Когда человек спит, иногда не замечает, что делает. Вдруг случайно вылезут затычки, и твой носик пострадает, — деловито разъяснил Матвей. — Не переживай, твой носик не будет чесаться из-за этого пластыря. Это же обычный пластырь, не восстанавливающий. Так что нечего ворчать.

И он снова пальчиками погладил её носик теперь уже поверх пластыря. «Вот так вот, и носик обработали!» — язвительно подумал Матвей.

— Мне всё равно это не нравится… — пожаловалась Вероника.

— Тебе всегда не нравится. Помнишь, как было, когда я в первый раз тебе поставил маску? Надеюсь, на этот раз не будет таких проблем.

В этот момент он не сдержал хитрую улыбку, приложил ладонь к её щеке и нежно погладил. Уже мечтал, как дальше её будет мучить. Снова представил, как запихивает ватный диск под её веки, закрывая её глазик. «Ты точно будешь кричать, я уверен! — язвительно подумал Матвей. — И в прошлый раз нехило так покричала!»

Он уже думал о том, с каким удовольствием будет набивать её глаза ватными дисками, смоченными в моче. И Вероника в этот момент тоже думала именно об этом. С ужасом представляла, как это будет больно… уже сейчас ей было страшно.

— Пожалуйста, только не ставь примочки на глаза. Ну пожалуйста… мы ведь договаривались, что ты больше не будешь их ставить, — слезливо напомнила Вероника.

— Это мы в прошлый раз так договаривались, и я честно сдержал слово. Мы не ставили примочки, — деловито напомнил Матвей.

— Я сказала, что согласна на маску, только без примочков… не нужны мне никакие примочки для глаз! — истерично повторяла Вероника. Матвей обеими руками начал поглаживать её нижние веки.

— Я же сказал, мне не нравятся вот эти вот синяки, а примочки их подлечат.

— Ничего они не лечат! Ты тогда помучил мои глаза этими дурацкими примочками, а синяки всё равно как были, так и остались… и вообще это даже не синяки, а впадина. Естественная впадина, которая у каждого человека есть, и даже у тебя есть! Это нормально!

Она говорила быстро, истерично и как раз в этот момент смотрела ему в глаза, а именно на его нижние веки. И, конечно же, у него там тоже была небольшая ямочка с незначительным затемнением.

— Конечно, с одного сеанса заметных результатов не будет. Вот если поставить 10 раз, пройдёшь кушать лечения, и пользу увидишь.

— Ага, я тогда вообще без глаз останусь! — возмутилась Вероника, а потом неожиданно изменила голосок на более милый и писклявый и снова взмолилась: — ну, пожалуйста… давай без примочек? Мне очень не понравились эти примочки на глаза, это самое ужасное… Мои глаза от них сильно болели, а потом ещё красными были 2 дня.

— Это потому что препарат долгоиграющий. 2—3 дня после процедуры он ещё действует, поэтому твои глаза оставались красными, — объяснил Матвей, естественно, всё придумывая.

— А ты тогда сказал, что это из-за шампуня покраснели, — напомнила Вероника.

— От шампуня тоже, — согласился Матвей. — Но ты не переживай, на этот раз я не допущу такую ошибку, шампунь больше не попадёт в твои глазки.

Он с улыбкой ещё разочек погладил её нижнее веко, ещё и щечку, а потом сказал:

— Мне нужно отойти, подготовить препарат. Вернусь через 5 минут.

— Ну пожалуйста, не надо готовить препарат для примочков. Ну пожалуйста… — продолжала истерично умолять Вероника.

— Так, хватит уже капризов. Я сказал, что поставим примочки, значит, поставим. Тем более ты уже хорошо отдохнула после первого сеанса. Раз в неделю обязательно нужно ставить примочки, чтобы подлечить твои глазки.

— Мои глаза не больные, их не нужно лечить! — громко сказала Вероника, а Матвей в этот момент уже отдалялся к выходу.

— Ну да, конечно, поспорь ещё со мной, — деловито сказал Матвей, и в следующее мгновение она услышала, как дверь захлопнулась. Она осталась одна, зажмурилась и слезливо захныкала:

— Эхе… Эхе…

Она понимала, что никак не сможет ему помешать. Он упрямо решил, чтобы поставит примочки на её глаза, и ей придётся с этим смириться. Опять её глазам будет больно, и опять они покраснеют. Уже сейчас она вспоминала тот ужасный день, когда он запихнул под её веки ватные диски, и как ей было больно и страшно… И сейчас это повторится… очень скоро повторится, как только он вернётся.

— Нет, я не хочу! Не хочу! — истерично повторяла Вероника и хныкала. Она понимала, что, скорее всего, он её не слышит. Но она всё равно продолжала плакаться и повторять, что не хочет, чтобы он ставил ей примочки. Но она ошибалась. Матвей её слышал и хихикал над ней.

«Давай-давай подёргайся! Поплачь! Ты всё равно не сможешь мне помешать. Твои глазки сегодня обязательно получат порцию мочи, будут лежать и впитывать мои соки. О, да! Хочу, хочу! — язвительно подумал Матвей. — Хочу сделать это с тобой снова».

Ему очень нравилось издеваться над ней и при этом заставлять её думать, будто бы это лечение. А ведь она даже не спорит с ним особо. Ни разу ещё не сказала, что он просто издевается над ней, будто бы это ей в голову даже не приходит. Только жалуется, что больно или что не хочет.

«Главное, что я хочу, моя дорогая! Хочу наказывать тебя бесконечно!» — насмешливо подумал Матвей.

Глава 109. Примочки для глаз

Матвей не стал сразу же спускаться вниз, собственно, поэтому и услышал её похныкивания. Он направился в соседний кабинет, взял миску и спустил шорты.

«Сейчас приготовлю тебе лекарство. Вот оно, твоё лекарство! — язвительно подумал Матвей, обхватил член и уже начал писать в эту миску. — Вот как её много, и для твоего личика, и для глаз!»

Он оставил миску с мочой на тумбочке в другом кабинете, а потом пошёл вниз за новой маской, которая покрывает всё тело. Он понимал, что в любом случае придётся спуститься за её новой одёжкой. Решил не лениться и сделать это сразу.

Торопливыми шагами он прошёлся вдоль по коридору и спустился вниз. Взял коробку с новыми секс-принадлежностями и сразу же пошёл обратно. Он уже как можно скорее хотел приодеть её и уложить спать очень надолго.

«Да, милая, до завтрашнего вечера будешь валяться обмоченная!» Он заводился при одной только мысли об этом.

В скором времени он вернулся к ней. В одной руке держал коробку, а в другой миску с мочой. Миска была непрозрачная, довольно глубокая, салатового цвета. И она не видела, какого цвета его лекарство. У неё даже не было шанса предположить, что это именно моча.

— Вот, милая, лекарство подготовил. Сейчас быстренько поставлю тебе примочку и наденем маску, — деловито сказал Матвей. Нарочно напоминал о том, что сейчас собирается мучить её глазки.

«Да-да! Лежи и предвкушай этот момент! Хочу, чтобы ты ещё немного поныла, пожаловалась, что не хочешь…» — насмешливо думал Матвей. И только он подумал так, и Вероника снова завизжала:

— Пожалуйста, не надо ставить примочки на глаза. Ну пожалуйста! Это же не обязательно.

— Ещё как обязательно, — деловито возразил Матвей. — Если каждый раз начнёшь устраивать такие истерики из-за примочки, я начну чаще их тебе ставить, чтобы привыкла.

— Нет, ну пожалуйста…

— Никаких, пожалуйста. Успокойся уже. Я всё подготовил, лекарство развел. Так что 100% примочку поставлю, — сказал Матвей строгим голосом, чтобы она наконец поняла, что этого никак не избежать, не упросить его не ставить ей примочку.

— Ну зачем ты развел? Я же ведь просила не ставить примочку.

— А я сказал, что поставим. Я тебе уже в первый день говорил, что мы будем периодически дополнять обычную маску с примочками, чтобы излечить твои синяки.

— Нет-нет, не хочу я дополнять… — слезливо пробурчала Вероника. Матвей в этот момент уже вытащил перчатки из своей коробочки и принялся их надевать. У него были большие коробки с перчатками, и он никогда их не экономил. Надевал, когда нужно сделать что-то, пусть даже какую-нибудь мелочь, а потом снимал и сразу же выкидывал.

— Ника, хватит уже капризничать, — деловито сказал Матвей. — Если продолжишь, я не выдержу и тупо засуну кляп в твой рот.

— Нет, ну пожалуйста… издеваешься? — ещё пуще запищала Вероника.

— А, по-моему, это ты издеваешься. Я ещё даже не начал, а ты мне уже все мозги выебла.

— Эхе… эхе… — захныкала Вероника и сразу же зажмурилась. Он никогда не выражался так грубо и омерзительно… в этот момент она поняла, что бесполезно спорить. Впрочем, она ведь уже давно это поняла, но всё равно надеялась упросить его не ставить ей примочку на глаза. Оказывается, это с самого начала было бесполезно. Он уже заранее решил поставить ей примочки, невзирая на все её жалобы и крики.

Уже в следующее мгновение влажный ватный диск он начал подносить к её личику. Вероника в этот момент жмурилась, и это ему не понравилось.

— А ну-ка расслабь веки, — приказал Матвей. В этот момент указательным и большим пальцем он пытался заставить её открыть глаза, но Вероника продолжала упрямо жмуриться. Её сердце замерло от волнения, потому что она поняла, что этот ужаснейший момент наступил. Сейчас он начнёт запихивать в её глаза эту примочку. Одна капелька его препарата уже капнула на её носик и стекала по направлению к глазу.

— Пожалуйста… — испуганно пропищала Вероника.

— Ты меня конкретно решила выбесить или как? — злостно спросил Матвей. Неожиданно он перестал хватать её глаз. Убрал руку от её лица, а потом неожиданно шлёпнул её по щеке прямо поверх ремней.

— А… — испуганно визгнула Вероника и ещё сильнее зажмурилась. И, конечно же, получила ещё разочек, а потом ещё и ещё. Он три раза её шлёпнул по щеке, а потом язвительно спросил:

— Ещё хочешь получить или наконец возьмёшь себя в руки и откроешь глаза?

— Ладно-ладно, открою, — обещала Вероника.

Он шлёпал её довольно сильно, по сути, бил. Последний его удар был особенно сильным. У неё аж в ушах зазвенело, и поэтому Вероника испугалась. А ещё она ведь понимала, что ей не избежать своей участи. Он уже развёл лекарство, стало быть, точно поставит примочки на глаза. И даже если она будет сопротивляться, он всё равно это сделает. И если он начнёт насильно ставить ей примочки, сделает ещё больнее. Вероника и это понимала, только поэтому сдалась.

— Ну вот и замечательно, тогда открывай глаза, — приказал Матвей и снова пальчиками обхватил её веки. Его радовало то, что она действительно открыла глаза. Впрочем, он знал, что это ненадолго. Она точно начнёт закрывать глаз в тот момент, когда поднесёт ватный диск к её глазному яблоку. Поэтому, чтобы она не смогла этого сделать, он обхватил её веко и раскрыл ещё сильнее.

— Не надо напрягаться, — деловито сказал Матвей. Чтобы она не успела закрыть глаз, он резким движением приложил ватный диск к её глазному яблоку и замер. Прижимал к её глазу примерно 10 секунд, а потом начал потряхивать рукой.

— А-а-а… — в ужасе прокричала Вероника.

— Успокойся, — сердито сказал Матвей. Он сделал злобное выражение лица и продолжал удерживать ватный диск на её глазу. Потом, когда ему это надоело, он убрал ватный диск, ещё раз обмакнул в моче, чуточку отжал и снова начал подносить к её глазику.

— Эхе… эхе… это так неприятно, — жалобно захныкала Вероника. Матвей тем временем продолжал насильно раздвигать её веко и чувствовал, как она напрягается, хочет закрыть глазик.

«Нетушки, моя милая, не выйдет! Я тебе не позволю, — язвительно подумал Матвей. — Но самое прекрасное то, что я могу ругнуть тебя, и ты сразу же сама откроешь глазик».

— Не напрягайся, — повторил Матвей, а потом снова торопливо прижал ватный диск к её глазу. Сначала положил со стороны её виска, а потом сдвинул ближе к носу. И там прижимал, потряхивал. Вероника прямо чувствовала, как он этим ватным диском растирает её глазное яблоко. Ей было больно и страшно. Она снова начала бояться за своё зрение.

— А-а-а… хватит! Хватит! — взмолилась Вероника испуганным голосочком.

— Ну хорошо, хватит, так хватит, — согласился Матвей, а потом взял со своего передвижного стола какой-то инструмент. И Вероника точно знала, что это такое. Сейчас этой штукой он начнёт заталкивать ватный диск под её веки, и это самое ужасное.

— Пожалуйста, не надо… не надо запихивать внутрь, — испуганно взмолилась Вероника.

— Надо, милая, надо, — деловито сказал Матвей. Его голос звучал наигранно и злобно. В этот момент он перестал хватать её веко двумя пальчиками с разных сторон. Схватил только снизу и начал оттягивать вниз. Он и в прошлый раз так делал. Отпускал верхнее веко, чтобы нижнее раскрыть ещё сильнее.

Она почувствовала в своём глазике прохладу воздуха и знала, что это ненадолго. Уже прямо вот сейчас он начнёт запихивать туда ватный диск, царапая её веко изнутри. И началось…

— А-а-а… а… — в ужасе закричала Вероника. Он согнул кончик ватного диска, прикрыв им свой инструмент, и начал заталкивать ватку под её веко.

— Успокойся, так надо, — деловито повторил Матвей.

«Да, милая, надо подлечить твой глазик! — язвительно подумал Матвей. — Я же говорил, что поставим тебе примочку, и вот ставим! Да! Теперь регулярно будем ставить тебе примочки. Ори-ори! Принимай своё наказание».

Он с одной стороны протолкнул ватный диск в её глаз, а потом надавил с другой. Инструментом он никогда не касался непосредственно её века. Толкал только через ватку. Инструмент, конечно же, у него был тупой, ватку не прорезал. Не было риска проткнуть её глаз случайно. К тому же он не применял слишком большого усилия. Подталкивал ватку с разных сторон не спеша с одинаковым нажимом.

— А-а-а… а… — кричала Вероника снова и снова, но она не просила его остановиться. Понимала, что он не передумает это делать. Сейчас уже точно не передумает. Он уже запихнул ватку в нижние её веко и вот прямо сейчас начал оттягивать верхнее и точно так же инструментом начал заталкивать ватный диск под её веко.

«О, да! Вот так вот, и глазик твой получает как следует», — язвительно подумал Матвей. Ему очень нравился этот вид её глаз, прикрытых ватным диском. И его возбуждали её крики и эта чудовищная на вид картина. «Да, милая, кричи-кричи! Терпи. Я теперь всегда буду делать всё, что захочу, а ты будешь терпеть».

Он уже вторую неделю издевается над ней и делает всё, что захочет, а она продолжает думать, что он её лечит. «Интересно, сколько ещё мне удастся дурить тебя?» — насмешливо подумал Матвей.

Он закончил с её правым глазом и приступил к левому.

— Успокойся, всё уже, больше этот глазик не трогаю, — игриво сказал Матвей. Он взял чистый ватный диск и погрузил его в мочу.

— А-а-а, так неприятно… опять мой глаз начал болеть, — жалобно захныкала Вероника.

— Ничего-ничего, поболит и перестанет. Это так и должно, от лекарства болит, — придумал Матвей. И в этот момент он двумя пальчиками обхватил её второй глазик и начал раздвигать веки. Вероника хотела было зажмуриться, но не решилась. Только чуточку дёрнула веками, а он сразу же сказал:

— Не напрягайся.

— Эхе-эхе… не хочу, не хочу… — истерично проговорила Вероника.

Матвей уже в следующее мгновенье прижал влажный ватный диск прямо к её глазному яблоку. «Вот так вот, милая, покричи! Мне нравится слушать твои „не хочу“. Но самое интересное в этом то, что я всё равно сделаю так», — насмехался он про себя.

Он приложил ватный диск к её глазу и начал потряхивать. «Вот так вот, пусть твой глазик пьёт мои соки, — насмешливо подумала Матвей, — ещё и ещё!» И он продолжал потряхивать ватный диск и при этом давил на её глаз.

— А-а-а… а… — в ужасе закричала Вероника, но, как обычно, он игнорировал её крики и продолжал мучить её глаз. Вскоре убрал ватный диск и в очередной раз промокнул в моче.

«Это чтобы соков тебе хватило!» — насмешливо подумал Матвей. Он совсем чуточку отжал ватный диск и в очередной раз приложил к её глазу. Сначала приложил со стороны виска

и потряс, а потом ближе к носику и снова потряс рукой. Будто бы думал, что так моча лучше впитается в её глаз. Впрочем, на самом деле так и было. Когда он так давил и тряс рукой, ватка отжималась и мочу начинала стекать под её веко.

— А-а-а… а… — продолжала Вероника кричать от ужасных неприятных ощущений. Убирать ватный диск с её глаза он больше не стал. Плотно приложил к её глазному яблоку, взял свой инструмент и начал заталкивать под её веко край ватного диска. Сначала запихнул под нижнее веко, а потом под верхнее. И при этом он очень сильно тянул её веко. Грубо приподнимал, хватая двумя пальчиками, а инструментом заталкивал ватные диски внутрь.

— А-а-а… а… как же это ужасно, — кричала Вероника дрожащим взволнованным голосом. Она понимала, что ему не нравится, когда она всё время жалуется, но она не могла молчать. Это было слишком страшно, болезненно, и она не видела в таком лечении никакого смысла. Ей казалось, что от этого её глазу может стать только хуже. И всё равно она не могла спорить с ним об этом, он ведь доктор… и он уверен в том, что всегда знает, как сделать ей лучше. И не важно, что она не согласна с его лечением. Он всё равно её лечит, и иногда она даже не может сопротивляться, как, например, сейчас. Это начинало казаться подозрительным, но она старалась не задумываться об этом.

«Вот и всё, обработали твои глазки! — язвительно подумал Матвей, а потом вытащил из кармана свой смартфон и сделал снимочек. — На память о втором сеансе! О, да! Набитые глазки! Сколько ты у меня пищала, умоляла не делать этого. А я вот всё равно сделал это с твоими глазками! И ещё не один раз это сделаю. Ты теперь моя жёнушка-мученица. Девочка, которая ждёт наказания. И я с удовольствием буду наказывать тебя, причём каждый день и по-разному».

Вероника тем временем лежала и хныкала, даже не подозревая о том, чем именно он занимается в эту секунду. Матвей жадно её фотографировал, полностью отключив звук на своём телефоне.

«Сейчас смочу и остальное твоё личико!» — язвительно подумал Матвей. Потом он взял махровую накладку, которую уже заранее принёс, и полностью погрузил её в мочу. «Пусть пока впитывает мои соки, а я развяжу твою головушку», — подумал Матвей и уже в следующее мгновенье начал убирать ремни, которые притягивали её голову к кушетке.

— Я сейчас освобожу твою голову, но это не означает, что тебе можно вертеться, — предупредил Матвей. — Если не послушаешься и упрямо начнёшь крутить головой, примочки выпадут, и мне придётся снова их вставлять. Ты сама понимаешь, как это неприятно.

— Эхе-эхе, — захныкала Вероника, — я не буду вертеться.

— Вот и замечательно.

Он полностью убрал ремни с её головы и подготовил её личико к наложению махровой накладки. Так как он был в перчатках, не противился окунать руки в миску с мочой. Хорошенечко утопил накладку в моче своими ручками, а потом вытащил и немножечко отжал, чтобы из неё не стекало. Потом начал прикладывать к её личику.

— Лежи ровно и не дёргайся, — деловито сказал Матвей. — Сейчас очень ответственный момент.

«О, да! Очень-очень ответственный, очень заветный!» — язвительно подумал Матвей и с огромнейшим удовольствием приложил накладку, смоченную в моче, на её личико. «Всё-таки лучше именно так накладывать маску. Зато я точно знаю, что твоё личико полностью-полностью пропитывается моими соками!»

Раньше, когда он прикладывал к её личику сухую накладку, а потом ещё надевал тряпочную маску сверху, уже сухую, и только потом писал, он никогда не был уверен, что её личико полностью промокало. Сейчас он уже предложил полностью увлажнённую накладку к её личику. И он точно знает, что всё её личико уже сейчас мокренькое. «Да, вот так и нужно,

моя прелесть!» — думал Матвей. Он с восхищением погладил её личико вокруг накладки, а Вероника пожаловалась:

— Ой, она слишком мокрая, как будто даже на губы попало…

Матвей ехидно улыбнулся.

— Это ничего страшного. Пусть попадает и на губки.

И в этот момент он пальчиком начал поглаживать её губки, увлажняя их мочой. «Вот так вот, моя милая, и губки твои измажу! Я бы, конечно, ещё в ротик тебе влил, жаль, что не смогу объяснить это лечение. Сегодня у тебя горлышко не болит». И всё же он решил спросить:

— У тебя горлышко не болит? Можем и горлышко подлечить.

— Нет, не болит! Даже не вздумай ещё и горло моё лечить, — обиженно сказала Вероника сердитым голосом.

— Грубить мне вздумала? — язвительно спросил Матвей, неожиданно схватив её за шею. — Смотри мне, накажу.

— Перестань! Что ты делаешь? — испугалась Вероника.

— Ты сегодня много говоришь и ругаешься со мной, — сердито сказал Матвей, — и твой язычок наслуживает наказания.

Он весело улыбнулся, и очередная гнусная задумка пришла ему на ум. Он впервые решил сделать ей больно, при этом не представив это как лечение.

«Но для начала наденем на твоё личико тряпочную маску, чтобы накладка не слетела», — подумал Матвей. Он не стал эту маску смачивать в моче. В миске и так уже оставалось мало мочи, и остальное он уже собрался влить в её ротик.

«Да, ты будешь дополнительно наказана за то, что осмелилась нагрубить мне», — язвительно решил Матвей. Впрочем, на самом деле она ведь даже не грубила ему, просто её голос показался ему грубым, и Матвею это не понравилось.

— В каком смысле заслуживает наказания? Что ты задумал? — испуганно спросила Вероника. Матвей отвечать не стал.

— Надеваю маску на твою голову. Давай, приподними голову и помоги мне, — деловито сказал Матвей. Впрочем, в эту самую минуту он уже сам приподнял её голову и натянул на неё маску.

— Я сейчас отойду в другой кабинет, принесу кое-что, а ты полежи тут, — сказал Матвей.

— Зачем? Что ты задумал? — спросила она снова. Всё-таки из её головы не выходили его последние слова о том, что он хочет наказать её язычок. Она прямо чувствовала, что он задумал что-то, и поэтому боялась.

— Кое-что, без чего нам сегодня не обойтись, — сказал Матвей с ехидной улыбкой, и уже в следующее мгновенье она услышала его отдаляющиеся шаги.

Глава 110. Наказание языка

Матвей направился вниз, не поленился ради реализации своей очередной гнусной задумки.

«Скоро твой язычок тоже получит, — язвительно думал Матвей, — сегодня опять будешь наказана по полной программе!» Довольный, ухмыляясь, он зашёл в свой кабинет на первом этаже. Он давно тут не бывал, и его насторожило то, что кресло недостаточно близко пододвинуто к столу. У него есть привычка: всякий раз, когда он уходит, до упора толкает компьютерное кресло к столу. Сиденье немножечко прячется под столом, и это выглядит симпатично. А тут вдруг кресло иначе стоит, спинка даже упирается к подоконнику.

Стол у него стоит напротив окна. Между столом и окном расстояние приблизительно в один метр, чисто чтобы кресло туда помещалось. Ему нравится именно такое расположение. Когда работаешь в кабинете днём, солнце светит прямо на стол, и это очень удобно.

— Интересно, когда это ты тут побывала? — задумался Матвей, почесав свой подбородок. В последний раз он заходил сюда 3 дня назад, и вроде бы у неё не было никакой возможности, чтобы тут шариться. Она ведь теперь почти всё время лежит.

— Надо будет просмотреть запись, — решил Матвей. Впрочем, он подумал, что это мелочь. Даже если она и побывала тут, ничего особого сделать не могла.

— Ты же не знаешь мой пароль от вайфая, — ухмыльнулся Матвей. Впрочем, он подумал, что она наверняка могла поискать провод от интернета. Он понимал, что она не настолько дура и наверняка знает, что Wi-Fi просто так не работает, и где-то точно есть провод. Конечно же, он был, только вот не в доме, а в конуре Григория. Он не хотел, чтобы просверливали его дом, чтобы провести проводной интернет. Поэтому решил, что обойдётся Wi-Fi, и провёл интернет исключительно в конуру Григория.

На самом деле эта конура, как он привык выражаться, — маленький домик, выстроенный из цельных нетолстых брёвен. В него было проведено электричество, вода, были все условия для проживания. Форму это строение имело прямоугольную и поэтому ассоциировалось с временными будками строителей. Была она не очень большая, поэтому Матвей называл её конурой. Впрочем, многие охранники присоединялись и тоже звали эту избушку конурой.

— До интернета ты не доберёшься, даже если узнаешь, где провод! Григорий тебя не подпустит, — ухмыльнулся Матвей.

Он присел за своё компьютерное кресло, откинулся и мечтательно закрыл глаза. Он был невероятно рад тому, что у него такая жена, с которой можно творить всякое, и она всё терпит. Не сможет уйти от него и пожаловаться.

— И как я не понимала этого раньше? Зачем-то бил, запугивал тебя, можно было с первых дней начать твоё лечение! — хикнул Матвей.

Он с ужасом вспоминал те дни, когда она ещё только перебралась к нему жить. Тогда она творила всякое: описала его матрас, зеркало успела разбить, пару тарелок разбила, причём всё это не случайно. В случайность он не верил ни в одном из этих инцидентов. А тарелку она вообще специально выкинула на пол, когда они ссорились. Таким образом она надеялась прогнать его от себя, а он взбесился, подошёл и всё равно врезал ей.

— Больше такого не будет, моя дорогая. Теперь у меня продвинутые способы наказания! — хихикнул Матвей. — Впрочем, сегодня это будет обычное наказание. Иногда же я должен просто наказывать тебя, и чтобы ты знала, что это наказание.

Он вытянул выдвижной ящик и отыскал там коробочку с канцелярскими зажимами.

— Вот она, прищепочка для твоего язычка, чтобы много не болтала!

Уже сейчас он представлял, как она визгнет, если он защемит её язык канцелярской прищепкой. Они ведь тугие, мощно зажимают.

— Мало не покажется! — ухмыльнулся Матвей. Он взял одну прищепочку, а потом, ехидно улыбаясь, направился к ней. Уже немножко отдохнул, помечтал и хотел поскорее приступить к её дальнейшему наказанию.

— Ну сейчас ты у меня повизжишь!

В скором времени он вернулся к ней в комнату. Вероника лежала, легонько похныкивая и показывая своё недовольство.

— Что ты там опять пищишь? — деловито спросил Матвей.

— Просто глазам неприятно… — пожаловалась Вероника.

— Это потому что примочки лечат твои глазки, — сказал Матвей, ехидно улыбаясь. «Обожаю лечить твои глазки! — подумал он язвительно. — Сейчас ещё и язычок подлечу! Точнее сказать, накажу. Я хочу, чтобы ты на этот раз знала, что это наказание. Пообижаешься на меня, а потом вообще будешь бояться грубить. Особенно если я почаще начну лечить тебя канцелярским зажимом!»

— Мне не нравится такое лечение… больше никогда не хочу такие примочки, — жалобно сказала Вероника.

— Хочешь или нет, но надо. И позволь мне решать, когда и как тебя лечить, — деловито сказал Матвей. В этот момент он подошёл к ней, схватил её за подбородок и начал толкать вниз.

— Открывай свой ротик, — приказал Матвей.

— Зачем? Что ты опять придумал? — взволнованно спросила Вероника.

— Не надо задавать вопросы, просто слушайся, — деловито сказал Матвей, а потом ещё сильнее надавил на её подбородок. И Вероника боялась сопротивляться. Решила, что лучше уж подчиниться и открыть рот. В конце-то концов сейчас он не просит её о чём-то ужасном. И она точно знала, что он член не собирается вставить ей в рот. Он только недавно кончил, буквально перед тем, как привезти её сюда. Она бы очень удивилась, если бы он снова возбудился.

Вероника подумала, что он хочет осмотреть её рот или посувать пальцы. Неприятно, но не смертельно. Она подумала, что лучше открыть рот, чем спорить с ним.

Вероника взволнованно выдохнула, а потом медленно открыла свой ротик. Матвей сразу же просунул внутрь свой указательный и большой палец и попытался схватить её язычок. И удалось ему это не с первой попытки. Вероника открыла рот ещё шире, как только поняла, что он засовывает внутрь свои пальцы, и при этом свой язычок не втягивала внутрь, не пыталась спрятать. Однако уже сразу же начала с недовольством мычать:

— А… м…

— Ну-ка перестань капризничать, давай мне сюда свой язычок, — деловито сказал Матвей. Он углубил указательный палец в её ротик и начал подсовывать под её язычок. Таким образом он заставил её приподнять свой язык, а большим пальцем обхватил её язычок с верхней стороны.

— А… м… что… — Невнятно бормотала Вероника. Хотела спросить, что он делает, но не могла разговаривать из-за того, что он продолжал держать свои пальцы у неё во рту. И уже в следующее мгновение он обхватил её язычок и начал пожимать массирующими движениями. Грубо не сжимал и больно ей не делал. Только поэтому она лежала и терпела, не отворачивалась.

— Сегодня этот язычок провинился, — игриво сказал Матвей. — И вообще он очень болтливый и непослушный. Знаешь, что это означает?

— М-м-м… — с ещё большим недовольством замычала Вероника. Не понимала, что происходит. Сейчас он ещё больше начал походить на странного извращенца, а не на доктора. Если примочки и маску он хоть как-то мог объяснить, но то, что происходит сейчас, реально казалось ей странным. Явно намекает на то, что нужно наказать её язык. Именно наказать, а не полечить. Вероника не выдержала, отвернулась и заставила его вытащить пальцы из её рта.

— Что ты делаешь? — возмутилась Вероника.

— Это ты что делаешь? Разве я разрешал тебе отворачиваться? — деловито спросил Матвей. Второй рукой он схватил её за подбородок и снова заставил лечь ровно. Потом опять начал давить на её подбородок, чтобы она открыла рот.

— Не сопротивляйся, — сказал Матвей.

— Чего ты хочешь? — пробормотала Вероника. Но в эту секунду он насильно начал запихивать в её рот свои пальцы.

— Ты же уже поняла, чего я хочу. Хочу немного наказать твой язычок, — игриво сказал Матвей, ехидно улыбаясь.

— Что? — чуть ли не в ужасе произнесла Вероника, не верила своим ушам. Всё-таки её ужасные подозрения оправдались. Он сейчас просто издевается над ней, насмехается.

— Хочу, чтобы твой ротик был послушный. Нельзя грубить и говорить всякое когда ни попадя, — деловито сказал Матвей. — И вообще-то ты должна разговаривать только с моего позволения.

Он ехидно улыбнулся, а потом пальчиком начал поглаживать её язычок.

— М… м… — ещё громче замычала Вероника. Снова попыталась отвернуться, но Матвей не позволил. На этот раз ей не удалось заставить его вытащить свои пальцы из её рта. Он, наоборот, ещё сильнее углубил их, а чтобы она не отвернулась, второй рукой схватил её за лоб.

— Лежи спокойно, я сказал. Ты забыла правила? Ротик мой! Так что я буду играться с твоими язычком столько, сколько захочу, и с этого дня начну наказывать за грубость. А знаешь ещё, за что мне хочется наказывать тебя?

— М-м-м… — мычала Вероника и вынужденно лежала ровно. Матвей тем времени лазил пальцами у неё во рту. Язычок её поглаживал, попытался проникнуть глубже.

— Да, мне нравится играться с твоим маленьким язычком! — язвительно сказал Матвей. Потрогал её гланды, а потом подушечкой пальцев потеребил её маленький язычок. Вероника сразу же задёргалась и закашляла. Он ещё крепче схватил её за лоб и продолжил поглаживать.

— Да-да, подёргайся! Можешь даже пообижаться на меня, но я всё равно буду делать так, когда захочу, — язвительно сказал Матвей. — Уясни уже наконец, что твой ротик теперь принадлежит мне.

Вероника была в ужасе от того, что он говорит. Но сейчас она даже возразить не могла. Только дёргалась и дёргалась снова и снова. Кашляла, но не могла его заставить вытащить пальцы изо рта.

Он почти целую минуту насильственно поглаживал её горло своими пальцами. Ей было тяжело дышать и ужасно тяжело это терпеть. Ей было щекотно и неприятно, но сильнее всего это задевало её самолюбие. Он ведь сказал, что будет делать это сколько угодно и когда угодно, и она должна позволять. Он что, думает, что раз она его жена, он вправе так насмехаться над ней? Вправе глубоко запихивать в рот свои пальцы, играться с её горлом? Вероника не могла с этим согласиться. Он ведь сейчас даже не член суёт ей в рот, а просто свои пальцы. И ему явно нравится мучить её.

— Тихо, милая, тихо! Я уже почти наигрался, — хихикнул Матвей, а потом всё-таки вытащил пальцы из её рта, чтобы она смогла отдышаться.

— А… а… — покрикивая, простонала Вероника и начала тяжело дышать. А как только отдышалась, сразу же начала обиженно похныкивать.

— Или, может быть, ещё не совсем наигрался! — сказал он секунду спустя, ехидно улыбаясь. Ещё одна задумка пришла ему на ум.

«Может быть, снова запачкать твой ротик? Давно уже ты не посасывала мои носочки! — язвительно подумал Матвей. — Конечно, сегодня я не смогу заставить лежать тебя с носочками во рту, но мочу посмокать через них вполне могу заставить».

Он сразу же начал надевать медицинские перчатки, чтобы самому не запачкаться. Вероника тем временем продолжала хныкать и обиженно сказала:

— Зачем ты это делаешь? Ты просто издеваешься надо мной.

«Да, милая, издеваюсь! Но я не позволю тебе так говорить», — язвительно подумал Матвей, уже снимая с ноги правой носок. Потом он сразу же бросил его в миску с мочой и начал бултыхать.

— За языком своим следи, — деловито сказал Матвей. — Твой язычок определённо сегодня напрашивается.

Ему надоело быть милым и заботливым. Иногда хотелось быть просто самим собой и наказывать её злостно, чтобы она понимала, что на самом деле он над ней издевается. Ведь так поинтереснее, больше кайфа. И впервые за долгое время он не сдерживался.

— Перестань! Что ты такое говоришь? — ужаснулась Вероника.

— Всё-таки я немного подлечу твоё горлышко, — сказал Матвей, а потом вытащил носки из миски с мочой, немножечко отжал их и начал подносить к её ротику. Он снова схватил её за подбородок второй руки и деловито приказал:

— Открывай рот и не капризничай.

— Нет, не надо лечить! — визгнула Вероника.

— Я сказал, не капризничай, или хочешь получить? — сердито спросил Матвей. Когда он становился грубым, ей всегда было страшно. Она в ужасе затаила дыхание и больше уже ничего не могла говорить. И в следующую секунду сдалась. Матвей надавил на её подбородок ещё разочек посильнее, и она открыла свой рот.

— Вот так вот, молодец, — язвительно сказал Матвей. — Сейчас будет немного неприятно, но ты потерпи.

Он просто по привычке сказал, что подлечит её горлышко. Впрочем, это ведь и правильно. Он ведь только язычок её собирается наказать, а горлышко подлечу. Как обычно подлечу, — язвительно подумал Матвей. Он сложил носок на три части и начал запихивать в уроке.

— А… ы… — Взвыла Вероника, пытаясь дёргаться. Второй рукой он крепко хватал её за лоб, чтобы не позволять отворачиваться. Но он чувствовал, что она пытается это сделать, и отругал:

— Если продолжишь дёргаться, снова привяжу твою голову.

— А… м… — взвыла она ещё громче, когда почувствовала, как он прикладывает какую-то ткань к её гландам и к её маленькому язычку. А ещё он потом начал давить сильно-сильно, и в её ротик полилась какая-то жижа. То, что он называет лекарством. Она была солоноватая, неприятная на вкус, и она сразу же узнала это лекарство. То самое лекарство, которым он в прошлый раз заставлял её полоскать горло и проглатывать.

— Прикладываю непосредственно к горлышку, чтобы лекарство точно подействовало, — деловито разъяснил Матвей, и носком он прямо начал протирать её горло в разных местах. Тёр и гланды, и основания её языка. Вероника снова не выдержала и начала дёргаться, рыгать. У неё сработал рвотный рефлекс, но всё же она сдержалась и не блеванула. И что самое ужасное, он продолжил мучить её ротик. Вытащил носки из рта и снова бултыхнул в моче, чтобы повторить это ужаснейшее «лечение».

— Пожалуйста, не надо так делать… — взмолилась Вероника. Она снова хотела сказать, что он просто издевается над ней, но на этот раз воздержалась, боялась его гнева. А Матвей тем временем со злостной улыбкой чуточку отжал свои носки и в очередной раз подвёл к её ротику. Схватил её за подбородок и требовательно сказал:

— Открывай ротик.

— М… пожалуйста, — пробормотала Вероника, наоборот, стараясь закрыть свой рот. Но это не сработало.

— Открывай, я сказал, — повторил Матвей и ещё сильнее надавил на её подбородок. Вероника уже не могла сопротивляться. Она вынужденно открыла рот, а он снова засунул

внутрь свои носки. Запихнул глубоко, прижимая прямо к её горлу и гландам. Начал давить, отжимая носки прямо ей в рот.

«Вот так тебе, получай! Не только язычок накажу, но и горлышко», — язвительно подумал Матвей. В этот момент Вероника не могла кричать и даже мычать не могла, только дёргалась и пребывала в диком ужасе.

— Терпи, милая, уже почти всё, — деловито сказал Матвей, искривив губы в злобной улыбке. Однако он ещё даже думал прекращать и носками снова начал потирать её горло. В этот момент ей стало не хватать кислорода. Она широко открыла рот и вдохнула, издав непонятный хриплый звук. Но вдохнуть она смогла, потому что Матвей уже некрепко прижимал носки. Наоборот, начал их вытаскивать, растирал ими её язычок.

— Вот так вот, надо обработать твоё горлышко, — язвительно сказал Матвей. — Знаю, ты не хотела лечить горлышко, говоришь, что оно не болит. Но поверь мне, оно красненькое, и нужно его подлечить.

Всё-таки ему хотелось прикрывать свои гнусные поступки попытками вылечить её. Видимо, он уже привык так поступать и врал на автомате.

Наконец он вытащил носки из её рта, чтобы в очередной раз промокнуть в моче. Вероника в ужасе закричала:

— А… пожалуйста, хватит… у меня наоборот разболелась горло.

— Не переживай, это лекарство всегда немного болезненно проникает в ткани. Но это нормально, — сказал Матвей, ехидно улыбаясь. — Сейчас ещё разочек протру, обмакну как следует, а потом остатками препарата сама будешь полоскать горлышко.

— Нет, пожалуйста, не надо больше обмакивать, — испуганно взмолилась Вероника. — Можно я уже сейчас буду полоскать горло?

«Уже хочешь полоскать горло моей мочой? — удивленно подумал Матвей. — Это похвально, ничего не скажешь! Но я ещё не промассировал твои гланды вдоволь. Хочу ещё посмотреть на то, как ты дёргаешься и ничего не можешь сделать».

И вот он в очередной раз прополоскал свои носки в моче, чуточку их отжал и начал засовывать ей в рот.

— А… а… — покрикивала Вероника, а Матвей уже давил на её подбородок и заставлял открыть рот. Вероника не сопротивлялась. Уже понимала, что это бесполезно. Если она не откроет рот, он рассердится и всё равно заставит это сделать. И вот он снова засунул влажные носки ей в рот и начал потирать ими её горло и язык. Тёр грубо, сильно надавливая, явно чтобы причинить ей боль.

«Вот так вот, милая, после такого твоё горлышко точно станет красненьким! Пусть поболит немножечко, — язвительно подумал Матвей. — Надо будет как-нибудь и горлышко твоё игрушкой подолбить. Но это не будет лечение, назовём это тренировкой для качественного минета!» Он сразу же ехидно улыбнулся. Уже на автомате растирал её горло своим носком и немного увлёкся.

— А… ы… — в ужасе громко мычала Вероника и задёргалась, начала задыхаться, но Матвей вовремя опомнился и вытащил носки из её рта.

— Ну всё, всё! Не надо жаловаться. Сейчас прополощешь рот, и отстану от твоего горлышка, — обещал Матвей.

— Ы… ы… — выла Вероника, не в силах что-либо сказать. Она была в диком ужасе от происходящего. Если бы только она знала, что он ещё задумал с ней делать, пришла бы в ещё больший ужас, ещё сильнее закричала бы от отчаяния. Но она и понятия не имела о его дальнейших задумках. И всякий раз, когда он что-то делал с ней, думала: «ну вот, скоро её мучения закончатся». Уже когда он запихнул под её веки ватные диски, уже тогда она подумала, что её мучениям пришёл конец, но вот он продолжает издеваться над ней. Ещё и горло её решил

полечить… а ведь сегодня даже причин никаких не было лечить её горло. Она сказала, что её горло не болит, а он всё равно…

Ей было так обидно. К горлу подкатил ком, и она расплакалась. Её глаза болели. Она не могла даже зажмуриться, но слёзы всё равно вытекали, ещё сильнее увлажняли её глазки.

— Эхе… эхе… — хныкала Вероника снова и снова, а Матвей какое-то время не тревожил её. Буквально одну минуту просто слушал и наслаждался.

«Что, милая, довёл я тебя до слёз? О, да! Я это обожаю! Но ты не думай, твои мучения ещё не закончились, они ещё только начинаются. Зажимчик уже давно ждёт твоего язычка у меня на столе. Сейчас допьёшь мои соки из этой мисочки, а потом накажем язычок, — язвительно подумал Матвей и в очередной раз начал бултыхать в миске с мочой свои носки. На этот раз особо отжимать их не стал, поднял вместе с миской и начал подносить эротику.

— Давай, милая, открывай свой ротик, сейчас налью препарат, и прополощешь горло.

Вероника так хотела сказать, что не станет полоскать горло, но боялась. Она знала, что он не согласится с таким решением и обязательно попытается заставить её полоскать горло. Но сильнее всего она боялась, что за отказ он опять начнёт растирать её горло тряпочкой, как делал это недавно. Это гораздо хуже, чем простое полоскание. И поэтому она не стала сопротивляться, послушно открыла ротик.

«Вот так вот, милая, молодец! Сама открываешь ротик, чтобы я налил на твой язычок мочу, — язвительно подумал Матвей. — Да, именно мочу! И даже не чистую, а выжатую из моих грязных носков». И уже в следующее мгновенье он начал отжимать свои носки прямо в её рот.

— Шире открывай ротик, чуть мимо не вылил, — пожаловался Матвей.

— М… — обиженно тихо мыкнула Вероника, а сама послушно открыла рот ещё шире. Матвей ещё разок обмакнул носки в моче и ещё разочек отжал их в её ротик.

— Давай, теперь поласкай горлышко и ротик.

Как только он сказал «ротик», она сразу же замерла от волнения. Он ведь знает, что ей противно полоскать рот, а потом проглатывать это лекарство, но сейчас его это явно не волнует. Он думает, что она испугается и подчинится, прополощет рот и всё проглотит? Но она не хотела так делать…

— Поласкай, я сказал, — требовательно повторил Матвей.

Уже сейчас Вероника испугалась и начала полоскать горлышко. Он слышал характерные звуки бульканья и довольный хитро улыбнулся. «Вот так вот, милая, полоскай горлышко моей мочой, нравится? — язвительно думал Матвей, мысленно разговаривая с ней. — Будешь регулярно это делать, моя грязная жёнушка! Научу тебя хлебать мои соки с удовольствием, смакуя, не спеша. В следующий раз заставлю носиком сосать мочу. Ты у меня офигеешь, когда я целый стакан заставлю тебя высосать носиком. Устроим тебе глубокое промывание!»

Он знал, что это её очень шокирует и напугает, и поэтому ещё сильнее хотел заставить её носом выпить стакан своей мочи. «Вот чёрт, опять встаёт… что же ты со мной делаешь!» — ухмыльнулся Матвей и через шорты потеребил свой член. Он ведь кончил недавно и заниматься сексом во второй раз не планировал. «Успокойся, дружище, сейчас не надо!» — весело сказал он самому себе, воображая, что разговаривает со своим собственным членом.

— А теперь ротик прополощи, — приказал Матвей.

Вероника сразу же издала недовольный голосок и замыкала:

— А… ы…

— Я сказал прополощи, и лучше не нервируй меня, — сказал Матвей, неожиданно схватив её за подбородок. — Я сейчас не в настроении уговаривать тебя.

— Ы… ы… — снова взвыла Вероника, давая понять, что не хочет поласкать рот.

— Что такое? Ждёшь разрешение сполоснуть рот и сплюнуть? — догадался Матвей и сразу же сказал: — Ну хорошо, разрешаю тебе сплюнуть, но только давай качественно споласкивай ротик.

Вероника сразу же подчинилась и начала активно полоскать свой рот. Ехидно улыбаясь, Матвей помог приподнять ей голову и поднёс миску с мочой к её губам:

— Давай, сплёвывай.

Она сразу же радостно сплюнула, удивляясь тому, что он разрешил ей это сделать. А ведь она была уверена, что он заставит её всё это проглотить. Это же всё-таки лекарство, которое он всё время жалеет, печётся о том, чтобы даже капелька не пропала. Впрочем, она вспоминала, что и в прошлый раз он разрешал ей сплюнуть, и поэтому успокоилась. Решила не выискивать в этом никакой подвох.

— Сейчас налью ещё, и давай на этот раз подольше ротик полоскай, — сказал Матвей.

Он обратно уложил её голову на кушетку, а потом начал давить на подбородок. Вероника не сопротивлялась и открыла рот, и уже в следующее мгновение он налил в её ротик ещё больше препарата. Всё бы ничего, но она сразу же заподозрила неладное. Хоть она и не видела, но чувствовала. И она не слышала, чтобы он откладывал куда-то миску, в которую она плюнула. Быстро уложил и сразу же налил в её ротик. Ей даже показалось, что она ощутила какую-то слизь в препарате, который он сейчас налил ей в рот… конечно же, она заподозрила, что он налил ей в рот то, что она только что сплюнула. Её сердце сразу же замерло от ужаса, а Матвей начал её торопить:

— Давай уже, поласкай рот. Что ты тянешь время?

И, стараясь не думать об ужасном, Вероника начала послушно полоскать горло. Сначала всегда полоскала горло, и только после рот. Матвей услышал бульканье и довольный ухмыльнулся.

«Да, милая, полоскай горлышко своей блевотиной! Противиться она знаете ли! А я так вот поступаю с такими чистюлями, как ты, блевотиной заставляю полоскаться и мочой. Вот так вот, полоскай горлышко, ещё и ротик. Сейчас сплюнешь, и снова налью это тебе в ротик».

— Давай, ротик полоскай, хватит бултыхать в горле, — повелительно сказал Матвей. И Вероника сразу же послушно начала активно полоскать свой рот. И опять он приподнял её голову, чтобы она сплюнула. Вероника, конечно же, сплюнула и начала тяжело дышать. Так как её ноздри он заткнул марлями, она не могла дышать через нос и довольно быстро начинала задыхаться.

Она отдышалась, и вскоре Матвей снова плавно уложил её и начал давить на подбородок.

— Открывай свой ротик, — приказал Матвей. На этот раз он даже не отрывал край миски с её губ. Заставил её открыть рот и сразу же влил обратно то, что она только что выплюнула. И Вероника поняла, что не ошиблась. Сейчас она уже точно поняла, что её ужасные подозрения оказались правдивыми.

«Нет-нет! Это не может быть правдой… ты не мог меня так обмануть», — в ужасе подумала Вероника, и волна омерзения сразу же охватила всё её сознание. И что самое ужасное, он влил в её ротик, а потом снова надавил на её подбородок, теперь уже для того, чтобы заставить её закрыть рот.

— Глотай, — приказал Матвей.

— М-м-м-м, — в ужасе взвыла Вероника.

— Что такое, догадалась? — язвительно спросил Матвей, продолжая давить на её подбородок и не позволяя открыть рот, чтобы всё сплюнуть. — Я сам хотел, чтобы ты догадалась. Я никогда не разрешаю сплёвывать лекарства. И скажу по секрету, в прошлый раз я тебя тоже обманул. Сполоснула ротик, а потом проглотила свою блевотину.

— М-м-м… — в ещё большем ужасе взвыла Вероника. Она и подумать не могла, что он такое скажет. Ей было обидно до слёз. Но что самое ужасное, он опять начал её запугивать, опять угрожает побоями. В следующем мгновении Матвей пригрозил:

— Глотай, пока снова не начала задыхаться. Если попытаешься выплюнуть, врежу так, что мало не покажется.

По её жилам пробежался холодок. Вероника уже почти сдалась от испуга, но всё равно не могла заставить себя проглотить то, что у него во рту. А между тем её последний мык показался ему особенно жалобным, плачущим, и поэтому он язвительно сказал:

— Ну ладно, кулаком бить не буду. Я же ведь обещал этого не делать. Но я не обещал, что не высеку тебя ремнём.

Он ехидно улыбнулся и уже представил, как снимает ремень со своих штанов и начинает сечь её прямо по попке. Конечно, он сейчас в домашних шортах, и в них нет ремня, но фантазия-то какая! Он опять начал заводиться.

— Разверну тебя жопкой кверху и высеку как следует, что аж сидеть не сможешь, — пригрозил Матвей. — Назовём это профилактической поркой против капризов.

В этот момент Вероника начала задыхаться. Она попыталась открыть рот, но он не позволял. Отложил миску на стол, обеими руками схватил её за голову и сердито приказал:

— Глотай или задохнёшься и сдохнешь прямо тут, у меня на столе.

Он был жесток и не собирался давать ей поблажки. Она ещё пару раз вздёрнулась, и он сердито повторил:

— Глотай, я сказал.

Вероника больше не выдержала и от испуга проглотила всё, что он влил ей в ротик. А потом с криком открыла рот:

— А-а-а… а…

Её глаза снова наполнились слезами от обиды и ужаса. Всё ведь было хорошо. Он был милым, и вдруг ни с того ни с сего снова стал грубым, мучает её, издевается. Она даже пожаловаться не успела, как вдруг он надавил на неё подбородок и снова начал вливать ей в рот эту мерзкую жижу. То, что она сплюнула… грязную омерзительная жижу. А ведь она ещё не знает, что это моча, в которой он споласкивал свои носки.

— Ты выпьешь всё, что тут осталось, и даже не вздумай сопротивляться, — сердито сказал Матвей.

— А-а-а… — продолжила Вероника кричать. Пыталась отвернуться, но он не позволил. Он не только давил на её подбородок, но ещё не позволял отворачиваться. Влил очередную порцию грязной мочи в её рот и язвительно сказал:

— Вот так вот, а теперь глотай.

— Ы-ы-ы… — громко и обижено взвыла Вероника.

— Опять тебя нужно заставлять? — язвительно спросил Матвей, хватая её голову обеими руками. — А я ведь заставлю! Один раз заставил, и второй раз могу это сделать.

Вероника в ответ только мычала, но подчиняться не спешила.

— Если продолжишь выбешивать меня, заставлю всё проглотить, а потом разверну и всё равно высеку. Как тебе такое?

Вероника испугалась, а ещё — она снова начала задыхаться. С ужасом понимала, что у неё нет никакого выбора. Ей придётся всё проглотить, иначе будет только хуже.

Она заставила себя перебороть омерзение и сделала очередной глоток. Пыталась успокоить себя тем, что уже это делала… одним разом больше, одним меньше? Но такая логика плохо срабатывала и она продолжала противиться.

— Вот и замечательно, прекрасно! — похвалил её Матвей. — А теперь последний раз открой свой ротик, проглоти остатки.

— А-а-а… а… — в ужасе прокричала Вероника с истеричным стоном, но уже в эту секунду он давил на её подбородок, заставляя её открыть рот. И он начал вливать остатки этой грязной жижи ей в рот. Её язык увлажнился, а ещё она почувствовала слизь… много-много слизи. И это точно была её собственная слюна. То, что она с омерзением сплюнула. Теперь он снова вливает это ей в рот. Да ещё собирается заставить это проглотить. Ничего омерзительнее она и вообразить не могла.

— Глотай, — приказал Матвей уже в следующую секунду. И снова он надавил на её подбородок, теперь уже заставляя её закрыть рот. Вероника боялась сопротивляться, она только затаила дыхание от страха и заставила себя всё проглотить.

— Вот и замечательно, моя послушная девочка! — язвительно сказал Матвей, поглаживая её личико поверх тряпочной маски, которую он успел надеть на неё. Она уже частично впиталась мочой от накладки с лица, но это его не смущало. Он ведь в перчатках, и это не казалось ему омерзительным. Он ехидно улыбнулся и злорадно подумал: « а сейчас, моя дорогая, приступим к наказанию твоего язычка!»

— Эхе-хе-хе… зачем ты это сделал? — в слезах спросила Вероника. Она до сих пор была в ужасе от того, что он заставил её сделать. Заставил проглотить то, что она сплюнула… такую гадость. Сейчас она думала о том, что никогда его не простит за это.

— Что я такого сделал? Всего лишь лечу твою брезгливость, — деловито сказал Матвей, а потом неожиданно снова начал давить на её подбородок. — Открой свой рот.

— Ты заставил проглотить… эту гадость… — истерично заливаясь в слезах сказала Вероника. Но Матвей не собирался слушать её жалобы и ещё сильнее надавил на её подбородок.

— Заставил и что? Не померла же, — язвительно сказал Матвей и ещё сильнее надавил на её подбородок. — Рот открывай.

Она уже точно знала, что в той миске больше ничего не осталось. Он ведь сказал, что влил в её ротик последние остатки. И она в это верила. Даже вообразить не могла, зачем он просит её снова открыть рот. Она хотела задать ему этот вопрос, но не успела. Уже в следующую секунду Матвей требовательно повторил:

— Открой рот, я сказал. Я просто посмотрю.

Вероника подумала, что он пытается проверить, всё ли она проглотила. Вроде бы звучало не страшно. К тому же она ведь действительно всё проглотила, и ей было нечего бояться, поэтому она послушно открыла рот.

— Высунь язык, — приказал Матвей. И снова Вероника подумала, что он просто проверяет, всё ли она проглотила. Возможно, ему плохо видно, или оа думает, что ей как-то удалось остатки жижи спрятать у себя в ротике под языком. Но ведь у неё ничего там не осталось, и поэтому она послушно высунула язык, не ждала ничего дурного. А Матвей уже в этот момент держал над её языком канцелярский зажим.

«Да, моя послушная, сама высовываешь язычок, чтобы я защемил его! — язвительно подумал Матвей. — Ох, как сейчас вскрикнешь!» И в следующем мгновении он надавил на зажим, раскрыл его, защемил её язычок.

— А-а-а… а… — в ужасе закричала Вероника, не понимая, что происходит.

— Я же сказал, что накажу твой язычок, — язвительно напомнил Матвей. Вероника тем временем кричала всё громче и громче, дёргалась. То поднимала голову, то опускала, то вертела головой туда-сюда, не зная, куда деться от боли. Она чувствовала, что он чем-то прищемил её язычок. Ей было и больно, и страшно. Сердце замерло от волнения, а в жилах похолодело.

— Успокойся, — деловито сказал Матвей, неожиданно обеими руками схватив её за щёки и мешая дальше вертеть головой.

— А-а-а… — со стоном кричала Вероника снова и снова, не в силах что-либо сказать. Она вообще не была уверена, что может сейчас разговаривать. Ведь он что-то сделал с её языком, прищемил его.

— Что такое? Больно, что ли? — язвительно спросил Матвей. А Вероника, конечно же, продолжила кричать. Она ничего не говорила, даже не пыталась произнести какое-либо слово, но Матвей и так её понял. И чтобы она не слишком сильно на него обижалась, он, ухмыляясь, сказал:

— Это всего лишь секс-игрушка, маленький зажимщик! Обычно ими сосочки прижимают, но я решил наказать твой язычок.

— А-а-а… а… — продолжила Вероника в ужасе кричать. Опять он говорил так, будто бы сейчас не делает с ней ничего ужасного. Но это неправда. Всё происходящее не только отвратительно, но ещё и ужасно. И, судя по тому, как сильно болит её язык, Вероника точно была уверена, что это не маленький зажим, а, наоборот, большой… очень сильно сжимающий зажим, и в этом весь ужас. Она кричала и стонала, и не могла успокоиться, а Матвей продолжал хватать её голову обеими руками и ухмылялся. Смеялся над её болью.

— Ничего, скоро привыкнешь. Полежишь с зажимщиком на языке, пока я перевязываю твои подмышки! — язвительно поведал Матвей.

— А… а… ва… — невнятно в ужасе забормотала Вероника, явно пытаясь что-то сказать. Матвей ещё больше ухмыльнулся:

— Да, милая, с этой штукой во рту особо не поболтаешь! Зажимщик против болтовни!

Чтобы она не вертелась головой и, не дай бог, не начала, как тогда, истерично биться затылком об кушетку, он решил затянуть её голову ремнями.

— Это чтобы немного тебя успокоить, — сказал Матвей.

— А-а-а… а… — продолжила Вероника кричать и чувствовала, как сильно он ремнём затягивает её голову к кушетке. А ведь он уже маску надел на её голову. Она думала, что он больше не станет так её связывать… Но что самое ужасное, он ведь сказал, что ей придётся лежать с этой прищепкой на языке всё время, пока он перевязывает её подмышки. А вдруг он долго будет это делать? Она не могла с этим смириться, кричала снова и снова, изнемогая от боли. Боль с кончика языка распространилась глубже. Иногда ей даже казалось, что эта боль доходит до её горла.

— Ну да, повой немного, — язвительно сказал Матвей. — Это будет для тебя уроком! В следующий раз будешь вести себя более послушно.

Вероника выла и кричала. И она не понимала, за что он так её мучает? За что наказывает её язык, ведь она даже не оскорбила его… и вроде бы была послушной. Она не понимала, в чём он её обвиняет. Но зато она понимала другое: он захотел так наказать её, помучить, и он делает это. И самое ужасное — это уже не лечение, а самая обыкновенная издёвка.

Он как следует привязал её голову к кушетке за лоб и за подбородок, а потом указательным пальчиком потеребил зажим, который крепко сжимал её язычок.

— Да ладно тебе устраивать катастрофу! Я же сказал, это обычная секс-игрушка. Этим сосочки девчонкам прижимают, а иногда и клитор! — ухмыляясь, поведал Матвей, а потом неожиданно начал теребить её сосочек. — Это я ещё был добренький, не стал зажимать твои сосочки и клитор не тронул. Что ты так кричишь, словно я какой-то маньяк и делаю с тобой что-то ужасное?

Но в ответ Вероника только в очередной раз крикнула:

— А-а-а… а…

Она не могла согласиться с тем, что он не делает с ней ничего ужасного. Ей было очень-очень больно. И вообще она была в шоке от того, что он сделал с ней. Мало того, что снова запихнул под её веки примочки, ватные диски, теперь ещё так издевается… прищемил её язык

каким-то зажимом. Раньше он только кляп вставлял ей в рот, чтобы она не разговаривала, а сейчас такое сотворил… что же будет дальше? У неё сжалось сердце от ужаса.

Глава 111. Очередная чистка подмышек

— А… а… — покрикивая, стонала Вероника. То высовывала свой язычок, то немножечко втягивала обратно в рот вместе с прищепкой.

— Я же сказал, успокойся. Сейчас посмотрю твои подмышки, а пока не отвлекай меня, — деловито сказал Матвей и похлопал её по подмышке. — Болят ещё или нет?

— А… ы… — взвывала Вероника.

— Ну да, конечно, ты же не можешь ответить! — ухмыльнулся Матвей, а потом аккуратно начал сдёргивать пластырь, чтобы снять повязку с её подмышки. — Но знаешь, на самом деле ты можешь говорить, если очень постараешься. Если не будешь думать о боли и капризничать. Сколько раз я тебе говорил: не надо думать о боли! Просто прими её, и тогда будет легче.

Вероника ненавидит, когда он так говорит. Это всегда звучит как насмешка… Впрочем, это ведь и есть насмешка. А между тем Матвею нравилось язвить и действовать ей на нервы. А ещё он уже привык обманывать её и притворяться, что лечит.

— О, чёрт… ну вот опять… — протянул Матвей. Даже выстроил такую гримасу, будто увидел нечто омерзительное. Впрочем, он понимал, что она всё равно не видит, и это лишнее.

— А… ы… — громко застонала Вероника, требуя объяснений.

— Гноится, как всегда… гноится, к сожалению, — сказал Матвей и потом взял ватный диск, смочил спиртом и протёр её подмышку. Потом пальчиком начал пожимать.

— Даже вот так делаю, лезет… — пожаловался Матвей. На самом деле он, конечно же, врал. И говорил так специально для того, чтобы был повод в очередной раз «почистить» её подмышки. По сути, помучить, поковыряться в них.

«Да, милая, я снова это сделаю! И тебе никак этого не избежать», — язвительно подумал Матвей. Вероника тем временем продолжала покрикивать и стонать, а потом прислушалась к его издевательскому совету и попыталась отречься от боли, попыталась заговорить с ним.

— Сними… ы… — простонала Вероника. Прозвучало немного невнятно, но Матвей всё равно её понял.

— Нет-нет, милая, твой язычок ещё мало наказан. Я же ведь сказал: сначала сделаю тебе перевязку, а потом уже сниму зажим! — деловито напомнил Матвей. Потом он встал со своего кресла, обошёл кушетку и начал снимать повязку со второй её подмышки.

— Хочу сразу проверить. Может, хотя бы эта не гноится, — деловито сказал Матвей. Уже в следующее мгновение он аккуратно отодрал пластырь по краям её повязки и с досадой протянул:

— М-да уж, да уж…

— Что? — невнятно пробормотала Вероника.

— Да что, что как обычно! Надо чистить.

— А… нет… ы… — со стоном визгнула Вероника, а потом снова повторила: — Сними… больно…

— Нет-нет, милая. Никаких «сними» и «больно»! — язвительно повторил Матвей. — Я сейчас твоими подмышками занимаюсь, и не надо меня отвлекать.

— Ы… ы… — продолжила Вероника выть, а потом сильнее обычного высунула свой язычок. Как бы говорила, что ей очень больно и она очень хочет, чтобы он снял с её языка прищепку. Но Матвей и без этого её понимал, чего она хочет, но не собирался идти у неё на поводу.

— Всё там хорошо с твоим язычком. Лучше спрячь его, чтобы не высох! — язвительно предложил Матвей.

— А… за что? — невнятно пробормотала Вероника. Иногда она говорила настолько неразборчиво, что даже сама себя не понимала. И сейчас был один из таких моментов. Только вот Матвей понял её, будто заранее угадывал её мысли.

— Зачем я наказываю твой язычок? — игриво спросил Матвей.

— Ы… ы… — взвыла Вероника, легонечко кивнув головой.

— Да много причин на самом деле: плохо сосёшь, постоянно показываешь свою брезгливость. Это, пожалуй, основная причина! — с ухмылкой поведал Матвей. — Ты же знаешь, что я бешусь из-за того, что ты не хочешь сосать, а ты продолжаешь меня дразнить. Дразнишь и не сосёшь! Разве можно так издеваться над мужем?

— А-а-а… — протяжно вскрикнула Вероника. Она ведь и так уже старается. И сегодня она открывала рот, сосала ему член сама, без принуждения, а он так с ней… Ей было так обидно. Мгновенно в её горле встал ком, а к глазам прикатили слёзы.

— Да, да! Я знаю, что ты сейчас хочешь сказать: что ты сосала, что ты стараешься и прочее, и прочее! Я всё понимаю, что ты стараешься, но только плохо. Я не доволен твоими стараниями, — деловито сказал Матвей. — Мне надо, чтобы ты не просто сосала, а чтобы хотела это делать. Но самое главное, чтобы ты добровольно глотала.

В этот момент Матвей ухмыльнулся и добавил:

— Чую, с этим у нас ещё долго будут проблемы! Так что наказание точно не лишнее!

— А… ы… — протяжно взвыла Вероника.

— Что я тебе постоянно говорю? Ротик мой, хочу и наказываю! — язвительно сказал Матвей, а потом вдруг неожиданно стукнул кулаком по своему передвижному столу. Его приборы загромыхали, и Вероника в очередной раз вскрикнула, теперь уже от испуга.

— И никогда ты не будешь учить меня, что делать, и тем более не будешь грубить мне, — сердито сказал Матвей. — Да, милая, твой язычок сейчас получает за плохие слова.

Но Вероника не понимала, что плохого она сказала? И разве сказала? Она была в недоумении и продолжила выть. Вымученно пробормотала:

— Сними…

И снова она сильнее вытянула свой язычок, чтобы показать ему, чего хочет.

— Я же сказал, что пока ещё не сниму, — деловито напомнил Матвей. В этот момент он уже подготовил всё, что было нужно для дополнительных пыток. А именно для того, что бы он в очередной раз поиздевался над её подмышками.

Матвей распаковал целую кучу толстых игл, диаметром 2 мм каждая. «Но прежде чем начать, нужно включить камеру! — подметил Матвей. — Жаль, что не засняли ближе, как я чистил твою попку!» Съёмка, конечно, всё равно велась, но только основными камерами. Матвей уже сейчас думал о том, что придётся повозиться с этими записями.

Если бы никакие записи не велись, ему бы не было интересно мучить её. Это бы казалось неинтересным. И когда он в гостиной мучил её попку, тоже подумал об этом. Если он творит с ней такое, ему обязательно хотелось снимать, чтобы потом можно было просматривать это. И, конечно, лучше снимать в хорошем качестве с близкого расстояния. В этом был весь смысл.

Матвей отошёл к шкафу, открыл правую дверь и вытащил оттуда свою камеру. Для неё была выделена отдельная высокая полка, чтобы камера могла поместиться вместе со штативом. Естественно, он сложил ножки кронштейна максимально. Но главное, не приходилось снимать камеру со штатива, чтобы убрать всё это добро в шкаф.

С ехидной улыбкой он поставил камеру перед её подмышкой, настроил её и уже был готов приступить к «делу».

«Да, дорогая! Я уже готов продолжать мучить твои подмышечки! — насмешливо подумал Матвей. — Глазки закрыты, набиты ватками! Не можешь глазеть!» Как обычно, он насмехался над ней. Был в восторге оттого, что с ней творит.

Матвей максимально удобно присел, пододвинув своё кресло ближе к ней. Потом надел перчатки, продезинфицировал иглу и деловито сказал:

— Сейчас может быть больно, тут тебе нужно немного прочистить.

И стоило ему произнести слово «прочистить», и Вероника громко взвыла:

— Ы…. а…

Она опять сильно-сильно высовывала язычок, привлекая внимания на прищепку.

— Ну куда ты так тянешь язычок? Спрячь его лучше, а то высохнет, — ухмыляясь, сказал Матвей.

Но Вероника таким образом в очередной раз пыталась попросить его снять прищепку с её языка. Поэтому она выла, поэтому вытягивала язык, несмотря на боль, а он только смеётся.

— Сними… — в очередной раз невнятно пробормотала Вероника.

— Нет, пока ещё не буду снимать. Твой язычок ещё недостаточно наказан, — игриво и насмешливо сказал Матвей. Но её язык сильно болел… Вероника не могла с ним согласиться и продолжила выть:

— Ы… ы…

— Я только предупредил насчёт подмышек… — сказал Матвей, а потом схватил кожу её подмышки, чуточку приподнял и начал прокалывать её. Как обычно, прокалывал по старому проколу. Чтобы не промахнуться, делал это медленно, причиняя ей ещё больше боли.

— А… а… — закричала Вероника. Снова пыталась дёргаться. Она уже за сегодня пережила столько боли и не была готова ни к чему такому, а он снова её мучает. Опять мучает её подмышки под предлогом, что нужно их почистить. А ведь они не договаривались, что он приведёт её сюда для того, чтобы сделать перевязку на подмышки. Если бы он заранее сказал об этом, она бы хоть немножко была морально готова. Но он в очередной раз сделал ей ужасный сюрприз… ни с того ни с сего начал мучить подмышки. И что самое ужасное, — уже сейчас Вероника подозревает, что это будет длиться долго.

— Тихо-тихо. Без этого никак, — деловито сказал Матвей. Он вонзил иглу ей в подмышку и оставил там под кожей, потом взял ещё одну и начал прокалывать её подмышку ниже тоже по старому проколу.

— А… а… — снова протяжно закричала Вероника.

— Ну ладно тебе, успокойся! Тут немного, — сказал Матвей, а сам при этом язвительно подумал: «всего лишь нужно вонзить в тебя 14 иголочек! Сейчас вставлю их в тебя, и будет нормально. Вот так вот, красота какая получается!» Как раз в этот момент он уже вторую иглу внедрил ей под кожу, обновляя её старый прокол. А Вероника извелась, закричала, задёргалась, доставляя ему ещё больше удовольствия.

«Сейчас обновим все твои дырочки, и я отстану от твоих подмышек», — язвительно подумал Матвей. Он взял третью иглу и начал вводить под её кожу.

— А-а-а… — как обычно закричала Вероника, а он улыбнулся.

«Да, милая, да! Будет больно! Обожаю делать тебе больно», — насмехаясь, подумал Матвей. С большим удовольствием он пропустил иглу под её кожей и временно там оставил. Взялся за четвёртую иглу.

«И вот мы опять обновляем твои проколы! — с ухмылкой подумал Матвей. — Держу пари, ты даже чуточку не догадывалась, какая участь ожидает твои подмышечки здесь. Что, думала разок чуточку прочищу и всё? Я уже третий раз это делаю. Да! В третий раз ковыряюсь в твоих подмышках и ещё не последний. Я буду делать это регулярно!»

В его яичках сразу же защекотало, и он взялся уже за пятую иглу. В этот момент он особенно грубо ущипнул её подмышку, приподнял кожу и начал прокалывать.

— А-а-а… а… — протяжно закричала Вероника и вздёрнулась. Ей было больно даже в тот момент, когда он хватал её. Она чувствовала, что он делает это грубо, небрежно, как будто она даже не человек вовсе. Казалось, он уже больше не переживает о том, что ей будет больно.

Не старается быть нежнее. Просто делает свою работу грубо и быстро, и нехотя. Именно это её обижало и задевало, а ведь она не хотела никакую чистку…

— Надо, милая, надо! — деловито сказал Матвей, — потерпи.

Он ехидно улыбнулся, а потом взял шестую иглу. Иглы были толстые, и поэтому ей было очень больно всякий раз, когда он прокалывает её подмышку. Тем более, что он делает это по старому проколу, бередит её раны.

«О да! Я обожаю это делать. Терпи, милая, терпи! — язвительно подумал Матвей. — И думай, что это необходимо. Ты же ведь моя дурочка! Веришь в то, что это необходимо? А то, что я твой язычок защемил, ни о чём тебе не говорит?»

В некоторой степени ему уже надоело её дурить. Всё чаще и чаще ему хотелось, чтобы она знала, что именно он с ней творит. Чтобы она знала, что он нарочно её мучает, а ей приходится это терпеть. «И ты ещё долго будешь терпеть, моя мученица» — язвительно подумал Матвей и взял седьмую иглу. И это он хотел сказать вслух, но воздерживался.

— А-а-а… — протяжно прокричала Вероника, вздёрнулась, и вот он уже обновил её седьмой прокол.

— Уже немного осталось, потерпи, — милым заботливым голосом сказал Матвей и взял уже восьмую иглу. Быстро схватил кожу её подмышки, приподнял и начал прокалывать.

«Хорошо, да! О да! Прокол за проколом, и скоро мы обновим все твои дырочки» — язвительно думал Матвей. Он смотрел на её подмышки с невероятным восхищением. Ему очень нравилось видеть, как её кожу растягивает куча толстых игл.

Он ввёл под её кожу восьмую иглу и прошёлся пальчиком по всем проколам, под которыми уже иглы.

«Вот так вот, замечательно! — подумал Матвей, ехидно улыбаясь. — Прямо украшение для твоих подмышек!» Потом он взял ещё одну иглу, схватил кожу её подмышки начал прокалывать. Уже в тот момент, когда он так хватал её подмышку, Вероника знала чего ожидать. Он так хватает, чтобы в очередной раз внедрить ей под кожу инструмент. Он называет это чисткой. И всегда Вероника верила в это. Думала, что это нужно. Но сейчас она задалась вопросом, сколько можно постоянно там что-то чистить? Он ведь уже в третий раз это делает.

— А-а-а… — закричала Вероника, широко открывая свой рот и максимально вытянув язычок. Ей было очень больно. И не только подмышке, но и языку. Её язык болел всё сильнее и сильнее. Чем дольше щемил зажим, тем сильнее болел её язык. Раньше, когда он только-только защемил её язык, боль была только на кончике. Но сейчас она будто расползлась. Веронике казалось, что теперь у неё болит даже основание языка. Она поворачивалась в его сторону в надежде, что он снимет с её языка этот ужасный зажим и выла.

— Ну, что такое? Поругаться со мной не терпится? — язвительно спросил Матвей, щёлкнув пальчиками по её зажиму.

— Сними… ы… — пробормотала Вероника с воем, а потом она даже пыталась произнести слово «пожалуйста», но звучало это как нечто уж совсем невнятное. Матвей даже не понял, но всё равно знал, что она пытается сказать.

— Ну ладно, я уберу это с твоего язычка! С подмышками, оказывается, тут не так быстро, — сказал Матвей. Однако он даже договорить не успел, Вероника взвыла ещё сильнее, вытянув язык в его сторону:

— Ы…ы…

— Вот только с условием. Если будешь хорошо себя вести, — игриво предупредил Матвей, — если начнёшь ругаться со мной, опять защемлю язычок.

Вероника сразу же попыталась кивнуть, и он был доволен.

— Ну вот и замечательно! — с улыбкой сказал Матвей, а потом аккуратно схватил зажим и начал снимать с её языка. Уже в следующем мгновении он убрал канцелярский зажим, но её язычок всё ещё продолжал болезненно ныть.

— А…а… — воздержанно прокричала Вероника. Она была в ужасе от происходящего. От того, что он делает с ней, но боялась с ним ругаться. Он ведь сказал, что опять защемит её язык, если она будет с ним ругаться. Она уже хотела засыпать его обвинениями. Хотела сказать, что всё это он делает нарочно, чтобы помучить её, но воздержалась.

Матвей между тем видел, что она пытается вести себя хорошо, даже кричит не слишком громко. «Да, милая, учись быть хорошенькой!» — язвительно подумал он тут же. Но Вероника почему-то не спешила закрывать ротик, видимо, отвыкла это делать или же не отошла от боли. Покрикивала с высунутым языком, и Матвей усмехнулся. Неожиданно схватил её за язычок и начал его разминать массирующими движениями.

— Ну что такое, не хочешь спрятать язычок?

Вероника сразу же взвыла чуть громче и втянула язычок. Матвей не стал этому препятствовать. Да и в целом не мог, для этого ему пришлось бы слишком грубо схватить её язычок, а он так не хотел.

Вероника повернула голову в другую сторону, чтобы он больше не хватал её язык, а потом сразу же спросила:

— Зачем ты это сделал? Эхе… эхе…

— Я же ведь уже сказал, хотел немного наказать твой язычок, — игриво ответил Матвей, а потом, ехидно улыбаясь, схватил очередную иглу и торопливо начал прокалывать её подмышку.

«Лучше давай, на это отвлекись!» — насмешливо подумал Матвей, и уже в следующее мгновение, как и ожидалось, услышал её громкий протяжный крик:

— А-а-а…

Теперь уже Вероника не сдерживалась и кричала во всю глотку.

— Тихо, милая, я прочищаю твои подмышки, — деловито ответил Матвей.

— А… ты всё время их прощаешь… уже в третий раз прощаешь… — истерично напомнила Вероника.

— Знаю, милая, но что поделать? Видишь, они у тебя загноились, — сказал Матвей, а потом взял ещё одну иглу и торопливо начал обновлять её прокол. Это уже была одиннадцатая по счёту, оставалось внедрить под её кожу ещё три таких иглы, и с этой подмышкой он завершит.

— А… так больно, я не хочу, чтобы ты чистил…

Она даже договорить не успела, как вдруг почувствовала, как очередная игла вонзается в её подмышку. И она не могла не кричать. Снова жалобно громко вскрикнула, а потом сразу же захныкала. Матвей с восхищением провёл пальчиком вдоль её проколов, в тех местах, где под её кожей иглы невероятной толщины.

«Красота! Ох, какая красота! Иглы под твоей кожей смотрятся даже поинтереснее, чем нитки», — подумал Матвей. Впрочем, в последнем он не был уверен. И нитки тоже интересно смотрелись, когда он их внедрял под её кожу. Сегодня ему захотелось сделать всё попроще, хоть и не менее травматично. Впрочем, пожалуй, вам обязательно только иглу без нитки, всё-таки было менее травматично. Ведь нитки шероховатые и сильнее царапают её плоть изнутри, а иголки гладкие, и вот уже внутри. За короткое время он обновил почти все её проколы.

— А… я даже во рту ощущаю вкус крови, — жалобно сказала Вероника, продолжая похныкивать.

— Кажется, это я виноват! — ухмыльнулся Матвей. — Потрогал твой язычок кровавыми пальчиками. А ты что подумала? Что язычок твой лопнул?

— Эхе… эхе… мне было так больно, а ты смеёшься, — истерично пожаловалась Вероника, продолжая плакать, отвернувшись от него.

— Я хотел вставить кляп, но подумал, что тебе это не понравится, вот поэтому и решил придумать что-то новое! — с ухмылкой объяснил Матвей, а потом в очередной раз схватил

её подмышку и начал прокалывать по месту старого прокола. Вероника хотела сказать, что защемить её язык — это гораздо худшее наказание, чем просто вставить кляп в её рот, однако не смогла. Её подмышке стало так больно, и, как обычно, в этот момент она не могла ничего, кроме как громко закричать.

— А-а-а… — закричала Вероника и на этот раз даже вздёрнулась, будто бы пытаясь освободиться.

— Успокойся, милая, что же ты так? Тем более я уже почти закончил, — деловито сказал Матвей, а сам как раз в этот момент взял очередную иглу и, даже не дав ей никакую передышку, начал снова вонзать под её прокол, в предпоследний прокол.

— А… опять… — в ужасе закричала Вероника и снова вздёрнулась.

«Что такое? Нет времени на жалобы? Орёшь и орёшь! — язвительно подумал Матвей, — Вот так вот с тобой надо!» Он быстренько внедрил иглу в её прокол, а потом сразу же взял следующую. На автомате прошёлся по игле заспиртованной ваткой, схватил её кожу подмышки и торопливо начал прокалывать.

— А-а-а… — протяжно и громко закричала Вероника, как обычно, радуя его слух. Матвей довольный улыбнулся. Это была последняя игла. И он снова с восхищением подумал: «О да, красота! Легко и просто, а наказана нехило! Привыкай, милая, привыкай лежать и покрикивать, я не скоро отстану твоих подмышек. Жаль, что ты этого не знаешь. У меня есть ещё кое-какие идеи… когда закончим тут, под шрамиком можно будет поэкспериментировать, вот здесь». И в этот момент он схватил её подмышку чуть ниже от прокола, ближе в сторону спины, схватил и начал пожимать массирующими движениями.

— Эхе… эхе… — захныкала Вероника, — что ты делаешь?

Это показалось ей странным, и, конечно же, она спросила. Матвей тем временем продолжал мечтательно, хитро улыбаться, но о своих злостных планах, конечно же, не поведал.

— Да так, просто трогаю. Хотел спросить, не больно тебе здесь? — заботливо поинтересовался Матвей.

— Нет, там не болит, — сразу же ответила Вероника.

В этот момент он уже мечтал, что можно внедрить туда под её кожу что-нибудь колючее, чтобы ей было больно всякий раз, когда он трогает или делает ей лёгкий массаж. «Это было бы прикольно! — подумал Матвей. — Потом даже не придётся укладывать тебя, чтобы наказать. Достаточно будет как следует размять пальчиками, и ты у меня изведёшься! Да! Это будет замечательно. Модернизация подмышки!»

Но пока ещё эта гнусная задумка не реализовалась в его голове полноценно. Только промелькнула неожиданно и застыла знаком вопроса. Он не знал, что можно внедрить под её кожу, какие-нибудь шарики? Но ведь шарики не колючие, и вряд ли ей будет больно, когда он начнёт делать массаж. А ещё они могут быть сильно заметными, если он внедрит большой шарик. А если слишком маленький, он может уползти куда-нибудь, откуда потом мне вынуть.

«Впрочем, я могу впихнуть туда целую бусину прямо с нитками», — хитро улыбаясь, подумал Матвей. И, конечно же, он сразу же подумал о том, что нитка начнёт загнивать и разлагаться, и это приведёт к осложнениям. Но, с другой стороны, это не проблема, нитку можно заменить леской, и тогда ничего такого не произойдёт. «Ну нет, бусины — это слишком банально».

Матвей понимал, что даже если впихнет под кожу её подмышки бусины, даже если они приживутся, это будет не прикольно. У неё появится постоянная выпуклость в этом месте, а что толку? Скорее всего, она даже не будет испытывать особого дискомфорта из-за того, что они там есть. Другое дело, если внедрить туда что-то колючее. Он хотел что-то колючее, но не знал, что именно. «Надо будет подумать…»

— А почему ты спросил? Там у меня тоже опухло? — взволнованно поинтересовалась Вероника, выдержав некоторое молчание.

— Да вроде нет, не уверен, — ответил Матвей.

Вероника сразу же начала слезливо хныкать. Подумала, что наверняка ему не кажется, и раз уж её подмышки продолжают гноиться, наверняка это серьёзно. А вдруг у неё там действительно припухло? Это же будет означать, что заражение распространяется на другие участки её руки.

— Эхе… эхе… всё становится хуже? И чистка не помогает? — истерично спросила Вероника. — Скажи мне честно, не помогает?

— Помогает-помогает, успокойся уже, — ответил Матвей, а потом встал и потащил своё кресло в противоположную сторону, чтобы заняться второй её подмышкой. — Как видишь, на этот раз я даже чищу тебе быстрее, более поверхностно. Это потому что гноя меньше.

— Но всё равно так больно, — жалобно сказала Вероника. И в этот момент он уже протирал её подмышку спиртом, чтобы снова начать прокалывать.

— Я стараюсь делать это не больно, но, видишь, не получается.

Он ехидно улыбнулся, схватил кожу её подмышки и начал прокалывать.

— А… опять эта боль, — в ужасе произнесла Вероника. Она вздёрнулась и задрыгала попкой. И что самое ужасное, у неё ведь ещё и попка болит. Она как раз лежит тем местом, где он в её попе поковырялся. И каждый раз, когда она дрыгалась, ей становилась больно. Она ещё громче захныкала, а Матвей милым голосом сказал:

— Ну, успокойся, ты же всё понимаешь. Я не могу не прочистить, вдруг хуже станет? Нужно чистить каждый раз, когда делаем перевязку. Но это на первое время, — сказал Матвей.

«Да, милая! Теперь ты будешь ждать боли каждые три дня!» — язвительно подумал Матвей. И он специально так сказал, что нужно чистить её подмышки при каждой перевязке. Хотел услышать её жалобное нытьё. Он ведь всё-таки поэтому снял прищепку с её языка, чтобы она могла ныть и жаловаться. Оказалось, когда она ничего не говорит, а только стонет, не так интересно её мучить.

— Нет… только не говори, что это нужно ещё повторить, — в ужасе сказала Вероника.

— Успокойся, милая, я ещё пока точно и сам не знаю. Видишь, мы в прошлый раз прочистили, а у тебя опять загноилась. Опять приходится чистить.

И в этот момент он взял очередную иглу и начал вонзать под кожу её подмышки. Как обычно делал это медленно, стараясь попадать на прошлый прокол, куда внедрял нитки. И зачастую ему это удавалось. Её проколы ещё не успели как следует затянуться, и иголка проходила как по маслу. Без особых усилий пронзала кожу её подмышки насквозь, и он довольный улыбался. И особенно сильно ему нравились её крики.

— А-а-а… а… — снова закричала Вероника громко и протяжно. Снова попыталась вздёрнуться, доставляя ему удовольствие.

«Да, милая, никуда от этого не денешься! Как обычно будешь лежать и терпеть, пока я мучаю твои подмышечки! — язвительно подумал Матвей и взял в руки уже третью иглу. — И это была ещё только вторая иголочка, сейчас третью получишь». И вот он опять, не дав ей даже отдышаться, начал вонзать в её подмышку иглу.

— А… как больно… ты говоришь, что стараешься делать не больно, но всё равно так больно, — истерично пожаловалась Вероника.

— Ну, что поделать? Нужно высасывать гной, — деловито сказал Матвей и в очередной раз пронзил её подмышку.

— А-а-а… — со стоном закричала Вероника. — Я скоро с ума сойду от этой боли… постоянно больно.

Она и кричала, и плакала, и дёргалась, а он этому только радовался, даже чуточку не жалел. Взял ещё одну иглу, грубо схватил кожу её подмышки и начал пронзать.

«Вот так вот, дорогая, лови ещё одну иголочку на свою подмышечку!» — насмешливо думал Матвей, медленно вставляя иглу уже в её четвёртый прокол. И Матвей заметил, что она кричит громче, когда он делает это медленно.

«Всё-таки медленно больнее?» — язвительно подумал Матвей. Взял ещё одну иглу и точно так же медленно начал водить под её прокол.

— А-а-а… а… — с криком взвыла Вероника. Подрыгала попкой туда сюда, будто пытаясь уползти в сторонку.

«Да, всё-таки так больнее! — ухмыльнулся Матвей. — Значит, всегда будем делать так, медленно и с удовольствием!» И он действительно делал это с удовольствием. Схватил уже шестую по счёту иглу и начал вводить под её кожу. Отдыхать ей не давал. Вонзил, а потом приступил к обновлению следующего прокола. Вероника уже даже ничего не говорила, только кричала и дёргалась снова и снова, а он продолжал.

«Да, моя дорогая, не даю я тебе время на жалобы! Делаю это снова и снова, — насмешливо подумал Матвей и взял в руки очередную иглу. Это уже была десятая по счёту».

— А… долго ещё? — в ужасе спросила Вероника. Несмотря на то, что он делал это быстро, ей всё равно казалось, что долго. Он ведь мучает её, причиняет боль. И она продолжала чувствовать, что он медленно вставляет в неё свой инструмент. Она думала, что это именно инструмент для высасывания гноя. Она предположить не могла, что пронзает кожу её подмышки насквозь и просто так… конечно, в какой-то степени ощущала, что он делает это насквозь, но представляла другое. Она думала, что он через дырочки в её подмышках вставляет прибор для высасывания гноя. Тем более он вставлял в неё иглы медленно и довольно толстые. Вонзал кончик и на какой-то момент замирал, наслаждался этим зрелищем. И в эти моменты ей казалось, что он высасывает гной своими инструментами. Ощущала кончик инструмента под своей кожей. Кричала и терпела, но ни в чём его не обвиняла. Думала, что так надо, и всё ждала, когда же это закончится.

— Терпи-терпи, уже недолго, — обещал Матвей и с улыбкой взял ещё одну иглу. Потом, как обычно, ущипнул кожу её подмышки, чуточку потянул вверх и начал вонзать иглу.

«Да, дорогая, это не перестанет мне нравиться! — язвительно подумал Матвей. — Кричи-кричи! Ты у меня тут для этого. Теперь ты справедливо можешь обвинить меня в том, что я женился на тебе для того, чтобы издеваться. Только вот незадача, я действительно начал издеваться над тобой, а ты думаешь, что люблю!» Это не переставало его забавлять. «Но ты же ведь нуждалась в такой любви! Сама с удовольствием прилегла!» — насмешливо подумал Матвей. В очередной раз он взял новую игру и начал прокалывать её подмышку.

— А-а-а… а… — отчаянно протяжно закричала Вероника. Как обычно, она вздёрнулась от боли. Но это просто так, она не пыталась освободиться и убежать. Дёргалась, потому что не могла выдержать боли…

— Терпи, — сурово казал Матвей и в очередной раз внедрил под её кожу иглу. Улыбнулся. Он обожал так говорить, когда её мучает.

«Милый и жестокий. Такой муж тебе нравится? — язвительно подумал Матвей, вонзая под её кожу последнюю иглу. — Ну тогда получай такого мужа! Наслаждайся своим лечением!»

— А-а-а… а… — в очередной раз закричала Вероника, дёргаясь от боли. Матвей вдруг торжественно сказал:

— Всё-всё, я уже закончил.

Она уже так давно ждёт эти слова… она сразу же выдохнула с успокоением, а сама захныкала. И опять ей было так больно, а ведь он сказал, что только перевязку сделает. Звучало без обидно, но он столько боли ей причинил…

Теперь, когда все иглы уже под её кожей, он залюбовался. В очередной раз прошёлся пальчиком вдоль её проколов, под которыми иглы. И, конечно же, эти места у неё были выпук-

лые. Если не смотреть на торчащие иглы, можно было подумать, чтобы под её кожу заползли какие-то червячки. И её подмышки выглядели измученными.

Матвей, улыбаясь, взял свой телефон и сразу же сделал несколько фотографий. «Вот как выглядит издевательство!» — язвительно подумал Матвей. Вспомнил, как она недельки три назад обвинила его в том, что он якобы издевается над ней. А ведь он всего лишь оставил её надолго в ванной. И это ещё он не специально её оставил, а чисто потому, что забыл о ней, уснул ненадолго. В тот день она и разбила ему зеркало… и вот Матвей снова вспомнил про зеркало. На мгновение его снова охватила злоба по отношению к ней.

«Заслужила, — язвительно подумал Матвей. — А ведь правда же, всё, что я делаю с тобой, ты заслужила! Так что теперь лежи и кричи. Уйти от меня вздумала, разгромив тут всё? Вот как бы не так! Будешь лежать и кричать. Теперь ты уже точно моя пленница. Хрен я тебя отпущу когда-либо. Своими криками будешь отрабатывать разбитое зеркало!»

Он снял видеокамеру с кронштейна и переключил его на режим фотоаппарата. Начал делать снимки её измученных подмышек.

«Красота! Просто небывалая красота! — язвительно подумал Матвей. — Ты моя мученица! Это ещё не всё, не конец! Твоим подмышкам ещё многое предстоит пережить, как и твоей попке. Но не сегодня, конечно. Так уж и быть, сегодня отдохнёшь, и так здорово получилось. Уверен, ты не ожидала, что я понесу тебя наверх, чтобы снова расковырять твои подмышечки? А я расковырял их! Сделал тебе сюрприз! И масочку наложил… масочку с мочой, которую ты так любишь!»

Он Щёлк-щёлк фотографировал снова и снова, нажимаю на специальную кнопочку, И постоянно думал всякие гадости. Представлял, как мучает её снова и снова, и это ему не надоедало. Он то и дело ощущал в своих яичках лёгкую щекотку, член сдёргивался от приятного лёгкого возбуждения. Но самое особенное то, что он ощущал в сердце. Оно у него легонько сжималось всякий раз, когда он представлял, как мучает её снова и снова, она терпит, потому что ей никуда не деться… потому что она не может убежать.

«Да, милая, я и дальше буду обманывать тебя и мучить! Снова и снова буду ковыряться в твоих подмышках и в попе! Заживут ранки, а я снова уложу тебя и расковыряю их. Уложу и расковыряю! И тебе не убежать! Будешь лежать и покрикивать, как я люблю», — язвительно мечтательно подумал Матвей. И вот снова его сердечко ёкнуло так волнительно и приятно. Он закрыл глаза и выдохнул с наслаждением, представляя, как мучает её.

Он замер, держа в руке камеру, и почти целую минуту просто стоял, ничего не делая, даже не фотографируя. Он просто стоял и наслаждался, пытаясь лучше познать свои ощущения. И, конечно же, он в очередной раз понял, что ему нравится издеваться над ней, всячески причиняя боль. Впрочем, не только боль. Ему также нравилось заставлять её скучать и делать гадости. Нравилось заставлять долго-долго лежать в одной и той же позе и ничего не делать. Поэтому он наложил маску на её лицо. Ему не понравилось, как она в его отсутствие смотрит кино и развлекается.

«Сегодня будешь лежать и только лежать!» — насмешливо решил Матвей.

Глава 112. Нужна тренировка

Матвей сделал необходимое количество фотографий, потом вернул видеокамеру на кронштейн и запустил запись. «Сейчас будем вытягивать иголочки из твоих подмышек. Думаю, ты опять немного покричишь!» — язвительно подумал Матвей. Ей, конечно же, сказал иначе:

— Сейчас, милая, вытяну трубки, а потом наложу бинт.

— Какие ещё трубки? — ужаснулась Вероника.

— Ну так специальные, по которым я гной высасывал, — деловито разъяснил Матвей и как раз в этот момент вытянул одну иглу. Сделал это довольно шустро, и, конечно же, ей было больно.

— А… — вскрикнула Вероника. — Опять больно.

— Но наверняка не настолько, чтобы кричать, — язвительно упрекнул Матвей. Вытягивал уже вторую иглу.

— А… я уже так устала от боли, — с жалобой простонала Вероника.

— Она устала, кто бы поспорил! Я, между прочим, тоже устал возиться с тобой, хочется спуститься вниз и немного телек посмотреть, — язвительно пожаловался Матвей. И в этот момент он вытянул очередную иглу из-под её подмышки, и Вероника снова застонала. Ей было больно. Она ощущала, как игла скользит под её кожей.

«Наверное, если сделаю так, тебе будет ещё больнее», — с ухмылкой подумал Матвей, а потом вдруг обеими руками схватил две иглы и начал одновременно их вытягивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.